

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 4 (52)

Нижний Новгород

2020

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4 (52). — Н. Новгород: НГЛУ, 2020. — 163 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Волгоград), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 4 (52)

Nizhny Novgorod

2020

LUNN Bulletin. Issue 4 (52). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2020. — 163 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Volgograd), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.....	9
Зависимость способа передачи современных и исторических реалий от времени осуществления перевода	
<i>Белошицкая Е. А.</i>	<i>9</i>
Материалы к словарю нижегородских имен собственных: вопрос о структуре словарной статьи	
<i>Иванова О. В.</i>	<i>20</i>
Экспликация гендерных стереотипов в художественном дискурсе	
Е. Г. Водолазкина	
<i>Копоть Л. В.</i>	<i>38</i>
Ономастикон рассказа Б. К. Зайцева «Священник Кронид» в контексте констант православия	
<i>Кузьмина М. И.</i>	<i>49</i>
Лингвоаксиологические аспекты англоязычной стилизованной коммуникации: система позитивно-оценочных средств	
<i>Старостина Ю. С., Харьковская А. А.</i>	<i>66</i>
К вопросу об определении понятия «термин» и критериях его выделения	
<i>Цепков И. В.</i>	<i>81</i>
Ольфакторный признак как объект вербализации	
<i>Шнякина Н. Ю.</i>	<i>93</i>
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	112
Душа — страдание — совершенство: диалог Уайльда с Кропоткиным и Достоевским	
<i>Королева С. Б.</i>	<i>112</i>
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	127
Межкультурная и межэтническая коммуникация — основа подготовки лингвиста к межкультурному диалогу в процессе обучения в вузе	
<i>Дмитриева Е. Н., Оберемко О. Г.</i>	<i>127</i>
РЕЦЕНЗИИ.....	143
Английская фразеология как объект лингвокультурологии и лингводидактики	
<i>Федуленкова Т. Н.</i>	<i>143</i>

Да воздастся каждому по трудам его	
<i>Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н.</i>	151
ХРОНИКА	156
Хроника научной жизни ВШП НГЛУ	
<i>Петрова О. В., Сдобников В. В.</i>	156
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	161

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Correlation between the Time of Translation and Translation Strategies for Modern and Historical Realia	
<i>Elena A. Beloshitskaia</i>	<i>9</i>
Working on the Dictionary of Nizhny Novgorod Proper Names: the Structure of the Dictionary Article	
<i>Olga V. Ivanova.....</i>	<i>20</i>
Examining Gender Stereotypes in the Literary Discourse of E. G. Vodolazkin	
<i>Lilia V. Kopot</i>	<i>38</i>
Onomasticon of the Story by B. K. Zaitsev ' <i>Priest Kronid</i> ' in the Context of Constants of Russian Orthodox Christianity	
<i>Margarita I. Kuzmina.....</i>	<i>49</i>
Axiological Aspects of Stylized English Communication: Developing a System of Positive Evaluation Language	
<i>Iulia S. Starostina, Antonina A. Kharkovskaya.....</i>	<i>66</i>
On Defining Terms and Using Optimal Definition Criteria	
<i>Ilya V. Tsepkov</i>	<i>81</i>
Olfactory Signs as Objects of Verbalization	
<i>Natalia Yu. Shnyakina</i>	<i>93</i>
CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE	112
Soul — Anguish — Perfection: Oscar Wilde's Dialogue with Kropotkin and Dostoevsky	
<i>Svetlana B. Koroleva.....</i>	<i>112</i>
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION.....	127
Intercultural and Interethnic Communication as the Basis for Training College Students Majoring in Linguistics for Intercultural Dialogue	
<i>Elena N. Dmitrieva, Olga G. Oberemko</i>	<i>127</i>
REVIEWS	143
English Phraseology as an Object of Linguoculturology and Linguodidactics	
<i>Tatyana N. Fedulenkova</i>	<i>143</i>

May Each Be Rewarded According to Their Works <i>Anna D. Bakina, Tatyana N. Fedulenkova</i>	151
CHRONICLE	156
Research News and Events in the Higher School of Translation and Interpreting of N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod <i>Ola V. Petrova, Vadim V. Sdobnikov</i>	156
CONTRIBUTORS' INFORMATION	161

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-9-19

ЗАВИСИМОСТЬ СПОСОБА ПЕРЕДАЧИ СОВРЕМЕННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ОТ ВРЕМЕНИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЕРЕВОДА

Е. А. Белошицкая

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

В статье рассматривается, как время осуществления перевода может повлиять на выбор переводчиком способа передачи современных и исторических реалий. Материалом для исследования были выбраны шесть переводов повести М. Твена «Приключения Тома Сойера». Опираясь на выведенное в начале статьи определение современных и исторических реалий, автор проанализировал способы передачи трех реалий, встречающихся в повести, с учетом словарей, выпущенных в одно время с переводом. Результаты исследования имеют практическую значимость для переводчиков, сталкивающихся с проблемой передачи современных и исторических реалий.

Ключевые слова: перевод; реалии; способы передачи реалий; стратегии перевода; транскрибирование; генерализация; замена функциональным аналогом.

Correlation between the Time of Translation and Translation Strategies for Modern and Historical Realia

Elena A. Beloshitskaia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

This article examines how the time of translation can influence the translation strategy the translator chooses when translating modern and historical realia. The material for the research was six Russian translations of Mark Twain's novel *The Adventures of Tom Sawyer*. The author chose three realia (*moccasins*, *Pain-killer*, *clerk*), which fit the definition of modern and historical realia provided at the beginning of the article. With the help of the dictionaries published at the same time as the various translations, the author analyzed the strategies the translators used when translating those realia. The research results are of practical importance for translators tackling the problem of translating modern and historical realia.

Key words: translation; realia; translation strategies for realia; translation strategies; transcription; generalization; equivalency.

1. Введение

Временная, или темпоральная, классификация реалий — одна из классификаций реалий, предложенных С. И. Влаховым и С. П. Флориным в работе «Непереводимое в переводе», согласно которой реалии делятся на современные и исторические (Влахов, Флорин 1980: 64).

Для начала дадим определения современных и исторических реалий, основанные на определении собственно реалии, которое мы вывели, опираясь на другие определения ряда переводоведов (С. И. Влахова, С. П. Флорина, Л. Н. Соболева, Н. П. Чепель):

Современные / исторические реалии — это слова и словосочетания, служащие для обозначения предметов, понятий и явлений, характерные для современного / исторического развития одного народа, малознакомые или отсутствующие в иной культуре и ином языке, часто выражающие национальный и временной колорит и, как правило, не имеющие точных эквивалентов за пределами языка, которому они принадлежат.

Описывая принцип передачи реалий, обратимся к Д. Бэгли (Baguley 1984: 184–185), который проанализировал пути передачи социокультурных элементов текста ИЯ в рамках переводческих стратегий. Непосредственное отношение к передаче реалий имеют две из трех его классификационных «серии параметров»: культурологическая и временная оси. Автор признает возможными две комбинации: 1) сохранение особенностей исходной культуры (культурологическая ось) и сохранение особенностей языка того времени, когда был создан оригинал (временная ось); 2) перенесение содержания текста в контекст культуры носителей ПЯ и соответствие современным переводчику нормам ПЯ. По нашему мнению, один из главных принципов передачи реалий, которым должен руководствоваться переводчик, — это сохранение национального и временного колорита, свойственного той или иной реалии, поэтому в данной статье мы будем придерживаться первой комбинации, выделенной Д. Бэгли.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для исследования мы выбрали переводы повести М. Твена «Приключения Тома Сойера» (*The Adventures of Tom Sawyer*), которая вышла в 1876 году. Переводы этой повести мы посчитали подходящим материалом, поскольку они выполнялись не раз и с давнего времени — и выполняются до сих пор. Первый полный перевод был опубликован в 1896 году и был выполнен С. И. Воскресенской. До языковой революции 1917 года вышло еще не менее двух переводов (издательства А. С. Суворина — перевод был предположительно выполнен группой переводчиков, а также перевод М. А. Энгельгардта). Два самых известных

перевода, вышедших в советское время, — переводы К. И. Чуковского и Н. Л. Дарузес, из современных — переводы С. Б. Ильина и И. О. Родина. Поскольку в течение одного периода времени было выполнено несколько переводов, можно говорить о наличии возможных тенденций в зависимости от времени, когда был сделан перевод.

Удачным является то, что повесть М. Твена изобилует реалиями, многие из которых смело можно назвать историческими из-за времени выхода произведения. В данной статье мы подробно проанализируем варианты передачи трех реалий, встречающихся в повести.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. *Moccasins*

Таблица 1. *Moccasins*

Пер. С. И. Воскресенской (1896)	охотничьи сапоги
Изд. А. С. Суворина (1903)	мокасины
Пер. М. А. Энгельгардта (1912)	мокасины
Пер. К. И. Чуковского (1929)	мокасины
Пер. Н. Л. Дарузес (1949)	мокасины
Пер. С. Б. Ильина (2011)	мокасины

It was the treasure-box, sure enough, occupying a snug little cavern, along with an empty powder-keg, a couple of guns in leather cases, two or three pairs of old moccasins, a leather belt, and some other rubbish well soaked with the water-drip (The Adventures of Tom Sawyer, глава 33).

Словарь издательства «Макмиллан» (Macmillan) определяет *moccasins* следующим образом: *a soft leather shoe with a flat heel*. Подобное определение может, однако, относиться к нескольким видам обуви. Словарь «Мерриам-Уэбстер» (Merriam-Webster) выделяет у этого слова два значения, но нас интересует только первое: *a soft leather heelless shoe or boot with the sole brought up the sides of the foot and over the toes where it is joined with a puckered seam to a U-shaped piece lying on top of the foot*.

Речь идет о мягкой кожаной обуви североамериканских индейцев, первые упоминания о которой датируются XVI в. В России о «мокалинах» говорил уже А. С. Пушкин в начале XIX в. в статье «Джон Теннер», где описал их как «кожаные лапти». С. И. Воскресенская передала эту реалию при помощи функционального аналога — «охотничьи сапоги» (см. Табл. 1), хотя на сапоги мокасины совершенно не похожи. Однако в

следующих двух переводах мы встречаем вариант «мокассины», что, на первый взгляд, похоже на транскрипцию, но с некоторым изменением внешней формы, а именно — добавлением удвоенного «с». Впервые подобное написание этого слова было закреплено в 1864 г., во втором томе «Настольного словаря для справок по всем отраслям знания» Ф. Г. Толля: «Арабск. обувь с ремнями (также у индейцев Сев. Америки), сделанная из звериной кожи».

В следующих переводах *moccasins* переданы как «мокасины». К тому времени слово было зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (1938) со следующим определением: «Мягкая обувь у североамериканских индейцев», а также в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова в середине XX в. В словаре Ожегова можно найти два определения данного слова: «1) Мягкая кожаная обувь североамериканских индейцев. 2) Название обуви из мягкой кожи с особым (без разреза посередине) раскроем верха и носка».

Мокасины, о которых идет речь в повести, были современной реалией только до XX века, когда их еще носили. То есть для современного переводчика данная реалья будет уже исторической и, соответственно, подход при передаче должен быть иным. Кроме того, есть опасения, что и современный читатель, наткнувшись на упоминание «мокасин» в повести, представит совершенно другую обувь, которая не просто не историческая реалья, но и не реалья вовсе, поскольку современные мокасины уже не несут особенности иной культуры.

3.2. *Pain-killer*

Таблица 2. *Pain-killer*

Пер. С. И. Воскресенской (1896)	«Отныне нет боли»
Изд. А. С. Суворина (1903)	подкрепляющий эликсир
Пер. М. А. Энгельгардта (1912)	«Болеистребитель»
Пер. К. И. Чуковского (1929)	болеутолитель
Пер. Н. Л. Дарузес (1949)	болеутолитель
Пер. С. Б. Ильина (2011)	болеутолитель

*Tom had become indifferent to persecution by this time. This phase filled the old lady's heart with consternation. <...> Now she heard of **Pain-killer** for the first time* (The Adventures of Tom Sawyer, глава 12).

В одной из глав «Приключений Тома Сойера» тетя Полли решает опробовать на Томе новое лекарство *Pain-killer* — как намекает название,

вид обезболивающего. Согласно *Journal of Anesthesia History* («Журнал об истории обезболивания»), *Perri Davis' Painkiller* — это реальное средство, созданное в 1839 г. Перри Дэвисом (Sharra, Bause 2017) и запатентованное под данным названием в 1845 г. Как указывается в электронном архиве «И-хайв» (eHive), этот продукт был представлен как чудодейственное средство от боли, а не от определенного заболевания, как предыдущие. Важно отметить, что эта реальия изначально (и во время действия повести, в 40-х гг. XIX в.) являлась именем собственным, о чем свидетельствует написание слова с заглавной буквы, а также то, что первое употребление *painkiller* в качестве имени нарицательного зафиксировано в 1849 г., как указано в словаре «Мерриам-Уэбстер».

На наш взгляд, с передачей данной реалии лучше всего справились С. И. Воскресенская и М. А. Энгельгардт (см. Табл. 2). Во-первых, они попытались создать новое обозначение, ведь данный способ передачи реалии, по мнению С. И. Влахова и С. П. Флорина, позволяет полностью сохранить национальный колорит оригинала. Во-вторых, оба переводчика передают имя собственное именем собственным, а не нарицательным, даже несмотря на то, что на момент выхода оригинала это имя собственное уже успело стать нарицательным. Также отметим вариант М. А. Энгельгардта за сохранение семы убийства, имеющейся в слове.

В переводе издательства А. С. Суворина допущена смысловая ошибка.

Варианты, предложенные К. И. Чуковским, Н. Л. Дарузес и С. Б. Ильиным, абсолютно идентичны, что может говорить о применении переводчиками единой стратегии. Однако имя собственное передано именем нарицательным, то есть переводчики воспользовались генерализацией, а этот способ передачи реалий, как правило, стирает и национальный, и временной колорит реалии. Поскольку переводчики передали реалию именем нарицательным, читатель не сможет понять, что на момент действия повести средство под названием *Pain-killer* было чем-то новым, то есть это яркий пример того, как временной колорит стирается из-за генерализации.

3.3. *Clerk; clerks*

Таблица 3. Clerk; clerks

Пер. С. И. Воскресенской (1896)	пристав; клерки
Изд. А. С. Суворина (1903)	пристав; приказчики
Пер. М. А. Энгельгардта (1912)	судебный пристав; клерки
Пер. К. И. Чуковского (1929)	пристав; клерки

Пер. Н. Л. Дарузес (1949)	служитель; городские чиновники
Пер. С. Б. Ильина (2011)	служитель; городские чиновники

Последний пример, который мы хотели бы разобрать, — это реалия *clerk*. В «Приключениях Тома Сойера» существительное было упомянуто дважды: в 5 и 23 главах, причем в двух значениях, однако мы хотели бы начать с 23 главы.

Counsel for the defense rose and said: <...> [Then to the clerk:] 'Call Thomas Sawyer!'

Словарь «Мерриам-Уэбстер» дает следующее определение: *an official responsible (as to a government agency) for correspondence, records, and accounts and vested with specified powers or authority (as to issue writs as ordered by a court); one employed to keep records or accounts or to perform general office work*. На первый взгляд, под это определение подходит достаточно широкий круг должностей, которые необязательно будут считаться реалиями. Однако из контекста становится очевидным, что *clerk* — это лишь сокращение полного названия должности *court clerk*. В современном российском судопроизводстве подобная должность также имеется — это «секретарь судебного заседания» (мы намеренно называем эту должность «подобной», потому что совпадение обязанностей у *court clerk* и «секретаря судебного заседания» только частичное, таким образом, реалия сохраняется и по сей день).

На данном примере мы можем видеть, как передача реалии, которая до сих пор является современной, зависит от времени перевода не потому, что функционального аналога не существовало, а потому, что аналоги менялись на протяжении времени.

В первых двух переводах переводчики называли этого человека «приставом» (см. Табл. 3). Обратимся к третьему тому «Словаря церковно-славянского и русского языка, составленного Вторым Отделением Императорской академии наук», который вышел в 1847 году. Вторым значением слова «пристав» в словаре указывается: «Чиновник по части благочиния: а) *пристав гражданских дел*, заведующий гражданскими делами; б) *пристав уголовных дел*, заведующий уголовными делами; в) *следственный пристав*, заведующий следственными делами; г) *частный пристав*, наблюдающий за порядком и благочинием какой-либо части города».

Похожие значения приводит и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1907).

Данную реалию переводчики передали функциональным аналогом, как и далее — М. А. Энгельгардт. Должность судебных приставов была закреплена в царской России в результате Судебной реформы 1864 года, в их

обязанности не входила деятельность чиновников, упомянутых в повести. Таким образом, подбор функционального аналога привел к смысловой ошибке.

В переводе К. И. Чуковского *clerk* тоже называется «приставом», однако, поскольку перевод вышел позже первых трех, логичным будет обратиться к «Словарю русского языка» С. И. Ожегова. Вторым значением этого слова указан историзм: «В старину на Руси: должностное лицо, приставленное к какому-н. делу для надзора».

Это значение пересекается со значением оригинала больше, чем функциональный аналог в первых трех переводах, поэтому можно допустить, что К. И. Чуковский намеренно выбрал то, что по отношению к нему уже является историзмом, но наиболее близко передает значение оригинала.

Как пишет В. К. Ланчиков в статье «Беззаконное родство» (Ланчиков 2016: 107), «отечественные историзмы обладают огромным русифицирующим потенциалом», из чего можно сделать вывод, что переводчик, понимая, что рискует русифицировать текст, ради сохранения значения не прибегает к способу передачи реалий, который бы позволил сохранить национальный и временной колорит. Можно допустить, что в отдельных случаях это оправданно, особенно если предположить, что русифицирующий потенциал отечественных историзмов может различаться по степени: от незначительного до очень высокого.

У Н. Л. Дарузес и С. Б. Ильина *clerk* стал «служителем». Данный вариант, на наш взгляд, — смысловая неточность как результат излишней генерализации: в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова «служитель» — «низший служащий в некоторых учреждениях».

Однако существует еще одно толкование перевода Н. Л. Дарузес и С. Б. Ильина. Есть вероятность, что «служитель» — это «канцелярский служитель» (опущение части названия по аналогии с *clerk* и *court clerk*). В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова начала XX в. (1938 г.) «канцелярский служитель» определяется как «лицо, исполняющее обязанности низшего чиновника, но не имеющее чина» с пометкой «дореволюционный». Таким образом, смысловая неточность сохраняется, но переводчики вдобавок вводят в текст перевода русский историзм, как и К. И. Чуковский, и значение реалии у Н. Л. Дарузес и С. Б. Ильина передано менее точно.

Вернемся к первому упоминанию существительного *clerk* в 5 главе.

The crowd filed up the aisles: <...> then all the young clerks in town.

На первый взгляд, в данном случае не требуется уточнение рода деятельности служащего, а *clerk* полностью соответствует определению сло-

варя «Мерриам-Уэбстер», которое мы привели выше. Тем не менее и здесь у переводчиков возникли разногласия, и причина кроется в том, что *clerks* — это реалия, но неочевидная.

В переводе издательства А. С. Суворина *clerks* — это «приказчики», то есть переводчик попытался подобрать функциональный аналог. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля находим следующее определение: «поверенный по делам», значение пересекается со значением оригинала. Для времени выполнения перевода «приказчик» еще не был историзмом, но эта должность относилась только к России, поэтому при переводе теряется национальный колорит оригинала.

Варианты, предложенные Н. Л. Дарузес и С. Б. Ильиным, совпадают: «городские чиновники». Мы полагаем, что здесь проблема в излишней конкретизации. Важно обратить внимание на определение *young*, говорящее о возрасте упомянутых *clerks*, и тогда должность «чиновника» по отношению к молодым людям вызывает некоторое подозрение.

Особого интереса заслуживают переводы С. И. Воскресенской, М. А. Энгельгардта и К. И. Чуковского, поскольку в их переводах *clerks* переданы как «клерки». Если верить «Национальному корпусу русского языка», первые упоминания «клерков» датируются началом XIX в., в записках мореплавателей, совершивших кругосветное путешествие: будет разумным предположить, что эти люди не задумывались о переводе и воспользовались самым простым методом — транскрипцией, которая, пусть и сохраняет национальный колорит реалии, не всегда может быть уместна и оправданна (в данном случае, однако, оправданна). Определение этого слова мы можем найти в «Объяснительном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» 1883 г.: «В Англии — приказчик». Реалия очевидна уже в самом определении слова. На наш взгляд, этот вариант передачи из всех перечисленных наиболее удачный.

4. Заключение и выводы

Проанализировав все три примера, мы пришли к следующим выводам:

1. Реалия, являющаяся на момент выполнения Перевода 1 для Переводчика 1 современной, на момент выполнения Перевода 2 может не восприниматься Читателем 2 как реалия по причине ее закрепления в культуре ПЯ. При передаче реалии закрепившимся в ПЯ вариантом есть риск потерять национальный и особенно временной колорит реалии.

2. Реалия, выраженная в тексте именем собственным, но ставшая на момент выполнения Перевода именем нарицательным, должна быть передана именем собственным.

3. Реалия, являющаяся на момент выполнения Перевода для Переводчика современной, ради сохранения семантики в редких случаях может быть передана историзмом по отношению к Переводчику. Русифицирующий потенциал, которым обладают русские историзмы, требует дополнительного исследования.

Список литературы / References

- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1980. [Vlahov, Sergej I., Florin, Sider P. (1980) *Neperevodimoe v perevode* (Untranslatable in Translation). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russian)].
- Ланчиков В. К. Беззаконное родство. О русификации в переводах художественной литературы // Мосты. 2016. № 1–2. С. 104–124. [Lanchikov, Viktor K. (2016) *Bezzakonnoe rodstvo. O rusifikacii v perevodah hudozhestvennoj literatury* (Lawless Relations. On Russification in Translations of Fiction). *Bridges*, 1–2, 104–124. (In Russian)].
- Baguley, David. (1984) *Après babel. L'intraduisible dans L'Assommoir. La traduction: l'universitaire et le praticien*. Congrès universitaire du Québec à Montréal. Ottawa: Editions de l'Université d'Ottawa, 1984. 181–190.
- Sharra, David, Bause, George. S. (2017) Perry Davis' Pain Killer: America's First Nationally Advertised Drug for Analgesia? *Journal of Anesthesia History*. v. 3, 3, 112–113.

Используемые словари / Dictionaries

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Издание т-ва М. О. Вольфа, 1907. – Т. III. [Dal', Vladimir I. (1907) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka* (The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language). Moscow: Izdanie t-va M. O. Vol'fa. (In Russian)].
- Михельсон А. Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: Сост. по словарям: Гейзе, Рейфа и др. / Михельсон. 9-е изд. Полнее всех изданий. М: Русская тип. А. О. Лютецкого, 1883. [Mikhelson, Aleksej D. (1883) *Ob'jasnitel'nyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkij jazyk, s ob'jasneniem ih kornej* (Explanatory Dictionary of Foreign Words that Have Come into Use in the Russian Language, with an Explanation of their Roots). Moscow: Russkaja tip. A. O. Ljuteckogo. (In Russian)].
- Ожегов С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 27.06.2019). [Ozhegov, Sergej I. (2019, June 27) *Slovar' russkogo jazyka* (Dictionary of the Russian Language). Retrieved from <https://slovarozhegova.ru> (In Russian)].
- Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. [*Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj akademii nauk* (Dictionary of the Church Slavonic and

- Russian Languages, Compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences) (1847). Saint Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk. (In Russian)].
- Толль Ф. Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб.: Ф. Толль, 1864. Т. II. [Toll, Feliks G. (1864) *Nastol'nyj slovar' dlja spravok po vsem otrasljam znanija* (Reference Dictionary for All Subjects). Saint Petersburg: F. Toll'. (In Russian)].
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 27.06.2019). [Ushakov, Dmitrij N. (2019, June 27) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* (The Explanatory Dictionary of the Russian Language). Retrieved from <https://ushakovdictionary.ru> (In Russian)].
- Macmillan Dictionary (2019, June 29). Retrieved from <https://www.macmillandictionary.com>.
- Merriam-Webster Dictionary (2019, June 29). Retrieved from <https://www.merriam-webster.com>.

Литературные источники / Fiction

- Пушкин А. С. Джон Теннер. Собрание сочинений в десяти томах [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/01criticism/0436sovr/0956.htm> (дата обращения: 03.05.2020). [Pushkin, Aleksandr S. (2020, May 3) Dzhon Tenner (John Tanner). *Sobranie sochinenij v desjati tomah* (Collected Works in Ten Volumes). Retrieved from <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/01criticism/0436sovr/0956.htm> (In Russian)].
- Твен М. Похождения Тома Сойера: пер. с англ. М. А. Энгельгардта. СПб.: Народная библиотека, 1912. [Twain, Mark. (1912) *The Adventures of Tom Sawyer*. In Mikhail Engelgardt (trans.). Saint Petersburg: Narodnaja biblioteka. (Original work published 1876). (In Russian)].
- Твен М. Приключения Тома: пер. с англ. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903. [Twain, Mark. (1903) *The Adventures of Tom Sawyer* (trans.). Saint Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina. (Original work published 1876). (In Russian)].
- Твен М. Приключения Тома Сойера / пер. с англ. Н. Л. Дарузес [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/56026/Tven_-_Priklyucheniya_Toma_Soiiera_%28Daruzes%29.html (дата обращения: 27.06.2019). [Twain, Mark. (2019, June 27). *The Adventures of Tom Sawyer*. In Nina Daruzes (trans.). Retrieved from https://www.e-reading.club/bookreader.php/56026/Tven_-_Priklyucheniya_Toma_Soiiera_%28Daruzes%29.html (Original work published 1876). (In Russian)].
- Твен М. Приключения Тома Сойера / пер. с англ. С. Б. Ильина [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?url=/download_book/21203482/24375673/&uuid=23142519-7662-11e6-a3c4-0cc47a5453d6&art=21203482&user=392367068&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 27.06.2019). [Twain, Mark. (2019, June 27). *The Adventures of Tom Sawyer*. In Sergej Ilyin (trans.). Retrieved from https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?url=/download_book/21203482/24375673/&uuid=23142519-7662-11e6-a3c4-0cc47a5453d6&art=21203482&user=392367068&uilang=ru&catalit2&track_reading

75673/&uuid=23142519-7662-11e6-a3c4-0cc47a5453d6&art=21203482&user=392367068&uilang=ru&catalit2&track_reading (Original work published 1876). (In Russian)].

Твен М. Приключения Тома Сойера: пер. с англ. К. И. Чуковского / Приключения Тома Сойера; Приключения Гекльберри Финна; Принц и нищий: Повести. М.: Детская литература, 1978. [Twain, Mark. (1978) *The Adventures of Tom Sawyer*. In Kornej Chukovsky (trans.). Moscow: Detskaja literatura. (Original work published 1876). (In Russian)].

Твен М. Собрание сочинение Марка Твена: Т. 3. Похождения Тома Соуэра: пер. с англ. С. И. Воскресенской. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1896. [Twain, Mark. (1896) *The Adventures of Tom Sawyer*. In S. Voskresenskaya (trans.). Saint Petersburg: Tipografija br. Panteleevyh. (Original work published 1876). (In Russian)].

Twain, Mark. *The Adventures of Tom Sawyer*. 1876 (2019, June 29). Retrieved from <http://www.literaturepage.com/read/tomsawyer.html>.

Источники языкового материала / Language material resources

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.06.2019). [Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (The Russian National Corpus). (2019, June 27). Retrieved from <http://www.ruscorpora.ru> (In Russian)].

eHive (2020, May 03). Retrieved from <https://ehive.com/collections/4339/objects/208907/perry-davis-painkiller>.

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-20-37

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ НИЖЕГОРОДСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ: ВОПРОС О СТРУКТУРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

О. В. Иванова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается вопрос о структуре словарной статьи применительно к лингвокультурологическому словарю имен собственных определённого региона. Подчеркивается исключительная важность создания словарей такого типа как с точки зрения языка, так и с точки зрения культуры, поскольку в подобном лексикографическом источнике отражается культурное пространство региона, сохраняются исторические и региональные ценности. Целью исследования стало определение оптимальной микроструктуры лингвокультурологического словаря имен собственных, то есть построения его словарной статьи. Исследование проводилось с помощью описательного метода, а также метода анализа и интерпретационного метода. На примере словарных статей проекта словаря имен собственных Нижнего Новгорода и Нижегородской области предлагается структура статьи, включающая краткую информацию о значении слова (сочетания), анализ его морфемной структуры, информацию о грамматических признаках, парадигму склонения, перечень возможных синтаксических ролей, этимологическую справку, исторические сведения, иллюстративный материал (фотографии, рисунки). Особое внимание в словарной статье уделяется вопросам культуры речи: ударению, склонению имён собственных и их компонентов, что важно в первую очередь в лингводидактическом плане. В исследовании приводятся примеры словарных статей имен собственных разного типа (топонимов, гидронимов, антропонимов и др.). Выявляется основной принцип построения статьи лингвокультурологического словаря имен собственных — необходимость сочетания лингвистической информации о слове (сочетании) и культурно-исторической — об объекте, который назван именем собственным. Такое построение, согласуемое с принципами лингвокультурологического направления изучения языка, очень актуального в современной лингвистической науке, обеспечивает словарю максимально широкое применение, возможность использования приведенной в нем информации журналистами, краеведами, общественными деятелями, педагогами, в том числе лингвистами при обучении русскому языку иностранцев. Лингвокультурологический словарь, имеющий данную микроструктуру, способен стать ценным лексикографическим пособием, обеспечивающим культурные нужды каждого человека, интересующегося ономастикой такого региона, как Нижний Новгород и Нижегородская область.

Ключевые слова: лингвокультурологический словарь; Нижний Новгород; Нижегородская область; имена собственные; зоны словарной статьи.

**Working on the Dictionary of Nizhny Novgorod Proper Names:
the Structure of the Dictionary Article**

Olga V. Ivanova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

In discussing the structure of dictionary entries for linguoculturological dictionaries of proper names, the author emphasizes the great importance of creating dictionaries of this type, both from the point of view of the language and from the point of view of culture, since such lexicographic sources serve to reflect and preserve the cultural space of the region. The aim of the study was to determine the optimal structure of an entry in a dictionary of proper names. Using the descriptive method as well as methods of analysis and interpretation, and leaning on the existing draft version of the dictionary of proper names of Nizhny Novgorod, the author postulates that the optimal dictionary entry should include brief information about the meaning of the word (or word combination), analysis of its morphemic structure, information on its grammatical features (e.g. declension paradigm), a list of its possible syntactic roles, etymological information, historical information, and visual material (photographs, drawings, etc.). To illustrate her point, the author includes several examples of dictionary entries of proper names of different types (toponyms, hydronyms, anthroponyms, etc.) and follows them up with a discussion of the main principle for constructing an entry article of a linguistic-cultural dictionary of proper names, namely: the need to combine linguistic information about the word (or word combination) and cultural-historical information about the object that has this specific proper name. This principle for constructing a dictionary entry is consistent with the principles of the linguocultural approach to language learning, which is highly relevant in modern linguistic science. This structure would provide the dictionary with the widest possible application and make it user-friendly for journalists, local historians, public figures, and teachers, including those teaching Russian to foreigners.

Key words: linguocultural dictionary; Nizhny Novgorod; Nizhny Novgorod region; proper names; zones of the dictionary entry.

1. Введение

Создание лингвокультурологических словарей является одним из приоритетных направлений современной лексикографии, позволяющих учитывать особенности языка, характерные для той или иной местности в пределах распространения языка, а также сохранять важные для региона исторические сведения о той или иной местности. В качестве лингвокультурологических на данном этапе развития лексикографии могут выступать диалектные словари (Калиткина 2006), словари пословиц (Урве 2011), словари фольклорных концептов (Алещенко 2009), словари терминов (Ковшова 2013) и др.

В последнее время активно создаются лингвокультурологические словари имен собственных. Н. В. Бубнова систематизирует смоленские имена собственные и отмечает, что в таком словаре отражается культурное пространство региона (Бубнова 2016). Н. А. Максимчук также на материа-

ле ономастикона Смоленщины видит в таком словаре «практическое воплощение принципа изучения языка в единстве с культурой народа — его носителя» (Максимчук 2013: 166). М. Г. Рыгалина описывает проект лингвокультурологического словаря фамилий, концентрируясь при этом на фамилиях одного из округов конца XVIII века (Рыгалина 2013). Несмотря на актуальность данной лексикографической работы, она только начата, поэтому остается нерешенным ряд вопросов формирования лингвокультурологического словаря имен собственных, в частности вопрос о структуре словарной статьи.

В создаваемых в настоящий момент лингвокультурологических словарях внимание нередко уделяется какому-то одному типу имён собственных. И. В. Крюкова выбрала в качестве объекта фиксации коннотативные имена, которые изменили своё значение в постсоветский период, например, *Рублёвка*, *Ленин*, *Лёня Голубков*, *Беслан* и др. (Крюкова 2017: 284–285). Нередко происходит концентрация и на словарях реалий (а значит, именах собственных как способах их номинации) какой-то одной местности: Р. В. Забашта работает над созданием «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» (Забашта 2018). В основном речь в исследованиях идёт о проектах создания словарей. Законченными на данный момент являются лингвокультурологические словари: «Концепты духовности в русской языковой картине мира (Кобякова 2004), «Краткий лингвокультурологический словарь-справочник. Культурное пространство Витебщины» (Маслова 2011) и некоторые другие, среди которых пока нет словарей, посвящённых именам собственным какого-то региона.

В строении словаря выделяются макроструктура — «общая структура словаря с его внутренними связями и многоплановой организацией» (Шерстянникова 2018: 89) и микроструктура, основная единица которой — «словарная статья как отдельная разноплановая система внутри сложной самостоятельной системы, каковой является словарь» (Там же). Предметом данного исследования стала микроструктура словаря нижегородских имён собственных, то есть строение его словарной статьи. Исследованием микроструктуры словарей занимались такие исследователи, как Ю. Д. Апресян (Апресян 2013), В. В. Дубичинский (Дубичинский 2014), Р. В. Забашта (Забашта 2018), Е. А. Шерстянникова (Шерстянникова 2018), Х. А. Юсупов (Юсупов 2012) и др. Изучение микроструктуры лингвокультурологического словаря является перспективным в связи с современным характером данного словаря, его направленностью на синтез языка и культуры.

Целью настоящего исследования стал анализ возможной структуры статьи лингвокультурологического словаря имен собственных на примере проекта словаря нижегородских имен собственных. Задачи исследования:

анализ структурных компонентов словарной статьи и иллюстрация данной структуры на примере нескольких словарных статей.

2. Материал и методы исследования

Материалом для исследования стали словарные статьи словаря имён собственных, одним из составителей которого является автор, а также научные, энциклопедические, публицистические материалы по истории имён собственных Нижнего Новгорода. В ходе исследования использовался описательный метод, помогающий представить информацию об именах собственных, а также методы анализа и интерпретации.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Сложность структурного оформления информации о каком-либо имени собственном (личном имени, топониме, гидрониме) в лингвокультурологическом словаре имен собственных состоит в необходимости сочетания языковой информации о самой языковой единице и культурной информации об объекте, который она называет. Исследователями отмечается важность «отразить в словаре нормативные орфографические и грамматические сведения» о слове (Ильин 2014: 13). Мы уже останавливались ранее на обязательности акцентирования в таком словаре культурно-речевых аспектов употребления слова (Иванова 2019), его ударения, особенностей склонения. Такие сведения особенно нужны при использовании словаря в учебных целях, в том числе при обучении русскому языку как иностранному. Кроме того, лингвокультурологический характер словаря требует включения в него справок об истории не только того или иного имени собственного, но и называемого им объекта (реалии).

Мы считаем наиболее адекватной целям лингвокультурологического словаря имен собственных следующую структуру: 1) имя собственное и краткая характеристика его значения; 2) информация о морфемной структуре слова; 3) краткая грамматическая информация (часть речи, род для имен существительных); 4) парадигма склонения имени собственного в возможных вариантах (например, женский и мужской род, множественное число и др.); 5) возможная роль в предложении с примерами (примеры несут культурную информацию); 6) этимологическая справка; 7) исторические сведения; 8) иллюстрации — фотографии объекта, обозначенного именем собственным, и портреты знаменитых нижегородцев. Для словарных статей использовался помещённый в свободном доступе в сети Интернет иллюстративный материал, который представляет называемую именем собственным реалию или её наиболее известные достопримечательности.

Аудитория словаря — нижегородцы, интересующиеся родным русским языком, историей и культурой своего края, а также студенты, изучающие русский язык как иностранный. К такого рода изданию будут обращаться гости города.

Приведем далее несколько подготовленных нами статей для словаря имен собственных Нижнего Новгорода. Приведены статьи для топонимов (*Выкса, Канавино*), гидронима (*Ока*), урбанонимов (чайная «*Столбы*», *Стрелка*), антропонимов (*Всеволодовичи*).

Выкса

Вы́кса — город в России, административный центр городского округа города Выксы Нижегородской области.

Основа — *выкс*, корень — *выкс*, окончание — *а*.

Имя существительное, женский род.

И. п. Выкса, город Выкса.

Р. п. Выксы, города Выксы.

Д. п. Выксе, городу Выксе.

В. п. Выксу, город Выксу.

Т. п. Выксой, городом Выксой.

П. п. (о) Выксе, о городе Выксе.

В предложении может являться подлежащим: *Выкса раскинулась на довольно ровной низменной местности, называемой Приокской низиной* (Выкса — город железной розы 2020); сказуемым: *Город, одним из основных направлений развития которого является рекреационный и промышленный туризм, — Выкса* (Там же); приложением при употреблении со словом *город*: *В городе Выкса сооружаются три металлургических завода — Верхний, Средний и Нижний Выксунский завод* (Там же); обстоятельством: *В Выксе сохранились памятники промышленной, гражданской и культовой архитектуры XVIII—XIX веков* (Там же); дополнением: *Славу Выксы составило ее художественное литье, которое украшало улицы и площади ряда городов* (Там же).

Слово *Выкса* по происхождению финно-угорское. Значение корня — ‘поток, течение, речка между озер’. Наиболее распространенная версия: название возникло от речки Выкосунь и от выкосов около нее. Из слова *выкосы* или *выкоса* выпала буква *о* (звук [о]), появилось слово *Выкса*.

До X—XI вв. в Выксунском крае, на правой стороне Оки, проживали финно-угорские и мордовские племена. Начало Выксе было положено в 1765 г., когда выходцы из Тулы, заводчики братья Баташовы, обнаружили в окрестностях современной Выксы залежи болотной железной руды — лимонита. Разработка руды была организована с помощью неглубоких конических ям — «дудок». Постепенно в Выксе были построены три метал-

лургических завода, на которых работали крепостные рабочие. Село быстро росло. В его окрестностях — Велетьме, Досчатом, Виле — также были созданы железоделательные заводы.

Выкса славилась мастерством металлургов. Здесь отливали квадригу коней и статую Аполлона, украшающие Большой театр в Москве, конную группу на Триумфальной арке в Москве, решетку Александровского сада у Кремля. Заводы выпускали оружие, листовой прокат, гвозди, проволоку, литые, сортовое железо, трубы.

В XIX в. выксунские заводы неоднократно переходили из рук в руки, но новые собственники оказались не способны совершенствовать технологии: объемы производства падали, продукция теряла конкурентоспособность.

В XIX в. в Выксе у родственников, владеющих заводами, жили и работали известный драматург А. В. Сухово-Кобылин и прозаик Е. А. Салиас де Турнемир. Последнему принадлежит популярный роман «Владимирские мономахи», описавший историю выксунских заводов и их хозяев (Выкса — город железной розы 2020).

Сегодня Выкса — это не только один из центров металлургической промышленности России, но и динамично развивающийся современный и красивый город, который сохраняет свои исторические памятники (см. Рис. 1).

Рис. 1. Христово-Рождественская церковь
Канавино

Канавино — городской район Нижнего Новгорода в Заречной части города (см. Рис. 2).

Основа — *канавин*, корень — *канав*, суффикс — *ин*, окончание — *о*.

Имя существительное, средний род.

И. п. Канавино, район Канавино.

Р. п. Канавина, района Канавино.

Д. п. Канавину, району Канавино.

В. п. Канавино, район Канавино.

Т. п. Канавином, районом Канавино.

П. п. (в, о) Канавине, (в, о) районе Канавино.

В предложении может являться подлежащим: *Канавино находится в Заречной части города* (Канавино 2020); дополнением: *Значение Канавина возрастает после перевода сюда Макарьевской ярмарки* (Там же); обстоятельством: *Также в Канавине находятся станции Автозаводской линии* (Там же); приложением: *Раньше в центре района Канавино устраивались ярмарки* (Там же).

Название *Канавино* вызывает ассоциации со словом *канава*, и попытки истолковать *Канавино* как производное от слова *канава* делались уже в середине XIX в. в нижегородской периодической печати. В действительности *Канавино* — искаженная форма названия *Кунавино*. Первое упоминание о нем как о *Кунавинской* слободе относится к 1599 г. До первой половины XIX в. Канавино именуется *Кунавинская слобода* или *Кунавино*, а жители — *кунавинцами*.

Этимология слова *кунава* неясна. По первой версии оно произошло от названия денежной единицы *куны*, по второй — от эрзянского женского языческого имени *Кунава*, обозначавшего жену знатного человека, царицу, вероятно, владевшую этими землями. В русском языке также существовало женское имя *Кунава*, употреблявшееся до середины XVII в. (Ему соответствуют другие старорусские имена на *-ава*: *Забава*, *Любава*).

Филологами отвергается как несостоятельная версия происхождения названия, основанная на легенде. Якобы на левом берегу Оки стоял шинок, принадлежавший некоей куме, а любители гульбы и пьянства еще с реки, приближаясь к шинку, кричали: «Кума, вина!». Однако именно эта легенда легла в основу знаменитой оперы П. И. Чайковского «Чародейка» (Канавино 2020).

Рис. 2. Вид на Канавино
Стрелка

Стрёлка (устаревшее Стрелица) — улица в историческом центре Нижнего Новгорода.

Основа — *стрелк*, корень — *стрел*, суффикс — *к*, окончание — *а*.

Имя существительное, женский род.

Название улицы склоняется. При употреблении со словом *улица* согласуется с ним в падеже, так как имеет форму женского рода.

И. п. улица Стрелка, Стрелка.

Р. п. улицы Стрелки, Стрелки.

Д. п. улице Стрелке, Стрелке.

В. п. улицу Стрелку, Стрелку.

Т. п. улицей Стрелкой, Стрелкой.

П. п. (на, об) улице Стрелке, (на, о) Стрелке.

В предложении может являться подлежащим: *В XIX веке Стрелка известна тем, что составляла северо-восточную оконечность знаменитой Нижегородской Ярмарки* (Стрелка 2020); дополнением: *Стрелкой называют и место на водной поверхности, где Ока впадает в Волгу* (Там же); приложением: *Улица Стрелка, которая от Канавинского моста ведет к собору и, словно печной ухват, огибает его с двух сторон, получила название в 1960-е годы* (Там же); обстоятельством: *Вот поэтому нижегородские купцы и задумали построить на Стрелке собор* (Там же) и другими членами предложения.

Образовано с помощью суффикса *-к-* от имени существительного *стрела*, далее от праславянского **strěla*.

Стрелка — треугольный участок территории в черте современного Нижнего Новгорода, ранее она принадлежала Кунавинской слободе, в За-

речной части Нижнего Новгорода. Представляет собой заостряющуюся полосу земли с собором XIX в. и портом в месте слияния рек Волги и Оки (Стрелка 2020) (см. Рис. 3).

Рис. 3. Улица Стрелка в Нижнем Новгороде

Ока

Ока́ — река, на берегах которой расположен Нижний Новгород; большой приток Волги, протекающий по Орловской, Тульской, Калужской, Московской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской областям.

Основа *ок*, корень — *ок*, окончание — *а*.

Имя существительное, женский род.

И. п. Ока, река Ока.

В. п. Оку, реку Оку.

Р. п. Оки, реки Оки.

Т. п. Окой, рекой Окой.

Д. п. Оке, реке Оке.

П. п. (о, об) Оке, реке Оке.

В предложении может являться подлежащим: *Ока — река в европейской части России, крупнейший правый приток Волги* (Река Ока 2020); сказуемым: *Одна из самых крупных рек в России — Ока* (Там же); дополнением: *Ученые написали множество статей об Оке* (Там же); обстоятельством: *На Оке расположены такие города, как Нижний Новгород, Дзержинск и Рязань* (Там же); приложением: *Река Ока является одним из самых красивых мест в Нижегородской области* (Там же).

Происхождение названия реки объясняется по-разному. В этимологическом словаре М. Фасмера указано, что, возможно, оно славяно-литовское (славяне и литовское племя голядь, жившие в верховьях Оки, были соседями) и происходит от слова *око* (по-литовски *окис* — ‘глаз, родник’). *Ака* значит ‘родник’ и по-латышски (Фасмер т. 3: 127). Также существует версия, что это название финно-угорское (и это более вероятно), сохранившееся с X—XI вв., когда финно-угорские племена обитали по

нижнему течению Оки. По этой версии гидроним происходит от слова *йоки*, что значит ‘река’ (Фасмер т. 3: 127), и она имеет веские основания, тем более, что название *Ока* носят еще несколько рек в северной и северо-западной части страны в местах, где в древности также жили финно-угорские племена.

Ока — равнинная река, которая по длине занимает седьмое место среди рек Восточной Европы. Она берет начало на Среднерусской возвышенности и впадает в Волгу. Ока является популярным местом для рыбалки, в начале XX в. здесь добывали не одну тонну ценных пород рыб. Однако в последнее время такие породы рыб, как белуга, белорыбца и осетр, практически исчезли. Тем не менее в здешних местах по-прежнему богатый животный и растительный мир, который привлекает внимание многочисленных туристов из других регионов и местных любителей природы (Река Ока 2020) (см. Рис. 4).

Рис. 4. Река Ока в Нижнем Новгороде

Чайная «Столбы»

Чайная «Столбы» — бывший доходный дом купца Переплетчикова в центре Нижнего Новгорода.

Основа 1 — *чайн*, корень — *чай*, суффикс — *н*, окончание — *ая*. Основа 2 — *столб*, корень — *столб*, окончание — *ы*.

Словосочетание «имя существительное (субстантивированное прилагательное) + имя существительное», связь компонентов — примыкание.

И. п. Чайная «Столбы».

Р. п. Чайной «Столбы».

Д. п. Чайной «Столбы».

В. п. Чайную «Столбы».

Т. п. Чайной «Столбы».

П. п. (о, в) Чайной «Столбы».

В предложении может являться подлежащим: *Чайная «Столбы» — один из лучших образцов архитектуры классицизма в городе* (Чайная «Столбы» 2020); сказуемым: *Раньше каждый уважающий себя человек знал, что лучшее заведение — чайная «Столбы»* (Там же); дополнением: *В 1839 году первый архитектор Нижнего Новгорода Георг Кизеветтер построил чайную «Столбы»* (Там же); обстоятельством: *Каждый может побывать в чайной «Столбы»* (Там же).

Слово *чайная* образовано суффиксальным способом от существительного *чай*, стало субстантиватом. *Чай* заимствовано в XVIII в. из тюркских языков; в свою очередь в тюркские языки это слово пришло из китайского языка (Фасмер т. 4: 311). Слово *столб* имеет славянское происхождение (Фасмер т. 3: 765).

Значение слова *чайная* — ‘род столовой, где подается горячий чай, закуски’ (Ожегов 1999: 876).

В 1839 г. первый архитектор Нижнего Новгорода Георг Кизеветтер построил доходный дом для купца Федора Переплетчикова. Сам проект был утвержден 26 марта 1838 г. императором Николаем I, который удостоил зодчего высочайшей благодарности за красоту фасада. Дом прозвали «столбы» за необычный фасад (см. Рис. 5). В 1845 году незадолго до своей смерти, купец завещал дом городу с условием, что доходы от него будут использоваться в благотворительных целях.

В 1894 г. уже изрядно обветшавшее здание подверглось капитальному ремонту. Новый владелец здания, меценат и пароходчик Д. В. Сироткин, узнав о намерении Максима Горького сделать приют для бедняков, предложил в «Столбах» открыть дневное пристанище для босяков, поскольку из Бугровской ночлежки их выгоняли в 6 часов утра. И им приходилось сидеть по трактирам, хозяева которых распоряжались ими как дешевой рабочей силой.

В конце 1901 г. по инициативе А. М. Горького были созданы «Столбы» — особая чайная-читальня для босяков. Просветительские общества, в деятельности которых принимал участие А. М. Горький, были не только в Нижнем Новгороде — подобные общества были почти во всех крупных городах страны. Но клуба для босяков не имел ни один город — это исключительное, специфически «горьковское» дело. Трактир-клуб выполнял и культурно-просветительскую функцию: имел свою библиотеку, в которой проводились беседы и чтения на разные темы, исполнялись музыкальные произведения. А. М. Горький надеялся, что местная интеллигенция придет к нему на помощь в деле просвещения босяков.

В годы советской власти здесь открыли библиотеку, а затем здание было переделано в обычную коммунальную квартиру. В 1980 году дом был реконструирован.

Чайная «Столбы» является объектом культурного наследия города Нижнего Новгорода (Чайная «Столбы» 2020).

Рис. 5. Фасад чайной «Столбы»

Всеволодовичи

Ю́рий (Геóргий) Всéволодович (1188—1238) — основатель Нижнего Новгорода. (см. Рис. 6).

Основа — *всеволодович*, корень — *всеволод*, суффикс — *ович*, окончание — нулевое.

Имя существительное, мужской род (в собирательном значении используется во множественном числе).

И. п. Юрий Всеволодович, Агафья Всеволодовна, Юрий и Агафья Всеволодовичи.

Р. п. Юрия Всеволодовича, Агафьи Всеволодовны, Юрия и Агафьи Всеволодовичей.

Д. п. Юрию Всеволодовичу, Агафье Всеволодовне, Юрию и Агафье Всеволодовичам.

В. п. Юрия Всеволодовича, Агафью Всеволодовну, Юрия и Агафью Всеволодовичей.

Т. п. Юрием Всеволодовичем, Агафьей Всеволодовной, Юрием и Агафьей Всеволодовичами.

П. п. (о) Юрии Всеволодовиче, Агафье Всеволодовне, Юрии и Агафье Всеволодовичах.

В предложении имя существительное Всеволодович обычно употребляется вместе с именем Юрий, выступая как синтаксически неделимое сочетание. Может быть подлежащим: *Юрий Всеволодович и его младшие братья потерпели поражение* (Юрий Всеволодович 2020); дополнением: *Сразу же у Юрия Всеволодовича возник конфликт со старшим братом Константином* (Там же) и другими членами предложения.

Имя *Всеволод* — славянское, образованное из двух основ: *все-* (*весь*) и *волод-* (*владеть*). Также *волода* на старославянском языке означает ‘власть’ (Фасмер т. 1: 340). Поэтому имя *Всеволод* можно перевести как ‘всевластный, владеющий всем’.

Юрий Всеволодович — представитель династии Рюриковичей, великий князь Владимирский (1212—1216, 1218—1238), князь городецкий (1216—1217), князь суздальский (1217—1218). Третий сын Великого князя Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо от первого брака, с Марией Шварновной. Канонизирован Русской православной церковью в лике благоверных князей. Мощи князя находятся в Успенском соборе Владимира.

Место, где позже был основан Нижний Новгород, еще за три года до того, как здесь появилась первая деревянная башня кремля, было стратегическим. При слиянии Волги и Оки собирались дружины русских городов, чтобы наносить удары по Волжской Булгарии, которая постоянно устраивала набеги на русские земли. В конце концов великий князь Юрий решил поставить здесь город-форпост. Произошло это, как свидетельствует летопись, в 1221 г.

Сначала Юрий Всеволодович хотел назвать град в честь себя — Юрьев, но потом передумал и нарек его Нижним Новгородом, то есть новым городом, который находится в «Низовской земле» Руси (БРЭ).

Рис. 6. Юрий Всеволодович

4. Заключение или выводы

В конкретных примерах статей, подготовленных для словаря нижегородских имен собственных, мы видим воплощение структуры словарной статьи, позиционируемой нами как оптимальная. При этом сочетается лингвистическая информация об имени собственном (орфография, ударение, грамматические признаки, особенности склонения, этимология) и культурно-историческая (изложение исторических событий, с которыми связано появление имени собственного).

У данного исследования значительные перспективы, основной из которых является завершение подготовки и публикация словаря имен собственных Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Для планируемого словаря очень важно единообразие оформления и компоновки каждой словарной статьи, учет в ней лингвистической, культурной и исторической информации.

Список литературы / References

- Алещенко Е. И. Принципы составления лингвокультурологического словаря русских фольклорных концептов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 414–418. [Aleshchenko, Elena I. (2009) Principy sostavleniya lingvokul'turologicheskogo slovary russkih fol'klornyh konceptov (Principles of Compiling a Linguoculturological Dictionary of Russian Folklore Concepts). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2 (24), 414–418. (In Russian)].
- Апресян Ю. Д. Бегать и бежать: словарные статьи «Активного словаря русского языка» // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание» / «Московский

- лингвистически журнал». Москва. 2013. № 8 (109). С. 46–74. [Apresyan, Yury D. (2013) Begat' i bezhat': slovarnye stat'i «Aktivnogo slovary russkogo yazyka» (Running and Running: Dictionary Entries of the Active Dictionary of the Russian Language). *RGGU Bulletin*. Series: Philology. Linguistic Studies / Moscow Journal of Linguistics. Moscow, 8 (109), 46–74. (In Russian)].
- Бубнова Н. В. Отражение культурного пространства в региональном ассоциативном словаре имен собственных // Громовские чтения. Живое народное слово и Костромской край: Сб. мат. и иссл. междунар. научн. конф. Кострома: КГУ, 2016. Вып. 3. С. 348–354. [Bubnova, Nina V. (2016) Otrazhenie kul'turnogo prostranstva v regional'nom associativnom slovare imen sobstvennyh (Reflection of Cultural Space in the Regional Associative Dictionary of Proper Names). *Gromovskie chteniya. Zhivoe narodnoe slovo i Kostromskoj kraj: sb. mat i issl. mezhdunar. nauchn. konf.* (Gromov Readings: Living People's Word and Kostromskoj Region: Proceedings of the International Scientific Conference). Kostroma: KSU, 348–354. (In Russian)].
- Дубичинский В. В. Микроструктура инвариантного словаря // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (20). С. 107–113. [Dubichinsky, Vladimir V. (2014) Mikrostruktura invariantnogo slovary (The Microstructure of the Invariant Dictionary). *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 4 (20), 107–113. (In Russian)].
- Забашта Р. В. О макро- и микроструктуре «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность: VII Междунар. научн. конф.: Сб. научн. ст. Симферополь: Ариал, 2018. С. 90–98. [Zabashhta, Roman V. (2018) O makro- i mikrostrukture Russkogo lingvokul'turologicheskogo slovary Kryma (About the Macro- and Microstructure of the Russian Linguoculturological Dictionary of Crimea). *Semantika i pragmatika yazykovykh edinit: istoriya i sovremennost': VII Mezhdunar. nauch. konf.: Sb. nauchn. st* (Semantics and Pragmatics of Linguistic Units: History and Modernity: VII International Scientific Conference Proceedings). Simferopol: Arial, 90–98. (In Russian)].
- Иванова О. В. Материалы к созданию словаря нижегородских имен собственных в аспекте культуры речи // Филология и культура. 2019. № 4 (58). С. 30–37. [Ivanova, Olga V. (2019) Materialy k sozdaniyu slovary nizhegorodskih imen sobstvennyh v aspekte kul'tury rechi (Materials for the Creation of a Dictionary of Nizhny Novgorod Proper Names in the Aspect of Speech Culture). *Philology and Culture*, 4 (58), 30–37. (In Russian)].
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 3 (22). С. 7–16. [Ilyin, Dmitry Y., Sidorova, Elena G. (2014) Teoreticheskie osnovy postroeniya slovary-spravochnika regional'noj toponimiki (Theoretical Foundations of Building a Dictionary of Regional Toponyms). *Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 3 (22), 7–16. (In Russian)].
- Калиткина Г. В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 1) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 12–19. [Kalitkina, Galina V. (2006) Dialektnye slovari kak lingvokul'turologicheskij istochnik: opyt rekonstrukcii tradicii (stat'ya 1) (Dialectal

- tal Dictionaries as a Linguoculturological Source: Experience of Reconstruction of Tradition, Article 1). *Tomsk State University Journal*, 291, 12–19. (In Russian)].
- Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов: идея, принципы, схема, опытный образец // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научн. ст., посв. памяти В. Н. Телия. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 48–57. [Kovshova, Mariia L. (2013) Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov: ideya, principy, skhema, opytnyj obrazec (Dictionary of Linguoculturological Terms: Idea, Principles, Scheme, Prototype). *Yazyk, soznanie, kommunokatsiya: Sb. nauchn. st. posv. pamyati V. N. Teliya* (Language, Consciousness, Communication: Collection of Scientific Papers Dedicated in Memory of V. N. Telia). Moscow: MAKSS Press, 48–57. (In Russian)].
- Крюкова И. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: проект лингвокультурологического словаря // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: Сб. мат. XI Междунар. научн. конф. Майкоп: Магарин О. Г., 2017. С. 284–289. [Kryukova, Irina V. (2017) Konnotativnye imena sobstvennye postsovetskogo perioda: proekt lingvokul'turologicheskogo slovarya (Proper Connotative Names of the Post-Soviet Period: a Project of a Linguoculturological Dictionary). *Russkij yazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy: Sb. mat. XI Mezhdunar. nauchn. konf* (Russian Language and Onomastics in the Multicultural Educational Space of the South of Russia and the North Caucasus: Problems and Prospects: Proceedings of XI International Scientific Conference). Maikop: Magarin O. G., 284–289. (In Russian)].
- Максимчук Н. А. Описание регионального ономастического материала в пособиях словарного типа // Русский язык в современном мире. 2013. № 1. С. 166–175. [Maksimchuk, Nina A. (2013) Opisanie regional'nogo onomasticheskogo materiala v posobiyah slovarnogo tipa (Description of Regional Onomastic Material in Vocabulary Type Books). *Russkij yazyk v sovremennom mire* (Russian in the Modern World), 1, 166–175. (In Russian)].
- Рыгалина М. Г. Принципы организации «Лингвокультурологического словаря русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII века» // Филология и человек. 2013. № 2. С. 151–158. [Rygulina, Mariia G. (2013) Principy organizacii «Lingvokul'turologicheskogo slovarya russkih familij zhitelej Kolyvano-Voskresenskogo gornogo okruga konca XVIII veka» (Principles of the Organization of the “Linguoculturological Dictionary of Russian Surnames of the Inhabitants of the Kolyvano-Voskresensky Mountain District of the End of the 18th Century”). *Filologiya i chelovek* (Philology and Person), 2, 151–158. (In Russian)].
- Урве А. Русские пословицы на фоне эстонских: к концепции тематического лингвокультурологического словаря // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 5 (59). С. 43–47. [Urve, Aya (2011) Russkie poslovicey na fone estonskih: k koncepcii tematicheskogo lingvokul'turologicheskogo slovarya (Russian Proverbs against the Background of Estonian: towards the Concept of a Thematic Linguoculturological Dictionary). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 5 (59), 43–47. (In Russian)].
- Шерстянникова Е. А. К вопросу о микроструктуре «Исторического словаря русской лингвистической терминологии» // Филологос. 2018. № 36 (1). С. 88–95. [Sherstyannikova, Elena A. (2018) K voprosu o mikrostrukture «Istoricheskogo slovarya russkoj lingvisticheskoy terminologii» (On the Microstructure of the Histori-

cal Dictionary of Russian Linguistic Terminology). *Filologos*, 36 (1), 88–95. (In Russian)].

Юсупов Х. А. Словарная статья: структура и способы оформления // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской Академии наук. 2012. № 1. С. 42–46. [Yusupov, Khizry A. (2012) Slovarnaya stat'ya: struktura i sposoby oformleniya (Dictionary Article: Structure and Methods of Registration). *Herald of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art*, 1, 42–46. (In Russian)].

Источники фактического материала / Factual information resources

Выкса — город железной розы [Электронный ресурс] // Поисково-исторический форум SmolBattle. URL: <http://smolbattle.ru/threads/Выкса-город-железной-розы.28437/> (дата обращения: 18.01.2020). [Vyksa — gorod zheleznoj rozy (2020, January 18) (Vyksa is the City of the Iron Rose). *Poiskovo-istoricheskij forum SmolBattle* (SmolBattle Search and History Forum). Retrieved from <http://smolbattle.ru/threads/Vyksa-gorodzheleznogo-Rosa.28437/> (In Russian)].

Канавино [Электронный ресурс] // Энциклопедия Нижнего Новгорода. URL: <https://www.nnov.ec/Канавино> (дата обращения: 18.01.2020). [Kanavino (2020, January 18) (Canavino). *Entsiklopediya Nizhnego Novgoroda* (Encyclopedia of Nizhny Novgorod). Retrieved from <https://www.nnov.ec/Kanavino> (In Russian)].

Кобякова Т. И. Концепты духовности в русской языковой картине мира: (лингвокультурологический словарь) / Под ред. Л. Г. Саяховой. Уфа: Тип. ООО Штайм, 2004. [Kobyakova, Tatyana I. (2004) *Koncepty duhovnosti v russkoj yazykovoj kartine mira: (lingvokul'turologicheskij slovar')* (Concepts of Spirituality in the Russian Language Picture of the World: Linguoculturological Dictionary) / In Sayakhova, Lena G. (ed.). Ufa: Shteim. (In Russian)].

Маслова В. А., Николаенко С. В. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник. Культурное пространство Витебщины. Витебск: ВГУ, 2011. [Maslova, Valentina A., Nikolaenko, Sergey V. (2011) *Kratkij lingvokul'turologicheskij slovar'-spravochnik. Kul'turnoe prostranstvo Vitebshchiny* (A Short Linguoculturological Dictionary-Reference Book. The Cultural Space of the Vitebsk Region). Vitebsk: Vitebsk State University. (In Russian)].

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М: Азбуковник, 1999. [Ozhegov, Sergey I., Shvedova, Natalia Y. (1999) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].

Река Ока. [Электронный ресурс] // URL: <http://ocean-media.su/reka-oka/> (дата обращения: 18.01.2020). [Reka Oka (2020, January 18) (Oka River). Retrieved from <http://ocean-media.su/reka-oka/> (In Russian)].

Стрелка. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Нижнего Новгорода. URL: <https://www.nnov.ec/Стрелка> (дата обращения: 18.01.2020). [Strelka (2020, January 18) (Arrow). *Entsiklopediya Nizhnego Novgoroda* (Encyclopedia of Nizhny Novgorod). Retrieved from <https://www.nnov.ec/Arrow> (In Russian)].

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1986—1987. [Fasmer, Max (1986—1987) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.; per. s nem. i dop.*

O. N. Trubacheva; pod red. B. A. Larina (The Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes; trans. and add. O. N. Trubachev; under the editorship of B. A. Larina)]. Moscow: Progress. (In Russian)].

Чайная «Столбы». URL: <http://oldnn.info/ru/nasledie/streets/7> (дата обращения: 15.12.2020). [Chajnaya «Stolby» (2020, December 15) (Tea Pillars). Retrieved from <http://oldnn.info/ru/nasledie/streets/7> (In Russian)].

Юрий Всеволодович [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4932913 (дата обращения: 18.01.2020). [Yuriy Vsevolodovich (2020, January 18) (Yuri Vsevolodovich). *Bol'shaya rossijskaya entsiklopedia* (Big Russian Encyclopedia). Retrieved from https://bigenc.ru/domestic_history/text/4932913 (In Russian)].

УДК 82.0:82.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-38-48

ЭКСПЛИКАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА

Л. В. Копоть

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

Цель настоящей статьи — рассмотреть гендерные стереотипы, реконструируемые Е. Г. Водолазкиным в художественном дискурсе. Актуальность исследования продиктована социально-культурной и политической значимостью вопросов, связанных с гендером. Исследованы стереотипы, транслирующие систему ценностей русского народа, в частности, гендерные аспекты ментальности. Описана специфика реализации стереотипов маскулинности / феминности в художественном дискурсе, а также трансформация базовых гендерных концептов в аксиологической парадигме, критерии стереотипизации. Полученные результаты могут способствовать расширению научных представлений в области гендерологии, лингвокультурологии.

Ключевые слова: гендер; гендерные стереотипы; художественный дискурс; языковая картина мира; гендерная картина мира; феминность / маскулинность.

Examining Gender Stereotypes in the Literary Discourse of E. G. Vodolazkin

Lilia V. Kopot

Adyghe State University, Maykop, Russia

The objective of this article is to examine gender stereotypes reconstructed by E. G. Vodolazkin in his literary discourse. The relevance of this study is enhanced by the socio-cultural and political significance of issues related to gender. This study investigates the stereotypes that translate the value system of the Russian people, in particular, the gender aspects of mentality. The author describes the specifics of implementing masculinity/femininity stereotypes in literary discourse, transformation of basic gender concepts within the axiological paradigm, as well as criteria for stereotypification. The results obtained can contribute to the expansion of scientific ideas in the field of genderology and linguoculturology.

Key words: gender; gender stereotypes; literary discourse; linguistic world view; gender world-image; femininity / masculinity.

1. Введение

Стереотипы, как известно, позволяют консолидировать членов того или иного социума в рамках определенной культурной парадигмы. Актуальность исследования проблемы стереотипа не вызывает сомнений, по-

скольку данная категория активно применяется при решении проблем межкультурной коммуникации. Кроме того, изучение стереотипов способствует пониманию идентичности различных народов, поскольку пространство художественного дискурса отражает ценностную совокупность знаний социума об окружающей действительности, способствуя актуализации установок, вербализованных в сознании индивидов. Также при помощи стереотипов авторы в рамках художественного дискурса отражают собственную идентичность, моделируют при помощи языка на основе исторического опыта многие культурные, этнические, гендерные особенности, свойственные определенной общности.

Под художественным, или литературным, дискурсом вслед за В. И. Карасиком понимаем разновидность личностно-ориентированного бытийного дискурса (Карасик 2014: 147), который связывает художественное сознание писателя, транслирующего факты, предметы, явления сквозь призму литературного текста, и восприятие читателя. Текст является индивидуальным авторским продуктом, который семиотически в художественной форме эксплицирует принадлежность его создателя к той или иной части социума. Таким образом, художественный дискурс служит пространством, в котором автор реконструирует «...те реальные основания идентичности, благодаря которым происходит накопление и воспроизводство социокультурного опыта в ряду поколений и достигается стереотипизация, а также упорядоченность коммуникативного пространства этнокультурных сообществ» (Савруцкая 2007: 117).

Идентичность — это «переживание чувства принадлежности или непринадлежности к какой-либо социальной группе» (Лаппо 2018: 8). Поскольку идентичность является ментальным образованием, то «увидеть» ее отражение возможно при помощи системы знаков в языковой картине мира.

Под языковой картиной мира (ЯКМ) понимают «изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, во-вторых, пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социумов» (Шведова 1999: 15). По мнению ученого, социальный многовековой опыт народа отражается в номинациях, преломленных сквозь призму человеческого восприятия. Показательно, что ЯКМ отражает не только предметное содержание, но и аксиологические установки социума: мировоззрение, модели поведения, гендерные стереотипы, свойственные той или иной лингвокультуре.

Под гендерными стереотипами понимаем схематические, устойчивые образы мужчин и женщин весьма обобщенного характера, способст-

вующие в упрощенной форме получению информации о мире и «распространяемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности, независимо от личных особенностей её конкретных представителей» (Букина 2013: 64). А. В. Кирилина подобные социокультурно маркированные установки мужчин и женщин, вербально закрепленные в языке, называет гендерной картиной мира (ГКМ) (Кирилина 2000: 47–81). По мнению Н. В. Дутовой, ГКМ — совокупность упорядоченных, внутренне связанных, непротиворечивых языковых и культурных ценностей, идеалов, существующих в обыденном сознании и отражающих языковую и культурную дифференциацию полов (Дутова 2018: 30). Ее формирование осуществляется в результате сравнения двух разных культур: феминной и маскулинной.

Гендер, по мнению Е. С. Гриценко, некий «конвенциональный идеологический конструкт», в котором сконцентрированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данном социуме (Гриценко 2005: 3–4). Гендер в любой лингвокультуре предъявляет субъектам определенные правила, которым они должны следовать в соответствии с тем, что им «приказано» гендерной идентичностью. Гендерная специфика находит отражение в разных типах дискурса. В художественном дискурсе автор, создавая пространственно-временной континуум и погружая туда героев, события, действия, визуализирует в концентрированном виде систему ритуалов, ролей, принятых в этом обществе. Таким образом, он реконструирует гендерную картину мира, свойственную культуре этого социума. Гендер возможно описать при помощи конструктов маскулинность / феминность, способствующих формированию стереотипов, отраженных в гендерной картине мира, которая представляет собой пересекающиеся «ментальные пространства “мужского” и “женского” миров, опосредованных онтогенетически и гносеологически» (Халеева 2000: 15).

И. И. Булычев отмечает, что природная и социальная эволюция смогла векторно «развести» два пола — мужской и женский, исторически закрепив за ними определенные функции. Фактор разделения мужских и женских ролей способствовал детерминированию важнейших черт и образов двух полов (Булычев 2004). Дихотомия «маскулинность» / «феминность» — совокупность социальных ожиданий от мужчин и женщин в разных культурах. Данную категорию в рамках работы рассматриваем как иерархически более значимую, чем оппозицию «мужественность» / «женственность», поскольку первая из них представляет собой гендерный конструкт, а вторая, по мнению А. В. Кирилиной, демонстрирует нравственные аспекты понятия «мужественность» (Кирилина 1999: 39).

2. Материал и методы исследования

Материалом для анализа послужил роман Е. Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов». Выбор объекта не случаен, поскольку автор в рамках художественного дискурса обобщает, типизирует характеристики пространства и времени, давая возможность читателю почувствовать атмосферу описываемого периода. Прозаик репрезентирует историческую изменчивость дихотомии «маскулинность» / «феминность», реконструируя гендерные стереотипы, роли, нормы, свойственные людям прошлой и нынешней эпох. Исследование художественного дискурса осуществлялось при помощи контекстного анализа, методов сплошной выборки и аналитико-описательного метода.

Теоретической основой для исследования послужили работы по лингвоэтнокультурологии С. Г. Воркачёва (2008, 2020), В. И. Карасика (2015, 2017), В. Г. Костомарова (1999, 2005), В. А. Масловой (2004), Ю. С. Степанова (1997), С. Г. Тер-Минасовой (2008) и др.; по гендерной лингвистике — фундаментальные труды А. В. Кирилиной (1999, 2000, 2001, 2015), Н. Л. Пушкаревой (2001), И. И. Халеевой (2000) и др.

3. Результаты исследования

Рассмотрим стереотипы маскулинности, которым следует Е. Г. Водолазкин в пространстве художественного дискурса.

В его обращении с ножом было изначально что-то мужское, и следящий за его руками взгляд Зои это, несомненно, выражал (Водолазкин 2019: 100). Автор обращается к глубинному сознанию читателя: владеют оружием исторически традиционно мужчины: они же защищают семью, страну от опасности, нож в его руках — символ власти, соперничества, активного начала, инициативы, подчинения. По мнению В. И. Карасика, «в патриархальном социуме мужчина должен занимать главенствующую позицию, проявляя высокую степень состязательности в общении с другими мужчинами (и иногда агрессивности)» (Карасик 2015: 159). Подобное противостояние нередко осуществлялось при помощи вооружения.

Мальчика назвали Филиппом. Он был рожден в то время, когда, по мнению генерала, мужчиной лучше было не рождаться. Рабское время (Водолазкин 2019: 142).

Фраза в контексте становится вполне понятной, если учесть, что опальный генерал, участник Гражданской войны в 20-е годы XX века, осознавал, какое непростое будущее будет у ребенка мужского пола. Свергнута монархия, пришло смутное время доносов, расстрелов, репрессий. Не случайно Ларионов называет его «рабским». Стереотип маскулин-

ности выражается в независимости, свободе, силе духа, решительности, уверенности в себе. А о какой свободе может идти речь, если вся страна не свободна. Эти же типичные мужские черты выделяет и А. В. Кирилина (Кирилина 1999: 161).

В отличие от более поздних времен, русское офицерство умело и любило танцевать. Русское офицерство было весьма рафинированным. Гармоническое развитие предполагало не только мужественность, оно предполагало также элегантность (Водолазкин 2019: 167).

Герой рассуждает об изменении гендерных стереотипов, в результате которых мужественность военных XX века стала трансформироваться. Генерал Белого движения с тоской осознает тот факт, что современные офицеры вряд ли могут пользоваться устричным ножом за сервированным столом, тем более быть изящными. Происходит трансформация концепта «мужественность», являющегося базовым для конструкта маскулинности. Лексема *элегантность* содержит семы «изысканный», «утончённый», «изящный». С развитием общества гендер подвергается моделированию (Зыкова 2003: 50). В современном социуме такое качество, как изящность, соотносят, как правило, с феминным типом.

Генерал молча протянул ей пятьдесят рублей. Накануне ему было сказано, что медперсонал благодарят за мальчика — 50 рублей, за девочку — 30. О равноправии полов в 1936 году еще не могло быть и речи (Водолазкин 2019: 141).

Показательно, что уже с рождения, с порога родильного дома, конструируется гендер (Шоре, Хайдер 1999: 16). С древних времен у народов ценится появление наследника, которому будет передано имущество, только на лиц мужского пола на Руси давали землю, лишь мальчик мог прославить свой род, стать профессиональным военным или политиком. Прозаик говорит о факте гендерной интерпретации, которая случилась в конце XX столетия, когда субъектами профессиональной деятельности стали и мужчины, и женщины. В 30-е годы прошлого века общество по своей сути патриархальное — феминистское движение начнется значительно позднее, когда женщины во все мире выступают за равенство между полами, будут отстаивать право на свободу выбора супруга, семьи, дела.

При всем желании на всех жениться он не может. Брак следует считать явлением отжившим. На актив, сплошь состоявший из мужчин, его речь произвела неплохое впечатление. Женская часть коллектива отнеслась к ней более сдержанно, но на открытые возражения не решилась (Водолазкин 2019: 133).

В контексте при помощи словосочетания *явление отжившее*, содержащего семы «устарелый, отсталый», автор использует прием иронии.

Уманского судят товарищеским судом за распущенность, нежелание жениться в результате соращения девиц. Гендерный стереотип относительно свободы от обязательств достаточно распространен среди мужчин: они ценят независимость, а брак воспринимают как неприятную необходимость. Показательно, что подобное мнение поддержано исключительно мужской аудиторией, тогда как для женщин замужество — это одно из важных условий самореализации. Отметим, что реакция присутствующих дам на слова подсудимого отвечает стереотипным представлениям о женской сущности, не готовой к открытому конфликту. При помощи отрицательной частицы *не* и сем «отважиться», «прийти к необходимости действий», включенных в состав глагола *решиться*, а также компонентов «владеющий собой, ровный, без резкостей», составляющих содержание наречия *сдержанно*, автор маркирует свойственное феминному началу чувство пассивности, подчинения маскулинному типу.

Рассмотрим стереотипы феминности, реконструируемые Е. Г. Водолазкиным в дискурсе.

В гладкости ее ног, в их смуглости, было что-то чисто женское, возбуждающее (Водолазкин 2019: 204).

В данном контексте реализуется стереотип относительно существования женщины как объекта любования, удовольствия. В данном случае женщина воспринимается как нечто противоположное мужчине, соответствующее его ожиданиям. Е. Тсеелон говорит о том, что дискурсивные составляющие концепции женственности — это красота и наслаждение, которые становятся частью ее тела и сущности (Тсеелон 1995). Дж. Бергер отмечает тот факт, что женское тело всегда было центром притяжения мужского взгляда. Мужчины исторически обладают некой привилегией «смотрения», что в конечном итоге определяет большую часть отношений между полами (Berger 1972: 47).

С другой — сам Уманский по зрелом размышлении решил обходиться дамами с набережной — идеологически, может быть, менее близкими, но гораздо более женственными. Несгибаемость комсомолок его порядком раздражала (Водолазкин 2019: 133).

Происходит экспликация стереотипа, заложенного в сознании маскулинного типа: женщина должна быть покорная, привлекательная, изящная. Автор иронизирует по поводу женской «несгибаемости», так как нормы женственности этого периода характеризуются полоролевой асимметрией, явившейся отражением экономического и политического характера требований, выдвигаемых эпохой. Если вспомнить идеологические установки тех лет, то становится очевидным юмор относительно выбора персонажа в пользу женщин легкого поведения. Даже обращение к женщине

товарищ не способствует романтике отношений. А. В. Кирилина связывает такую нейтрализацию гендерных ролей с социальным заказом, политической государственности (Кирилина 2000: 47).

Они обсуждали тактику ближнего боя и допустимость Брестского мира, целесообразность службы в армии женщин и работу передвижных кухонь в осенне-зимний период (Водолазкин 2019: 135).

Вопрос о профессиональной деятельности женщины в патриархальном обществе, как правило, возникал нечасто. Традиционно за женщиной закреплялось приватное пространство, ограниченное семьей, кухней, домом, воспитанием детей, в то время как мужская роль реализовывалась в сфере политики, общественной работы, военного дела. И нарушить заложенный стереотип было невозможно долгое время: *Американская исследовательница напомнила, что пробиться в русскую армию на переломе 18—19 веков женщинам было нелегко* (Водолазкин 2019: 268). Хотя бунтарство, твердость духа, высокий интеллект отличают не только мужчин. Об историческом факте службы в армии кавалерист-девицы *Надежды Андреевны Дуровой* Е. Г. Водолазкин рассказывает в романе: *«Занялась обдумыванием плана выйти из сферы, назначенной природою и обычаями женскому полу»* (Водолазкин 2019: 269). Ведь традиционно, по мнению А. В. Кирилиной, «женское ассоциативное поле выглядит более обобщенным и “гуманистическим” (природа, животные, повседневная жизнь), в то время как мужчины ассоциируют себя со спортом, охотой, профессиональной и военной сферами» (Кирилина 1998: 56). И если ранее профессиональная реализация была прерогативой мужчин, то в настоящее время женщины эффективно справляются с различными социальными ролями, становясь полноправными субъектами деятельности. Н. Л. Пушкарева отмечает, что сегодня в центре исследований оказываются «женщины в истории страны, а также истории женщин» (Пушкарева 2002: 120).

Свои воздушные одеяния она снимала спокойно и изящно, с той неуловимой долей обреченности, которую настоящая женщина просто обязана предъявить своему обладателю (Водолазкин 2019: 199).

Е. Г. Водолазкин реконструирует стереотип, согласно которому в отношениях пары ведущим партнером является мужчина, а женщина либо соглашается, либо не соглашается с его выбором, что в итоге образует оппозицию «победитель» / «побежденный», соотносящуюся с дихотомией «обладатель» / «обреченный». Лексема *обреченность* содержит семы «предопределение», «гибель», «крушение», «неизбежная участь». Лексема *обладатель* реализует значения «владелец», «державший в своей власти». Храбрость, сила противопоставлены пассивности, мягкости, покорности, свойственным феминному типу личности.

Увидел семейный обед за столом. Женщину, раскладывающую по тарелкам вареную картошку. Мужчину с просветленным лицом (Водолазкин 2019: 206).

Используя парцеллированные конструкции, прозаик интериоризует мужской взгляд на нормы поведения и деятельности женщины — ее роль жены, матери, хозяйки дома. В. И. Карасик отмечает устоявшийся стереотип относительно распределения ролей супругов в рамках семьи: «Мужчина должен занимать главенствующую позицию в семье..., в то время как женщина является хранительницей домашнего очага и воспитывает детей» (Карасик 2015: 159).

Эмансипация русских женщин превзошла все ее (Алекс Швари) ожидания, после того как Нина Федоровна взяла докладчика Папицу за бороду и вывела его из-за кафедры (Водолазкин 2019: 275).

Писатель достигает карнавального эффекта при помощи нехарактерного сочетания глаголов *взять*, *вывести* с зависимым существительным *за бороду*. Данные лексемы образуют свободные сочетания со словами *за руку*, *за плечо*, *под локоть*. Намеренно отступая от нормативности, автор реализует прием парадокса, с юмором намекая на феминизм американских женщин, который иногда предстает в искаженном свете, а в русском варианте становится пародией. Причем автор реконструирует стремление соотечественников к крайности, безудержности во всем, «основания которого лежат где-то глубоко в области бессознательного и зависят от так называемых “этнических констант”» (Воркачев 2020: 144). Так реализуется стереотип относительно известной свободы в поведении женщин конца XX века.

Итак, гендерные установки, роли, нормы, предписываемые обществом мужчинам и женщинам и эксплицируемые автором в пространстве художественного дискурса, подаются через различные социально-ролевые характеристики, качества, способности, профессиональные свойства.

4. Заключение

Таким образом, в работе описана специфика гендерных стереотипов, реконструируемых автором в художественном дискурсе и выступающих в роли социальных механизмов, способствующих поддержанию гендерных норм, которым следуют мужчины и женщины в русской лингвокультуре. Отмечены некоторые гендерные предписания, подвергшиеся изменениям со временем. Выявлен набор оценочных признаков, образующих дихотомию «маскулинность» / «феминность» и позволяющих говорить о процессе стереотипизации, определенной системе ценностей в рассматриваемой

оппозиции: внешний вид, качества, профессиональные свойства, семейные характеристики.

Список литературы / References

- Букина Е. И. Гендерные стереотипы в языке и дискурсе // Ученые записки ЗабГУ. 2013. № 2 (49). С. 61–65. [Bukina, Yelena I. (2013) *Gendernye stereotipy v yazyke i diskurse* (Gender Stereotypes in Language and Discourse). *Uchenye zapiski ZabGU* (Scholarly Notes of Transbaikals State University). 2 (49). 61–65. (In Russian)].
- Булычев И. И. Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира [Электронный ресурс] // Международный теоретический журнал «Credo New» URL: <http://www.credonew.ru/content/view/384/56/> (дата обращения: 28.09.2019). [Bulychev, Igor I. (2004, September 28). *Obrazy maskulinnosti i feminnosti v formate gendernoj kartiny mira* (Images of Masculinity and Femininity in the Format of a Gender Picture of the World). *International theoretical journal "Credo New"*. Retrieved from <http://www.credonew.ru/content/view/384/56/>. (In Russian)].
- Воркачев С. Г. Счастье родины: патриотический дискурс (лингвокультурные аспекты). Краснодар: изд-во КубГТУ, 2020. [Vorkachev, Sergej G. (2020) *Schast'e rodiny': patrioticheskij diskurs (lingvokul'turny'e aspekty')* (Happiness of the Motherland: Patriotic Discourse (Linguistic and Cultural Aspects)). Krasnodar: Izd-vo KubGTU, 2020. (In Russian)].
- Гриценко Е. С. Язык. Гендер. Дискурс: Монография. Нижний Новгород: изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. [Gricenko, Elena S. (2005) *Yazyk. Gender. Diskurs* (Language. Gender. Discourse) Nizhny Novgorod: izd-vo NNGU after N. I. Lobachevsky. (In Russian)].
- Дутова Н. В. Гендерная картина мира: основные характеристики и функциональное предназначение // Наука и образование: новое время. 2018. № 6. С. 30–32. [Dutova, Natal'ya. V. (2018) *Gendernaya kartina mira: osnovnye harakteristiki i funkcional'noe prednaznachenie* (Gender Picture of the World: Main Characteristics and Functional Purpose). *Nauka i obrazovanie: novoe vremya* (Science and Education: New Time), 6, 30–32. (In Russian)].
- Зыкова И. В. Гендер-конструкт фразеосферы русской и английской культур // Гендер: язык, культура, коммуникация. Мат-лы 3-й Межд. конф. М.: МГЛУ, 2003. С. 50–51. [Zykova, Irina V. (2003) *Gender-konstrukt frazeosfery russkoj i anglijskoj kul'tur*. (Gender is the Construct of Phraseological Sphere of Russian and English Cultures). *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya: Materialy 3-ej Mezhdunarodnoj konferentsii* (Gender: Language, Culture, Communication. Proceedings of the 3rd International Conference). Moscow: MGLU, 50–51. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014. [Karasik, Vladimir I. (2014) *Yazykovoe proyavlenie lichnosti*. (Language Manifestation of Personality). Volgograd: Paradigma. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. [Karasik, Vladimir I. (2015) *Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy* (Spiral Language: Values, Symbols and Motifs). Volgograd: Paradigma. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. С. 51–58. [Kirilina, Alla V. (1998) *Razvitie gendernyh issledovanij*

- v lingvistike (Development of Gender Studies in Linguistics). *Philological Sciences*, 2, 51–58. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. [Kirilina, Alla V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* (Gender: Linguistic Aspects). Moscow: Institute of Sociology. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. С. 47–81. [Kirilina, Alla V. (2000) *Gendernye aspekty massovoj kommunikacii* (Gender Aspects of Mass Communication). *Gender kak intriga poznaniya* (Gender as an Intrigue of Knowledge). Moscow: Rudomino, 47–81. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Мужественность и женственность как культурные концепты // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 141–149. [Kirilina, Alla V. (2001) *Muzhestvennost' i zhenstvennost' kak kul'turnye koncepty* (Masculinity and Femininity as Cultural Concepts). *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* (Methodological Problems of Cognitive Linguistics). Voronezh: VGU, 141–149. (In Russian)].
- Ланно М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Новосибирск, 2018. [Lappo, Marina A. (2018) *Samoidentifikacionny'j diskurs russkoj e'litarnoj yazy'kovoj lichnosti: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*). (Self-identification Discourse of the Russian Elite Language Personality: Author's Abstract. Philol. Science). Novosibirsk. (In Russian)].
- Пушкарева Н. Л. Историческая феминология // Словарь гендерных терминов. М.: Информация XXI век, 2002. С. 119–121. [Pushkareva, Natal'ya L. (2002) *Istoricheskaya feminologiya* (Historical Feminology). *Slovar' gendernykh terminov* (Dictionary of Gender Terms). Moscow: Informatsiya XXI vek, 119–121. (In Russian)].
- Савруцкая Е. П. К вопросу об основаниях этнокультурной идентичности // Русское православие как основа сохранения национальной идентичности: XVI Рождественские православно-философские чтения. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2007. [Savruczkaya, Elizaveta P. (2007) *K voprosu ob osnovaniyakh e'tnokul'turnoj identichnosti* (To the Question of the Foundations of Ethno-cultural Identity). *Russkoe pravoslavie kak osnova sokhraneniya natsional'noj identichnosti: XVI Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya* (Russian Orthodoxy as a Basis for Preserving National Identity: XVI Christmas Orthodox-philosophical Readings). Nizhny Novgorod: Nizhegorodskij humanitarnyj tsentr. (In Russian)].
- Халеева И. И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания: сб. статей / сост. А. В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. С. 9–18. [Haleeva, Irina I. (2000) *Gender kak intriga poznaniya* (Gender as an Intrigue of Knowledge). In Kirilina, Alla V. (ed.) *Gender kak intriga poznaniya: sbornik statej* (Gender as an Intrigue of Knowledge: Collection of Papers). Moscow: Rudomino, 9–18. (In Russian)].
- Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания, 1999. № 1. С. 3–16. [Shvedova, Natal'ya Yu. (1999). *Teoreticheskie rezul'taty, poluchenny'e v rabote nad «Russkim semanticheskim slovarem»* (Theoretical Results Obtained in the Work on the «Russian Semantic Dictionary»). *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 3–16. (In Russian)].
- Шорэ Э, Хайдер К. Женственность, феминизм, пол и гендер // Пол. Гендер. Культура.

- М.: РГГУ, 1999. С. 14–16. [Shore, Elizabet, Hajder, Karolina (1999) Zhenstvinnost', feminizm, pol i gender (Femininity, Feminism, Gender and Gender). *Pol. Gender. Kul'tura* (Gender. Gender. Culture). Moscow: Russian State University for the Humanities, 14–16. (In Russian)].
- Berger, John. (1972) *Ways of Seeing. Based on the BBC Television Series*. London: BBC&Pelican.
- Tseelon, Efrat. (1995) *The Mask of Femininity. The Presentation of Women in Everyday Life*. London: Sage Publications.

Источники фактического материала / Factual information resources

- Водолазкин Е. Г. Соловьев и Ларионов. М.: Издательство АСТ, 2019. [Vodolazkin, Evgenij G. (2019) Solov'ev i Larionov (Soloviev and Larionov). Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russian)].
- Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация Восток — Запад: Женские Инновационные Проекты. М.: Информатсия — XXI век, 2002. [Slovar' gendernykh terminov (Dictionary of Gender Terms). (2002). In Denisova, Alla A. (ed.). Regional'naya obshchestvennaya organizatsiya Vostok — Zapad: Zhenskie Innovatsionnye Proekty (Est — West Regional Social Organization: Female Innovative Projects). Moscow: Informatsiya — XXI vek. (In Russian)].

УДК 811.161.1'367.622.12

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-49-65

ОНОМАСТИКОН РАССКАЗА Б. К. ЗАЙЦЕВА «СВЯЩЕННИК КРОНИД» В КОНТЕКСТЕ КОНСТАНТ ПРАВОСЛАВИЯ¹

М. И. Кузьмина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена проблеме изучения семантики языковых единиц в художественной речи, в частности вопросу функционирования имени собственного в художественном тексте. В настоящей работе имя собственное рассматривается как функционально-семантическая единица языка, речи и культуры. Материалом исследования служит рассказ Б. К. Зайцева «Священник Кронид» (1905). Объектом исследования является ономастическая лексика и отдельные константы православия. Ономастикон рассказа составляют антропонимы (*Кронид* и др.), топонимы (*Костенка, Дмитрово*), агионимы (*Христос, Бог*), эортонимы (*Пасха, Троица, день Егория* и др.), зооним (*Каиштан*) и др. Цель статьи — выявить особенности функционирования имени собственного в тексте Б. К. Зайцева. Новизна научного изыскания вызвана недостаточной изученностью ономастического пространства художественной речи Б. К. Зайцева. Актуальность работы определяется рассмотрением имени собственного как компонента языковой картины мира писателя, а также обусловлена необходимостью научного осмысления функциональной роли ономастических единиц в художественном тексте в аспекте национальных религиозных представлений о мире. В работе применена комплексная методика изучения имени собственного в художественной речи на основе сочетания различных методов и приемов анализа: метода концептуального анализа, метода компонентного анализа художественного текста, метода сплошной выборки, семантического и стилистического методов. Исследовано ономастическое поле текста Б. К. Зайцева, определена функциональная роль имен собственных разных разрядов. В рассказе выявлены ассоциативно-семантические связи отдельных онимов с православными константами. Сделаны частные выводы об отличительных чертах поэтики Б. К. Зайцева: концептуализации значений отдельных языковых единиц и об усилении ценностной составляющей в их значении в художественном тексте. Языковой материал может быть использован в специальных курсах по ономастике художественного текста, по проблемам изучения языковой картины мира писателя, в курсе филологического анализа текста.

Ключевые слова: имя собственное; семантика имени собственного; художественный текст; Б. К. Зайцев; языковая картина мира писателя; функции онима; концепт «Святая Русь».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310. The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00310.

**Onomasticon of the Story by B. K. Zaitsev 'Priest Kronid'
in the Context of Constants of Russian Orthodox Christianity**

Margarita I. Kuzmina

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russia

The article examines the problem of studying the semantics of linguistic units in fiction, in particular, the study of how proper names function in a literary text. In this study, proper names are treated as functional and semantic units of language, speech, and culture. The research material is the story by B. K. Zaitsev 'Priest Kronid' (1905), and its object is onomastic vocabulary and specific constants of Russian Orthodox Christianity. The onomasticon of the story consists of anthroponyms (Kronid, etc.), toponyms (Kostenka, Dmitrovo), hagionyms (Christ, God), eortonyms (Easter, Trinity, Egor's day, etc.), zoonym (Kashtan), etc. The purpose of the article is to examine how proper names function in B. K. Zaitsev's text. The study makes a new contribution to as of yet insufficient research of the onomastic space of fiction by B. K. Zaitsev, and its relevance is enhanced by the importance of studying proper names as a component of the writer's linguistic picture of the world and the need for scientific understanding of the functional role of onomastic units in the literary text in terms of national religious ideas about the world. The paper uses a complex method of studying proper names in fiction, combining various methods and techniques, namely: the method of conceptual analysis, the method of component analysis of fictional text, the method of continuous sampling as well as the semantic and stylistic methods. The author investigates the onomastic field of B. K. Zaitsev's text and determines the functional role of proper names of different categories. The story reveals associative and semantic connections of individual onyms with certain constants of Russian Orthodox Christianity. The author also makes a number of specific conclusions about the features of B. K. Zaitsev's poetics, including those about conceptualizing meanings of individual linguistic units and strengthening of the value component in their meaning in the literary text. The linguistic material can be used in special courses on the onomastics of a literary text or issues related to the writer's linguistic picture of the world, or in courses that include philological analysis of texts.

Key words: a proper name; proper name semantics; literary text; B. K. Zaytsev; the writer's language worldview; the functions of personal names; the concept of Holy Russia.

1. Введение

Традиционно мнение о своеобразии православного мировидения Б. К. Зайцева в устремленности к свету (Любомудров 2003) и духовно-художественном (чувственно-созерцательном, интуитивном) постижении мира (Бабенко 2009). Ключевой константой макротекста Б. К. Зайцева оказывается концепт *святость*, а идеей и особенностью индивидуального стиля — «необходимость осмысления национальных христианских святых и феномена русской святости» (Лазарев 2020: 209). Макротекст писателя представляет собой уникальный понятийно-образный комплекс — «Россию Святой Руси». Феномен святости репрезентируется в каждом

произведении в разном объеме, но даже в ранних рассказах можно говорить об устойчивой системе православных констант.

Исследованию религиозной языковой картины мира Б. К. Зайцева посвящена обширная литература (Князева 2003; Любомудров 2003; Иванова 2012; Морозов 2013; Захарова 2014; Кошелева, Хвостова 2014; Лазарев 2020; и др.). Творчество Б. К. Зайцева всесторонне изучено литературоведами, но лингвистических трудов немного. Теоретическую базу настоящего исследования составили работы по ономастике и художественной ономастике отечественных и зарубежных ученых (Фонякова 1990; Ковалев 2004; Фомин 2005; Бугаева 2007; Васильева 2009; Lamping 1983; Debus 1998, 2001, 2003; Kripke 2005).

Общепризнанно, что художественное мировидение и православное мироощущение Б. К. Зайцева проявляется в метафоричности и синтетичности образов, сложной системе констант, философской символике, лейтмотивности деталей, но мало говорится о богатом своеобразном ономастическом материале его текстов. Новизна исследования вызвана недостаточной изученностью ономастического пространства художественной речи Б. К. Зайцева.

Вопрос семантики имени собственного в современной ономастике остается дискуссионным. В настоящем исследовании имя собственное признается функционально-семантической единицей языка, речи и культуры, поскольку в его значении объединены номинативный, коннотативный, ассоциативный, культурно-ценностный компоненты (Фонякова 1990: 21). В работе оним рассматривается как имя и репрезентативная единица культурного концепта или константа в художественном тексте и изучается как средство выражения фрагмента языковой картины мира писателя. Под константой понимается «слово или выражение, семантика которого отражает духовные смыслы о системе мироустройства и о системе ценностей отдельного этноса» (Степанов 1997: 47).

Цель настоящей работы — изучить особенности функционирования имени собственного в системе констант художественной речи. Объектом настоящего исследования, кроме ономастической лексики, стали средства экспликации семантики онимов в художественном тексте — лексемы, синонимические замены (апеллятивы) и слова ближайшего контекста, часто приобретающие концептуальную значимость. Материалом исследования служит рассказ Б. К. Зайцева «Священник Кронид» (1905). Ономастикон рассказа включает разные разряды имени собственного: антропоним, имя святого (агионим / агиоантропоним *Бог, Иисус Христос*), имя религиозного праздника (*Пасха, Троица* и др.), зооним, топоним. Имена собственные в рассказе в ассоциативно-семантические связи с концептами

христианской культуры. Данные связи имен собственных участвуют в формировании общей оценки константы *святость* в языковой картине мира писателя.

2. Характеристика материала и методов исследования

В работе применена комплексная методика исследования: метод концептуального анализа имени собственного, метод компонентного анализа и полевой метод, семантического и стилистического методов. В ходе исследования методом сплошной выборки были выявлены все имена собственные и их описательные конструкции — аппеллятивные идентификаторы. Выбор языкового материала оказался оправдан в плане исследования концептуального значения имени собственного как экспликации художественного концепта индивидуальной языковой системы писателя, позволил раскрыть отдельные черты индивидуального видения мира и особенности мышления творческой языковой личности Б. К. Зайцева. Исследование доказывает, что имя собственное является особым языковым знаком, своеобразным культурным кодом, а в художественном произведении выступает одним из средств выражения авторского видения мира.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Главный персонаж и его имя

Имя собственное главного персонажа текста вынесено в сильные позиции текста: в название рассказа, в начало и конец текста. Имя, выносимое в заглавие текста, становится концептуально значимым для автора, и в нем воплощается идея текста. В семантизации имени собственного в художественной речи участвуют средства вторичной номинации: определения, перифразы, синонимические замены, деминутивные формы, местоименные субституты (Фонякова 1990). В связи с этим в работе были рассмотрены аппеллятивные идентификаторы и синонимические замены антропонима.

Особенностью употребления антропонима главного действующего лица в рассказе является функционирование в двух вариантах. Это официальное полное имя собственное — *Кронид* и неофициальное имя — *Крон*. В исследуемом тексте личное имя *Кронид* встречается всего 8 раз, причем среди употреблений преобладают номинации, построенные по модели «аппеллятив + имя» (именование по профессии/должности + имя). Чаще всего данный оним употребляется с идентификатором *отец* (6 раз), выносятся в название текста с идентификатором *священник* (1 раз), а также один раз приводится без аппеллятивной поддержки.

Крон — это производное, образованное в результате усечения основы от *Кронид*, сокращенное имя, использующееся в неформальных ситуациях общения. Об этом есть указание в начале текста: «Мужики его уважают и зовут *Кроном*» (Зайцев 2015: 55). По количеству употреблений в рассказе наиболее частотным оказывается именно употребление сокращенной формы антропонима главного персонажа. Методом сплошной выборки выявлено 43 употребления онима *Крон*. Для неофициальной формы онима в тексте характерно употребление без апеллятивных идентификаторов, за исключением единственного случая именованного — *отец Крон*.

Имена *Кронид* и *Крон* в исследуемом тексте имеют различные контексты употребления, семантизируются по-разному, приобретая в тексте собственные коннотативные и ассоциативные признаки.

Общепризнанно, что сокращенные формы личного имени приняты в первую очередь в семье и «сигнализируют о том, что люди, их употребляющие, а) равны по социальному положению, б) относятся друг к другу дружески или в) не равны по возрасту» (Чернейко 2002: 23). В исследуемом тексте неофициальное личное имя *Крон* оказывается маркированным и употребляется как знак уважения паствы к их священнику. В связи с этим можно говорить об особом случае семантизации и дополнительной коннотации в значении онима *Крон* в тексте Б. К. Зайцева (признаке ‘близкий’).

В ономастических исследованиях имя собственное в художественном произведении имеет особое значение при создании художественного образа (Флоренский 1990) и может выступать маркером интертекстуальности (Виноградова 2001). Антропоним *Кронид* выполняет функцию выделения персонажа в тексте, которая в первую очередь выражается в странности (согласно типологии Д. Лампинга (Lamping 1983)), необычности имени в русском ономастике для современного читателя. Антропоним *Кронид* оказывается усилен прецедентностью. Парадоксальной для русского священника оказывается ассоциативная мифическая проекция: *Кронид* — сын Кроноса, сын Крона, т. е. *Зевс* (СРЛИ 1995: 213). неизбежное ономастическое сравнение персонажей позволяет точнее выявить функциональную роль данного антропонима в тексте, в частности раскрыть характеризующую функцию имени. О сплетении контекстов имен по отношению к данному персонажу написано достаточно (см. работы Кошелева, Хвостова 2014: 4; Князева 2003; Иванова 2012; Полякова 2015). В случае номинации православного священника именем *Кронид* и в результате ассоциативно-семантических связей с греческими мифонимами можно говорить о ремифизации мифонима. Благодаря ономастической номинации «образ переносится из исходного вымышленного контекста в

новые для него <...> литературные условия существования. <...> Контраст мифореальностей, столкновение несопоставимых явлений перемещают логический акцент на вечные и абсолютные ценности и категории» (Сапожникова 2017: 142).

Как реализуются ассоциативно-семантические связи *Кронид* — *Зевс*, заявленные в первичной номинации, можно проследить, вспомнив функции греческого бога. Когнитивные смыслы имени *Зевс* — бог неба, грома и молний, ведающий всем миром, — своеобразно находят отражение в тексте Б. К. Зайцева в связи с именем о. Кронида (КМС 2003). Символично оказывается описание грозы в рассказе. Вряд ли можно согласиться с исследователем Н. Г. Морозовым в том, что зайцевский персонаж способен управлять грозой и молниями (Морозов 2013: 122), но то, что он не боится грозы, очевидно. «*Крон* скрылся у бакалея и *посмеивается на дождь*; наверху над ним парусина быстро промокла, но он *не беспокоится* и без шляпы выставляет под дождь голову» (Зайцев 2015: 64–65). В другом контексте дается признание священником божественной природы грозы и восхищение силой Божьей: «сверху гремело уже раз, при глубочайшем тепле и могущественных тучах; блистало <...>, а перед ударом бледная молния осеняла траву. — *Экая сила*, — говорил о. Кронид и *крестился*» (Зайцев 2015: 61). Гроза в христианстве часто олицетворяет гнев Господень, при этом ее сила связывается с мотивами очищения и возрождения (СЗЭ 2005). Для русского православного сознания гроза тесно связана с образом Ильи-пророка, мечущего молнии в чертей. Согласно традиционным представлениям гроза поражает грешников. О. Крониду в этом смысле нечего бояться.

Следует остановиться на других интертекстуальных связях имени собственного в тексте: *Крон* — *Кронос*. При очевидном сходстве и сближении антропонимов в тексте Б. К. Зайцева между носителями одного имени существенная разница. Имя *Кронос* или *Крон* называет древнейшее божество греческой мифологии. Этот титан, сын бога неба и богини земли, известный своей жестокостью, борется за власть, пытаясь уничтожить собственных детей (КМС 2003). В противоположность греческому персонажу о. Крон не жесток, а наоборот, добр. Функция использования имени, нагруженного прецедентностью, заключается в привлечении интереса читателя к образу простого деревенского священника. При совпадении антропонимов явное несовпадение характеров и расстановка акцентов на национальных ценностных ориентирах: православии, любви к детям, преемственности традиций, особом отношении к православному священнику в России. «Его уважают и зовут *Кроном*; а он исправно ходит на службу,

возвращается домой, венчает, хоронит, звонит в колокола <...>, и куда-то *ведет за собой приход*» (Зайцев 2015: 55).

Следует напомнить, что в греческой мифологии одновременно бытовали мифы о Кроне — титане и о Кроносе — боге времени, трансформированном в Хроноса. В результате данных ассоциативно-семантических связей *Крон / Кронос — Хронос* в значении антропонима *Кронид* в тексте формируется сема 'время', а концептосфера рассказа дополняется константой *время / вечность*, базовыми категориями православно-христианского мировидения.

Среди аксиологических атрибутивных характеристик главного персонажа актуализированы прилагательные *крепкий, сильный, честный, добрый, старый, умный*. Данные прилагательные участвуют в семантизации антропонима. Например, следует обратить внимание на следующие контексты: «А Крон *умными* грудными звуками беседует у бакалея» (Зайцев 2015: 64) / *мудро* беседует (Зайцев 2015: 59) / «В усадьбе Крона почитают за *основательность*, за *ум*» / «*Крепкий*, шестидесятилетний *сильный человек / Крепкие руки / Крепкие* Кроновы брови и ласковая под солнцем борода» (Зайцев 2015: 59).

Антропоним *Кронид* отсылает читателя и к православной агиографии, актуализируются связи с христианским ономастиком. *Кронид* — имя собственное святого мученика, жившего в III веке н. э.; преподобно-мученика Кронида (К. П. Любимов), жившего на рубеже XIX—XX веков.

Функции соотнесения в одном персонаже / сплетения античного мифонима, религиозного мифонима / имени православного святого и литературного антропонима важны для создания философско-обобщающего смысла текста и реализации ключевых авторских идей: идеи крепкой веры и идеи неизменности русской православной веры.

Последней апеллятивной номинацией главного персонажа в тексте Б. К. Зайцева оказывается словосочетание *старый пастырь*. «Как *старый пастырь*, он глядит вниз на село и думает о чем-то» (Зайцев 2015: 66). Лексема *пастырь* в православном языковом сознании предполагает служение, основанное на любви (Живов 1994). *Иисус Христос* называл себя *пастырь добрый* (Евангелие от Иоанна 1994: 10:11). В контексте устанавливаются ассоциативно-семантические связи онимов *Кронид* и *Иисус Христос*. В результате данных имплицитных ассоциативно-семантических связей имен (через конструкцию сравнения) в значении антропонима священника актуализируются семы 'доброта', 'любовь' и 'божественное'.

Еще одно значение слова *пастырь* в тексте — номинация священнослужителя, духовного наставника верующих. О. Кронид для своих прихожан — мудрый наставник, терпеливо ведущий за собой. В результате

контекстуальных связей значение антропонима приобретает семы 'помощь', 'защита', 'покровительство', 'вера'. В концептосфере рассказа выделяется константа *путь / путешествие*. Священник *Кронид* находится в постоянном движении, всегда в пути. В христианстве константа *спасение — путь к Богу*. Путь Кронида — следование за Иисусом Христом, служение Богу.

3.2. Второстепенные персонажи и приём безымянности в рассказе

В результате анализа ономастического поля рассказа были выявлены случаи авторского утаивания / умалчивания имени персонажа без последующего его раскрытия, прием маркированной безымянности (Васильева 2009: 138). В повествовании Б. К. Зайцева нет имен у сыновей о. Кронида и его жены. Утаивание имен людей ближайшего окружения для главного действующего лица имеет определенный функционально-стилистический эффект. Данные персонажи значимы только для отца Крона, в тексте они необходимы только для создания и раскрытия именно его образа. Безымянностью жены и детей подчеркивается социальная идентификация Кронида и отражается общий устоявшийся взгляд на семейное положение русского православного священника, сложившийся в русской культуре.

Следует обратить внимание на то, что для введения в текст повествования жены Кронида используется один апеллятив — *матушка*. Это традиционная номинация по социальному и профессиональному статусу мужа: почтительное название жены священника, которое дополняется двумя прилагательными — *плодоносная* и *всесильная*. «Дома просторное поповское житье, *плодоносная матушка*, весна и шум» (Зайцев 2015: 56–57). Использование данных оценочных определений как постоянных атрибутов персонажа фиксирует его функциональную роль: женщина как мать, продолжательница рода и спутница мужа, способная выдержать трудности, связанные с его профессией. Прилагательное *всесильная* выявлено в инверсированной позиции в тексте: «*Матушка всесильная* одолела все заботы Пасхи, раскрасила яйца в победные цвета и спокойна: хотя б и Страшный суд» (Зайцев 2015: 57).

Тот же приём умалчивания имён использован и по отношению к детям Кронида. Они вводятся в текст через объективные и оценочные апеллятивы *сыновья*, *семинаристы* и словосочетание *здоровые, хорошие дубы* и *пятеро двуногих*. На первое место выступает родственная общность, социальное и профессиональное единство, признак силы, как физической, так и духовной. Доказательством этого служит следующий контекст: «идти приятно: сзади дети, *пятеро начинающих басков*; в церкви они помога-

ли, хорошо пели и давали ноту силы службе. Есть на кого опереться, когда станет тяжело от годов» (Зайцев 2015: 57).

Объединяющим признаком для образа о. Кронида, его жены и их сыновей становится компонент 'сила'. «У самого Крона пять сыновей — семинаристы, все здоровые, хорошие дубы» (Зайцев 2015: 56). В символическое значение лексемы *дуб* как священного дерева у многих народов входят семы 'долголетие', 'крепкий', 'мощь', 'выносливость' (Андреева 2004: 169–171; Тресиддер 2001: 87). Исследователи И. Н. Кошелева и А. В. Хвостова пишут о том, что лексема *дуб* в рассказе функционирует в двух значениях: 1) прочность, сила, твердость и 2) бессмертие, связывающее все стадии существования (рождение, рост, увядание, смерть и воскрешение), а также выраженное в преемственности и связи человеческого рода (Кошелева, Хвостова 2014: 118–119). Кронид, думая о детях, в первую очередь мечтает о достойном продолжении своих социальных и профессиональных трудов. Особо значимо слово *свои*. «Крон, думая о них, мечтает, где они будут жить, плодиться, служить; как бы им преподать свою мудрость, — жизнь трудна, какой приход, какой притч? Выйдут ли в своих, будут ли твердыми попами?» (Зайцев 2015: 56). Идея преемственности поколений связана не только с сыновьями о. Кронида. В повествовании называются имена предшественников Крона, чьи традиции он продолжает, — о. *Петр*, о. *Никодим*.

Выделяются среди второстепенных (периферийных) фигур и наделяются именами *Егорьевна*, *Карпыч*, *Петр Константинов*. В связи с данными именами можно говорить о явлении редукции формулы имени (Васильева 2009: 84–85). Функциональная роль данных имен в тексте — характеризующая, но в большей степени не их самих, а главного персонажа, священника Кронида. Он как хороший пастырь знает их и помнит их имена.

Обращение только по отчеству к отдельным второстепенным персонажам (*Егорьевна* и *Карпыч*) используется как маркер взрослости, принадлежности к старшему поколению; обусловлено социальной характеристикой. Данные именованья связаны с топосом повествования: местом действия рассказа — деревней. В связи с этим актуализирована народная форма отчества *Егорьевна* вместо Георгиевна, а также выявлено употребление формы отчества с выпавшим суффиксом — *Карпыч* вместо Карпович.

Данные антропонимические единицы (*Егорьевна* и *Карпыч*) воссоздают узус эпохи, передают социальный статус персонажей, в формуле имени отражается коммуникативная ценностная иерархия данного микросоциума. В рассказе Б. К. Зайцева выявлен случай трансформации отдель-

ных компонентов полного официального русского имени: самостоятельное употребление отчества. Русское отчество становится маркированной номинацией, одновременно выполняя и функцию выделения и группировки.

Из уже названных периферийных фигур выделяется *Петр Константинов*. Для него использовано почти полное официальное именование — в этом знак уважения о. Кронида к горю персонажа (смерти его ребенка).

Формула имени в тексте Б. К. Зайцева может быть рассмотрена как стилистический прием в связи с упоминанием имени Л. Н. Толстого, причем номинация идет только по фамилии. «Чем известнее носитель фамилии, тем меньше нуждается она в сопровождении именем и отчеством или инициалами» (Еськова 2004: 129). Имя *Толстой* как «не-участник текста»², прецедентное имя для русской культуры, и функция упоминания данного имени — создание и поддержка реальности временных рамок описываемых событий, вымышленного мира повествования.

3.3. Эортонимы / названия праздников в православной концептосфере рассказа

В рассказе Б. К. Зайцева концептуально значимыми оказываются эортонимы (Бугаева 2007) — имена собственные, называющие церковные праздники, важные для православного русского человека. Данные онимы выступают средством создания темпоральности текста. Из церковного календаря временными ориентирами повествования выступают *Пасха*, *день Егория*, *Троица*. Именами одного ассоциативно-семантического поля с эортонимом *Пасха* в тексте являются *Великий пост*, *Страстная (Страстная неделя)*. И Пасха и Троица относятся к главным, особо значимым для Православия праздникам.

В современной России Пасха остается главным праздником не только в конфессиональном смысле, но и в культурном. В отечественном литературоведении Пасха достаточно изучена как архетип русской культуры, как пасхальный мотив и лейтмотив, пасхальный сюжет, пасхальный хронотоп, особый жанр (Есаулов 2004: 44). В рамках лингвистического исследования оним *Пасха* интересен как имя и репрезентирующая единица культурного концепта или константы (Бувеч 2013: 159). Этнокультурную специфику данного концепта в рассказе Б. К. Зайцева составляют следующие семантические признаки праздника: ‘сакральность’, ‘традиционность’, ‘отсутствие трудовой деятельности’, ‘особое праздничное поведение и эмоциональный настрой’, ‘особая праздничная одежда’. *Пасха*

² Данный термин в настоящем исследовании используется вслед за Н. В. Васильевой (2009). Сохраняется его авторское написание.

описывается автором и ожидается персонажами как *яркий и особенный день* (Зайцев 2015: 57). Обязательными составляющими *Пасхи* как праздника в авторском повествовании зафиксированы следующие: чистота тела, крашеные яйца, освящение куличей и пасхи, красный цвет праздничной одежды, подымание икон, катание яиц, запрет на выполнение трудовой деятельности, церковная служба, традиционное приветствие *Христос Воскресе*.

Праздничное пожелание *Светлой Пасхи, Светлого Воскресения* отражено в зайцевском тексте следующим образом, имплицитно: «*В очень черной ночи церковь видна далеко, слишком светлы окна. Рано, задолго до торжественного часа, все полно, и Кронид ведет древнее служение*» (Зайцев 2015: 58). В данном раннем рассказе еще нет *света* как обязательной индивидуально-авторской константы макротекста Б. К. Зайцева, но можно говорить о концептуализации значения лексемы *свет*, символичности контекста, зарождении основной оппозиции индивидуального повествования *ночь — свет*. В макротексте Б. К. Зайцева *свет* оказывается синонимом констант *святость, вера, Бог*. В результате обычная история о простом деревенском священнике оказывается вписанной в многовековую православную традицию Русской Церкви.

В номинации *день Егория* использовано имя святого Георгия, в его народной трансформации — *Егорий*. Данный святой известен как покровитель Русской земли, небесный молитвенник и верный помощник в хозяйственных делах для простого крестьянина (Халфин 2020). В тексте Б. К. Зайцева отражены действия — атрибуты этого праздника, значимые для православного человека, связанные с функциями святого: «В день Егория Крону работа: за деревней, в поле бывает молебен — благословение гуляющему скоту. <...> Крон читает <...> и молится. Потом кропит всех святой водой и отпускает на мирный отгул» (Зайцев 2015: 61).

Особо следует остановиться на имени собственном *Троица* в рассказе. День Святой Троицы — это один из главнейших после Пасхи праздников в Православии. Его также называют Троица, Пятидесятница, Сошествие Святого Духа. В тексте актуализирована только одна сокращенная вариация названия праздника — *Троица / Веселая Троица*. Когнитивные смыслы константы *Троица* включают в себя ‘обновление души’ и ‘открытость для новых добрых дел’ (Васюнов 2019); особое эмоциональное состояние ‘любовь’, ‘радость’.

На Троицу существовал обычай украшать храмы ветвями и травой, которые символизируют обновление людей благодаря Святому Духу. В тексте Б. К. Зайцева зеленый цвет как основной цвет Троицы присутствует имплицитно через березки, которыми украшали избы и церкви: «*Шумя-*

щие, дорогие березки стоят в церкви <...> / Во всех избах перед образами деревца<...> / В лесу <...> девки завивают венки — связывают березки верхушками; получается свод; а они загадывают, скоро ли завянет» (Зайцев 2015: 63). Эпитетом к слову «березки» в тексте оказывается прилагательное *дорогие*. Береза на Руси считается счастливым деревом, приносящим добро и оберегающим от зла, нечистой силы, символизирует весну и женское начало (Андреева 2004: 78; Тресиддер 2001: 24). В повествование рассказа включено описание основных ритуалов празднования Троицы: ритуалы, связанные с культом растительности и культом березы, девичьи гулянья, поминания умерших (Зайцев 2015: 63).

3.4. Топонимы и зоонимы рассказа, их функциональная роль

Имена *Костенка, Дмитрово* создают реальный топос повествования. Создается реальное, а не мифическое пространство. Функция использования имен собственных заключается в создании и поддержании иллюзии подлинности мира повествования (Васильева 2009: 132). Утверждается идея о незыблемости такого образа жизни, реальности описываемых событий, необходимости их повторяемости.

Употребление зоонима в тексте напротив снова переносит повествование в мифический контекст. То, что животное индивидуализируется в рассказе, обращает на себя внимание читателя. В отличие от именованного главного персонажа, на первом плане при номинации собаки традиционность. Достаточно часто выбор имени домашнего животного связан с его окрасом. В данном случае в основу сближения положен коричневый цвет через ассоциативные связи с лексемами *кофе* (*кофейный*) и *каштан*. Зрительные представления усилены введением в одном контексте двух апеллятивов с общим цветовым признаком в значении. «<...> выскочил галопом *кофейный пес Каштан*. Он бежит увальнем, тело его огромно и мягко; он тепел в движениях, голова его медвежья, с кругленькими желтыми глазами; весь он, как добрый резвящийся черт» (Зайцев 2015: 65).

Интересной оказывается имплицитная номинация зоонима *Каштан* в функции сравнения — *добрый резвящийся черт*. С одной стороны, собака в разных культурах, в том числе и христианской, считалась нечистым животным (Андреева 2004: 459), в связи с этим неожиданность сравнения со злым духом снимается. С другой стороны, собака в отдельных словарях символизирует еще преданность и верность (СЗЭ).

Зооним *Каштан* важен для расширения ономастического поля всего повествования и, в частности, для расширения ассоциативно-семантических связей имени главного персонажа. Оним *Кронид* включается Б. К. Зайцевым в одно ассоциативно-семантическое поле константы *русский Святой*. Имплицитно устанавливаются связи имени *Кронид* с

онимами особо чтимых в православной России святых — *Серафима Саровского* и *Сергия Радонежского*. Об этих связях пишет Н. Г. Морозов, акцентируя внимание на неслучайности авторского сравнения и сближения собаки и медведя в рассказе, на подчеркнута маленьких глазках и огромных размерах животного (Морозов 2013: 123; 2014: 143).

4. Выводы

Проведенный анализ текста дает основание для следующих выводов относительно ономастического поля и концептосферы рассказа Б. К. Зайцева «Священник Кронид»:

1. Выбор ономастической лексики и констант текста тесно связан с мировосприятием писателя.

2. Имя собственное в художественном тексте оказывается полифункциональным. Оно выполняет функцию идентификации и различения персонажей, характеризующую функцию, мифологическую функцию, выступает средством текстопостроения и др. Имя собственное является проекцией на личность автора и его миропонимание, а также отсылкой к интертексту и концептосфере православного христианства.

3. Имена собственные в тексте Б. К. Зайцева служат средством раскрытия авторских идей: идеи связи времен, преемственности поколений, вечности непреходящих ценностей русского Православия и др.

4. Ассоциативные связи имени собственного в художественной речи Б. К. Зайцева носят аксиологический характер, в результате данные имена участвуют в формировании общей оценки константы *святость* во фрагменте русского художественного мировоззрения.

Список литературы / References

- Бабенко Н. П. Православный образ мира в ранних рассказах Б. К. Зайцева («Тихие зори», «Священник Кронид», «Ласка») // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3, С. 278–282. [Babenko, Nadezhda P. (2009) Pravoslavnyj obraz mira v rannih rasskazah B. K. Zajceva («Tihie zori», «Svyashchennik Kronid», «Laska») (The Orthodox Image of the World in the Early Stories of B. K. Zaitsev (“Quiet Dawns”, “Priest Kronid”, “Laska”)). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 3, 278–282. (in Russian)].
- Бугаева И. В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ. М.: ФГОУ ВПО РГАУ — МСХА им. К. А. Тимирязева, 2007. [Bugayeva, Irina V. (2007) *Agionimy v pravoslavnoj srede: strukturno-semanticheskij analiz* (Hagonyms in the Orthodox Environment: Structural and Semantic Analysis). М.: FGOU VPO RGAU — MSKHA im. K. A. Timiryazeva. (In Russian)].
- Бувевич А. А. Концепт «Спаситель» в русской культуре // Учёные записки УО ВГУ им. П. М. Машерова (Витебск). 2013. Т. 15. С. 156–161. [Buevich, Anna A. (2013) *Koncept «Spasitel'» v russkoj kul'ture* (The Concept “Savior” in Russian Culture) //

- Uchyonye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova* (Vitebsk), 15, 156–161. (In Russian)].
- Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. [Vasil'eva, Natalia V. (2009) *Sobstvennoe imya v mire teksta* (Proper Name in the World of Text). Izd. 2-е, ispr. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russian)].
- Виноградова Н. В. Роль имени в построении образа героя и сюжета произведения // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы межвуз. науч. конф. Тверь: ТГУ 2001. С. 125–126. [Vinogradova, Natalia V. (2001) *Rol' imeni v postroenii obraza geroya i syuzheta proizvedeniya* (The Role of the Name in Building the Image of the Hero and the Plot of the Work) // *Aktual'nye problemy filologii v vuze i shkole: Materialy mezhvuz. nauch. konf.* (Actual Issues of Philology in University and School: Proceedings of the Inter-University Scientific Conference). Tver: TGU, 125–126. (In Russian)].
- Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. [Esaulov, Ivan A. (2004) *Paskhal'nost' russkoj slovesnosti* (Easternness of Russian Literature). M.: Krug". (In Russian)].
- Еськова Н. А. Популярная и занимательная филология. Москва: Флинта, Наука, 2004. [Es'kova, Natalia A. (2004) *Populyarnaya i zanimatel'naya filologiya* (Popular and Entertaining Philology). Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian)].
- Захарова В. Т. Поэтика прозы Б. К. Зайцева: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2014. [Zaharova, Viktoriya T. (2014) *Poetika prozy B. K. Zajceva: monografiya* (Poetics of Prose by B. K. Zaitsev). N. Novgorod: Mininskij universitet. (In Russian)].
- Иванова Н. А. Рецепция библейского и фольклорного кодов в рассказе Б. К. Зайцева «Священник Кронид» // Теория и практика актуальных исследований: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Краснодар: Научно-издательский центр «Априори», 2012. С. 90–92 [Ivanova, Nadezhda A. (2012) *Recepciya biblejskogo i fol'klornogo kodov v rasskaze B. K. Zajceva «Svyashchennik Kronid»* (Reception of the Biblical and Folklore Codes in the Story of B. K. Zaitsev «Priest Kronid») // *Teoriya i praktika aktual'nyh issledovanij: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. T. 1.* (Theory and Practice of Topical Researches: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. in 2 vol. Vol. 1) Krasnodar: Nauchno-izdatel'skij centr «Apriori», 90–92 (In Russian)].
- Ковалев Г. Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. [Kovalev, Gennadij F. (2004) *Pisatel'. Imya. Tekst* (Writer. Name. Text). Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet (In Russian)].
- Князева О. Г. Символичность имен в рассказе Б. Зайцева «Священник Кронид» // Юдинские чтения – 2003. Миф, фольклор, литература: Материалы Всероссийской научной конференции. Курск: КГУ, 2003. С. 107–110. [Knyazeva, Oksana G. (2003) *Simvolichnost' imen v rasskaze B. Zajceva «Svyashchennik Kronid»* (Symbolism of Names in the Story of B. Zaitsev «Priest Kronid»). *Yudinskie chteniya – 2003. Mif, fol'klor, literatura: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (Yudinskie Readings – 2003. Myth, Folklore, Literature: Proceedings of All-Russian Scientific Conference). Kursk, KGU, 107–110. (In Russian)].
- Кошелева И. Н., Хвостова А. В. Эволюция символического ряда в прозе Б. К. Зайцева // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культуроло-

- гии. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга». 2014. № 37. С. 115–123. [Kosheleva, Irina N., Hvastova, Anastasia V. (2014) *Evoluciya simvol'nogo ryada v proze B. K. Zajceva* (The Evolution of the Character Series in the Prose of B.K. Zaitsev). *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* (In the World of Science and Art: Issues of Philology, Study of Art and Culture Studies). Novosibirsk: Associaciya nauchnyh sotrudnikov "Sibirskaya akademicheskaya kniga", 37, 115–123. (In Russian)].
- Лазарев А. А. «Россия святой Руси» Бориса Зайцева: структура идеала // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 208–214. [Lazarev Aleksej A. (2020) «Rossiya svyatoj Rusi» Borisa Zajceva: struktura ideala ("Russia of Holy Rus'" in the Prose of B. K. Zaitsev: Structure of a Nonpareil). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4 (147), 208–214. (In Russian)].
- Любомудров А. М. Святая Русь Бориса Зайцева [Электронный ресурс]. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/zaitsev-ss05-07/zaitsev-ss05-07.html> (дата обращения: 19 сентября 2020) [Lyubomudrov, Aleksej M. (2020, September 19) *Svyataya Rus' Borisa Zajceva* (Holy Russia of Boris Zaitsev)] (In Russian). Retrieved from <https://ruslit.traumlibrary.net/book/zaitsev-ss05-07/zaitsev-ss05-07.html>.
- Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. [Lyubomudrov, Aleksej M. (2003) *Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zajcev, I. S. Shmelev* (Spiritual Realism in the Literature of the Russian Abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev). Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian)].
- Морозов Н. Г. Образ пастыря-подвижника в рассказе Б. К. Зайцева «Священник Кронид» // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. № 1. С. 121–124. [Morozov, Nikolaj.G. (2013) *Obraz pastyrya-podvizhnika v rasskaze B. K. Zajceva «Svyashchennik Kronid»* (The Image of the Ascetic Shepherd in the Story by B. K. Zaitsev "Priest Kronid"). *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 1, 121–124. (In Russian)].
- Морозов Н. Г. Сюжетный след «Жития» Серафима Саровского в рассказе Б. К. Зайцева «Священник Кронид» // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014, т. 20. № 4. С. 143–144. [Morozov, Nikolaj G. (2014) *Syuzhetnyj sled «Zhitiya» Serafima Sarovskogo v rasskaze B. K. Zajceva «Svyashchennik Kronid»* (Subject Trace of "Life" by Seraphim of Sarov in the Story of B. K. Zaitsev "Priest Kronid"). *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 20, 4, 143–144. (In Russian)].
- Полякова Д. В. Тема жизни и смерти в рассказе «Священник Кронид» и в повести «Аграфена» Б. К. Зайцева. // Молодой учёный. 2015. № 17 (97). С. 610–613. [Polyakova, Dar'ya V. (2015) *Tema zhizni i smerti v rasskaze «Svyashchennik Kronid» i v povesti «Agrafena» B. K. Zajceva* (The Theme of Life and Death in the Story "Priest Kronid" and in the Story "Agrafena" by B. K. Zaitsev). *Molodoj uchyonyj*, 17 (97), 610–613. (In Russian)].
- Сапожникова Л. М. Типы первичной ономастической номинации при актуализации реалионимов и мифонимов // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2017. № 2. С. 139–145. [Sapozhnikova, Larisa M. (2017) *Tipy pervichnoj onomasticheskoy nominacii pri aktualizacii realionimov i mifonimov* (Types of Primary Onomastic Nomination in the Actualization of Realonyms and Mythonyms). *Vestnik TvGU. Seriya "Filologiya"*, 2, 139–145. (In Russian)].

- Флоренский П. А. Имена // Опыты: литературно-философский сборник. М: Советский писатель. 1990. С. 351–412. [Florenskij, Pavel A. (1990) *Imena (Names)*. *Opyty: literaturno-filosofskij sbornik* (Experiences: Collection of Papers on Literature and Philosophy). Moscow: Sovetskij pisatel', 351–412 (In Russian)].
- Фомин А. А. О направлениях изучения литературной онимии // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы международной конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2005. С. 54–57. [Fomin, Anatolij A. (2005) *O napravleniyah izucheniya literaturnoj onimii* (About the Directions of Study of Literary Onymy). *Onomastika v krugu gumanitarnyh nauk: Materialy mezhdunarodnoj konf.*, Ekaterinburg, 20–23 sentyabrya 2005 g. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 54–57. (In Russian)].
- Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ. 1990. [Fonyakova, Ol'ga I. (1990) *Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste* (Proper Name in Literary Text). Leningrad: LGU. (In Russian)].
- Чернейко Л. О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права // Изобретательство. Т. 2. № 8. 2002. С. 23–25 [Chernejko, Liudmila, O. (2002) *Imya sobstvennoe kak rezul'tat individual'nogo tvorchestva i kak ob'ekt avtorskogo prava* (Proper Name as a Result of Individual Creativity and as an Object of Copyright). *Izobretatel'stvo* (Inventiveness). V. 2, 8, 23–25] (In Russian)].
- Lamping D. (1983) *Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens*. Bonn: Bouvier (Wuppertaler Schriftenreihe Literatur, 21). (In German)
- Debus F. (1998) Dichter über Namen // *Onomastika Slavogermanica XXIII* / Hrsg. Von E. Eichler und H/Walther. Stuttgart; Leipzig: Hirzel. 33–60. (In German)
- Debus F. (2001) Vom Zauber literarischer Namen. Intentionen — Funktionen — Wirkungen // *Beiträge zur Namenforschung*, Bd. 36, Heft I. 1–27. (In German)
- Debus F. (2003) Funktionen literarischer Namen // *Onomastika*, v. 48. 5–15. (In German)
- Evans G. (2002) *The Varieties of Reference* / ed. by John McDowell. Oxford; New York : Clarendon Press: Oxford University Press, XIII.
- Kripke S. A. (2005) *Naming and necessity*. Maiden, MA; Oxford, UK: Blackwell.

Литературные источники / Fiction

- Васюнов М. День Русской Победы. Смыслы Троицы, о которых забывать нельзя [Электронный ресурс] // Елицы медиа. URL: <https://media.elitsy.ru/otvety/den-russkoj-pobedy-smysly-troicy-o-kotoryh-nam-nelzja-zabyvat/> (дата обращения 19 сентября 2020). [Vasyunov, Maksim (2020, September 19) *Den' Russkoj Pobedy. Smysly Troitsy, o kotorykh zabyvat' nel'zya* (Russian Victory Day. Senses of Trinity which Should not Be Forgotten). *Yelitsy media*. Retrieved from <https://media.elitsy.ru/otvety/den-russkoj-pobedy-smysly-troicy-o-kotoryh-nam-nelzja-zabyvat/>. (In Russian)].
- Евангелие от Иоанна // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: БИБЛЕЙСКИЕ ОБЩЕСТВА. 1994. С. 1127–1160. [Yevangelie on Ioanna (Gospel of John) (1994). *Biblia. Knigi sviashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* (Holy Bible. Books of Sacred Scripture of Old and New Testaments), 1127–1160. (in Russian)].
- Зайцев Б. К. Священник Кронид // Б. К.Зайцев. Избранное / сост. Ю. Шигарова. конс. проф. А. Ужанков. М.: Никея. 2015. С. 55–66. [Zaitsev, Boris K. (2015)

Sviashchennik Kronid (Priest Kronid). В. К. Zaitsev. *Izbrannoe* (Selected Works). In Yu. Shigarova (comp.), A. Uzhankov (cons.). Moscow: Nikeya, 55–66 (In Russian)].
 Халфин Д. Народный календарь: свят-Егорьев-день [Электронный ресурс] / Елицы медиа. URL: <https://media.elitsy.ru/otvety/narodnyj-kalendar-svjat-egorev-den/> (дата обращения: 19 сентября 2020). [Khalfin, Denis (2020, September 19) *Narodnyj kalendar': svyat-Yegor'ev den'* (People's Calendar: Holy Yegor's Day). Yelitsy media.]. (In Russian). Retrieved from <https://media.elitsy.ru/otvety/narodnyj-kalendar-svjat-egorev-den/>

Словари, энциклопедии и сокращения / Dictionaries, encyclopaedies and abbreviations

- Андреева В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Астрель; АСТ. 2004. [Andreyeva, Viktoriya (2004) *Entsiklopedia simvolov, znakov, emblem* (Encyclopaedia of Symbols, Signs, Emblems). Andreyeva, Viktoriya and others (comp.). Moscow: Astrel', AST. (In Russian)].
- Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис. 1994. [Zhivov, Viktor M. (1994) *Kratkij slovar' agiograficheskikh terminov* (Concise Dictionary of Agiographic Terms). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Ладыгин М. Б., Ладыгина О. М. Краткий мифологический словарь. М.: Издательство НОУ «Полярная звезда». 2003. [Ladygin, Mikhail B., Ladygina, Olga M. *Kratkij mifologicheskij slovar'* (Concise Mythological Dictionary). Moscow: Izdatel'stvo NOY "Polyarnaya zvezda". (In Russian)].
- Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын]. 2-е изд. М.: Локид-Пресс. 2005. [Bagdasaryan, Vardan E., Orlov, Igor' B., Telitsyn, Vadim L. (comps.) (2005) *Simvoly, znaki, emblem: entsiklopedia* (Symbols, Signs, Emblems: Encyclopedia). 2nd ed. Moscow: Lokid-Press. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Stepanov, Yuriy S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury* (Constants. A Dictionary of Russian Culture). Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". (In Russian)].
- Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-Пресс. 1995. [Tikhonov, Aleksandr N., Boyarinova, Larisa Z., Ryzhkova, Al'bina G. (1995) *Slovar' russkikh lichnykh imen* (Dictionary of Russian Proper Names). Moscow: Shkola-Press. (In Russian)].
- Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС. 2001. [Tresidder, Jack (2001) *Dictionary of Symbols*. In S. Pal'ko (trans.). Moscow: FAIR-PRESS. (In Russian)].

УДК 811.111

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-66-80

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СТИЛИЗОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ: СИСТЕМА ПОЗИТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ

Ю. С. Старостина, А. А. Харьковская

Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева, Самара, Россия

Положительная оценка в англоязычной коммуникации выполняет принципиально значимую функцию связующего звена между информативными фрагментами, способствуя продуктивному развитию коммуникации и поддерживая принцип коммуникативного сотрудничества. Выбор того или иного позитивно-оценочного языкового средства в рамках имеющейся парадигмы аксиологических маркеров, а также вспомогательных лингвистических средств моделирования позитивно-оценочного потенциала высказывания зачастую определяет эффективность и успешность коммуникативной ситуации в целом. Целью исследования, результаты которого представлены в статье, стала систематизация англоязычных позитивно-оценочных высказываний с последующим качественно-количественным анализом частотных лексико-аксиологических маркеров и экспрессивных синтаксических конструкций в условиях функционирования релевантного комплекса дискурсивных параметров англоязычного стилизованного коммуникативного пространства. Материалом исследования послужили позитивно-оценочные высказывания в рамках англоязычной стилизованной коммуникации, представленной драматургическим дискурсом. Несмотря на определенную художественную трансформацию повседневной разговорной речи в условиях драматургии, последняя достоверно отражает общую употребительность оценочных конструкций в живой разговорной речи, поскольку стилизованная коммуникация заимствует у естественной наиболее типичное и фиксирует его в наиболее распространенной моделированной форме. В результате исследования выявлена представленная в статье система позитивных лингвоаксиологических маркеров, включающая в себя три класса лингвоаксиологических средств в зависимости от их принадлежности к языковому уровню; обозначен функционально-смысловой потенциал положительно-оценочных лингвистических средств в терминах дискурсивного анализа. Особое внимание уделено лингвистическим средствам интенсификации и деинтенсификации позитивно-оценочного потенциала высказывания, что позволяет коммуникантам моделировать экспрессивный план сообщения в зависимости от дискурсивных характеристик коммуникативной ситуации. Таким образом, анализ позитивно-оценочного аспекта англоязычной стилизованной коммуникации в драматургическом дискурсе позволил максимально полно представить весь спектр позитивно-оценочных средств, которым располагают коммуниканты, что обеспечивает возможность выразить не только общий позитивный взгляд на объект оценки, но и передать нюансы и оттенки оценочного

отношения. В этом плане представленная схема исследовательского анализа может быть использована в дальнейшем для системного исследования аксиологических параметров других дискурсивных практик.

Ключевые слова: лингвоаксиология; положительная оценка; оценочное высказывание; стилизованная коммуникация; драматургический дискурс.

Axiological Aspects of Stylized English Communication: Developing a System of Positive Evaluation Language

Iulia S. Starostina, Antonina A. Kharkovskaya
S. P. Korolev National Research University, Samara, Russia

Positive assessment in English communication performs a fundamentally significant function, linking informative fragments, contributing to the productive development of communication, and supporting the principle of communicative cooperation. The choice of positive evaluative language, as well as auxiliary means of modeling the positive evaluative potential of an utterance, often determines the success of the communicative situation. The aim of the study, the results of which are presented in the article, was to systematize English positive evaluative remarks with subsequent qualitative and quantitative analysis of frequency of lexical axiological markers and expressive syntactic constructions in the context of the discourse parameters in the stylized communicative space. The material of the research is presented by positive evaluative utterances within the framework of stylized English communication, represented by the drama discourse. Despite a certain artistic transformation of colloquial speech in the context of drama, the latter reliably reflects the general use of evaluative structures in everyday speech, since stylized communication borrows the most typical from the natural and fixes it in the most common form. The study has enabled the authors to develop a system of positive linguoaxiological markers, which includes three classes of linguoaxiological means, depending on their belonging to the language level; as well as functional and semantic potential of positive-evaluative linguistic means in terms of discourse analysis. Special attention was paid to the linguistic means of intensifying and de-intensifying the evaluative potential of a remark, which allows communicants to model an expressive message plan depending on the discursive characteristics of the communicative situation. Thus, the analysis of the positive evaluative aspect of stylized English communication made it possible to fully represent the entire range of positive evaluative means that communicants have, which provides an opportunity to express not only a general positive view of the object, but also to convey the nuances and shades of evaluative attitudes. In this regard, the presented algorithm of research analysis can be used for further systemic studies of axiological parameters of other discourse practices.

Key words: linguistic axiology; positive evaluation; evaluative utterance; stylized communication; drama discourse.

1. Введение

В современном коммуникативном пространстве с его информационной избыточностью на первый план выходит эмоциональное и аксиологическое осмысление бытия, когда то, что чувствует человек, и то, как он относится к событиям и явлениям действительности, как он их

оценивает, становится важнее собственно фактологической составляющей. Проблема поиска вербальных / невербальных путей и способов репрезентации эмоционально-оценочной составляющей когнитивной деятельности и дискурсивных факторов, определяющих выбор адекватного лингвоаксиологического инструмента для выявления субъективного отношения говорящего к объекту оценки, отличается несомненной актуальностью, поскольку постоянно меняющиеся запросы современного социума на объективное отношение к происходящим в обществе трансформациям являются в наши дни общепризнанной закономерностью.

Целью настоящего исследования является систематизация позитивно-оценочных высказываний с последующим качественно-количественным анализом частотных лексико-аксиологических маркеров и экспрессивных синтаксических конструкций в условиях функционирования релевантного комплекса дискурсивных параметров англоязычного стилизованного коммуникативного пространства. В круг задач исследования входит: выявление позитивно-оценочных маркеров в англоязычной стилизованной коммуникации, представленной фрагментами современного англоязычного драматургического дискурса; определение классов лингвоаксиологических средств в зависимости от их принадлежности к языковому уровню; анализ функционально-смыслового потенциала положительно-оценочных лингвистических средств в терминах дискурсивного анализа и описание речевых моделей, моделирующих экспрессивный план позитивно-оценочных высказываний в контексте англоязычных драматургических произведений.

Категория оценки достаточно давно является объектом внимания и интереса лингвистов, она исследована с позиций функциональной семантики (Арутюнова 1988; Вольф 2019), в ее тесной взаимосвязи с категориями эмотивности и экспрессивности (Шаховский 2008; Заграевская 2015; Телицына 2016; Чекулай, Прохорова, Куприева 2019; Potts 2007; Jimenez-Ortega 2012; McReady 2014;), в рамках лингвоконцептологии и ментальных структур (Чекулай, Прохорова 2014), в русле лингвопрагматики (Старостина, Харьковская 2014; Зырянова 2014; Hunston 2004; Cherkunova, Starostina 2020). Многие исследователи анализируют оценочные конструкты в языке с позиции их прямой зависимости от философской категории ценности и в этом аспекте рассматривают языковую оценку как один из вариантов репрезентации ценностей (Солдаткина 2012; Чекулай, Прохорова, Багана, Куприева 2014; Вотинцева, Фаткуллина 2015; El Ayadi, Smith 2008). При этом исследователи не делают различий между позитивной и негативной

оценкой, стремясь максимально полно представить оценочную категорию в терминах избранного научного направления. Отдельные исследования посвящены исключительно отрицательной оценке с выделением разнообразных типов негативно-оценочных языковых элементов и анализом экспрессивного плана оценочных конструкций (Старостина 2017; Старостина, Черкунова 2020). Также внимание ученых привлекает оценка в конкретных, четко обозначенных видах дискурсивных практик или типах текста (Markelova, Petrushina, Savelyeva 2016; Mei, Allison 2005; Biber, Zhang 2018). Значительное число научных работ по лингвоаксиологической проблематике, безусловно, свидетельствует об актуальности исследовательского поля, однако ставит перед учеными новые вопросы и определяет необходимость научного поиска новых научных схем и подходов. В частности, на данном этапе разработки проблемы не обнаружено ни одной систематизации исключительно позитивных аксиологических маркеров в англоязычной стилизованной коммуникации, а в настоящей работе впервые представлены результаты их анализа с учетом частотности применения, вариативности моделей и дискурсивных характеристик коммуникативного процесса, что определяет научную новизну проведенного исследования. Положительная оценка в англоязычной коммуникации зачастую выполняет принципиально значимую функцию связующего звена между информативными фрагментами, способствуя продуктивному развитию коммуникации и поддерживая принцип коммуникативного сотрудничества. Соответственно, выбор того или иного позитивно-оценочного языкового средства в рамках имеющейся парадигмы аксиологических маркеров, а также вспомогательных лингвистических средств моделирования позитивно-оценочного потенциала высказывания зачастую определяет эффективность и успешность коммуникативной ситуации в целом.

2. Характеристика материала и методов исследования

Фактическим материалом исследования является выборка позитивно-оценочных высказываний объемом в 1000 единиц из пьес таких английских и американских авторов, как Дж. Пристли, Т. Уайлдер, Дж. Осборн, П. Шаффер, Г. Пинтер и др. Таким образом, материалом исследования выступает англоязычная стилизованная коммуникация, представленная драматургическим дискурсом. Безусловно, живая повседневная коммуникация, подвергшаяся письменной обработке в рамках драматургического дискурса, в той или иной мере теряет некоторые из своих отличительных особенностей — нюансы интонации, специфику произношения, персонализированную ритмику и т. п.

Письменный вариант разговорной речи — всегда явление производное, вторичное, модифицированное. Однако большинство отечественных лингвистов (Зиньковская 2015; Кравчук 2015; Леонович 2016), признавая особый вид драматургического дискурса статусно новым дискурсивным образованием, полагают, что несмотря на определенную художественную трансформацию повседневной разговорной речи в условиях драматургии, она достоверно отражает основные черты реальной коммуникации. Диалогическое общение в драматургических произведениях отражает общую употребительность конструкций в сфере живой разговорной речи, ибо стилизованная коммуникация заимствует у естественной наиболее типичное и фиксирует его в наиболее распространенной моделированной форме. Воспроизводимость моделей обусловлена устойчивостью формы конструкции. Таким образом, англоязычный драматургический дискурс можно признать ценным и качественным источником при изучении лингвоаксиологического плана современной англоязычной коммуникации. Настоящее исследование проведено в русле системно-функционального лингвоаксиологического подхода с применением методов дискурс-анализа и приемов качественно-количественных подсчетов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В англоязычной стилизованной коммуникации, представленной драматургическим дискурсивным пространством, система позитивно-оценочных маркеров, т. е. элементов, с помощью которых говорящий выражает свое положительное отношение к кому-либо или чему-либо, представлена тремя уровневыми классами — это блок лексических средств, в рамках которых можно выделить несколько подгрупп лингвоаксиологических маркеров по принципу их частеречной принадлежности, класс комбинированного использования позитивно-оценочных средств и речевых моделей экспрессивного синтаксиса и класс отрицательных грамматических конструкций с включением оценочных лексических единиц.

В первом классе лексических средств, составившем 87 % от общего объема выборки, самой частотной является подгруппа прилагательных. В большинстве случаев (72 %) положительная оценка лица, события или ситуации выражается именно при помощи прилагательных, при этом лексемы различаются между собой как по степени экспрессивности, так и по уровню оценочности — от слабой, близкой к нейтральной, степени выражения признака до максимальной, эмоционально насыщенной: *good, nice, lovely, beautiful, wonderful, remarkable, intelligent, sensible, delightful, splendid, perfect, attractive, successful, brilliant, first-class, super*. Однако

следует заметить, что прилагательные используются в позитивно-оценочных высказываниях различной направленности — при оценке отдельного лица или предмета, их частных свойств или же ситуации в целом: *Brick: The lads are **good** company. (Horton, The 11 Brighton from London) // The Girl. I'm not looking for husband. I expect a husband to look for me. Harry. That's **fair*** (Plays for Reading 1984: 80).

Некоторые дескриптивные прилагательные, такие как *long, big, new, scarlet, straight* становятся оценочными только в определенных словосочетаниях (*long lashes, big eyes*, пр.): *Angela. Angela's **bright** eyes, her **scarlet** lip, **fine** foot, **straight** leg and **quivering** thigh have lost their charm for Mr. Milligan* (Modern English Drama 1984: 97). Подобные примеры отчетливо указывают, что существующий в современном обществе стандарт является решающим фактором для становления оценочного значения, что и дает возможность отнести сообщения, содержащие данные определения, к высказываниям положительной оценки.

Интенсивность положительного признака может усиливаться за счет использования различных дополнительных средств-интенсификаторов, например, наречий степени: *Pamela. Have you ever gone riding? Walter. No. Pamela. It's **the best, absolutely*** (Modern English Drama 1984: 99). В этом случае положительная оценка звучит не только более экспрессивно, но и более убедительно. Аналогичный эффект достигается и при использовании прилагательного в превосходной степени — это достаточно эффективный, а потому — часто используемый морфологический прием повышения интенсивности положительной оценки: *Emily. I'm **the brightest** girl in school for my age. I have a wonderful memory* (Modern American Plays 1981: 19). Экстралингвистические параметры коммуникативной ситуации — юный возраст коммуниканта, комфортная ситуация общения в кругу семьи — объясняют возможность максимальной интенсификации положительной самооценки.

Интенсификатором положительного признака может служить и повтор, т. е. стилистическое средство: *Robin. And I didn't forget the occasion, Kay. What about that? (throws her a parcel with a silk scarf). All right, isn't it? Kay. It's **lovely, Robin. Lovely, lovely!*** (Priestley 1997: 53). В данной коммуникативной ситуации, когда в полилоге участвуют молодые люди, находящиеся в близких дружеских отношениях, повтор увеличивает эмоциональную силу высказывания, способствуя передаче восторженных чувств говорящего, что отражено в восклицательной структуре предложения. С помощью повтора можно легко повысить степень позитивной оценки даже в том случае, когда само прилагательное характеризуется не очень высоким уровнем эмоционально-оценочного

денотативного компонента: *Arnie. She's good. She's good. Oh, she's good* (Modern English Drama 1984: 187).

Другим эффективным и часто используемым средством усиления положительной оценки является так называемый прием концентрации, когда лицо, предмет или событие характеризуется не одним оценочным прилагательным, а сразу несколькими: *Mother Rigby. I'm going to send you forth into the world — what do you say to that — the great, wide, the wonderful world, boy* (Plays for Reading 1984: 56). Прием концентрации может быть использован и при выражении отношения говорящего к ситуации в целом, когда перечисляются элементы ситуации, каждый из которых получает свое оценочное определение: *Wyatt. I have had a wonderful time. Spoke to such a nice lot of people. Charming lot in the shops, and I went to that smashing little market. Got a splendid new hat* (Modern English Drama 1984: 411).

Наряду с интенсификаторами, т. е. средствами, усиливающими оценочность, в позитивно-аксиологических сообщениях можно обнаружить и средства-деинтенсификаторы — в основном это вводные предикативные единицы типа *I think, I suppose*, которые придают оценке подчеркнуто субъективный характер и тем самым снижают ее категоричность: *George. Emily, you're just naturally bright, I guess* (Modern American Plays 1981: 27). Вводные элементы являются способом выражения приблизительной оценки и функционируют как деинтенсификаторы оценочных смыслов в высказываниях с позитивно-оценочными прилагательными в функции лингвоаксиологических маркеров. К числу деинтенсификаторов положительной оценки можно отнести и наречие *rather*, употребленное в препозиции к оценочному прилагательному: *Wyatt. She's rather beautiful, but I'm not supposed to say it and you certainly mustn't* (Modern English Drama 1984: 421). Такая оценка возникает, когда коммуникант не до конца уверен в полной достоверности содержания высказывания действительности или сомневается в том, что его субъективная оценка объекта и социальные ожидания данного признака совпадают. Как уже отмечалось выше, в коммуникативных ситуациях, содержащих аксиологический деинтенсификатор, положительная оценка приобретает подчеркнуто ослабленный, субъективный характер. Однако в целом по сравнению с многообразием и частотностью средств-интенсификаторов нельзя не заметить, что степень позитивной оценки понижается достаточно редко и средства ее ослабления не отличаются многочисленностью и разнообразием.

Оценочные прилагательные выступают в качестве доминанты в системе позитивно-оценочных языковых средств в рамках англоязычной

стилизованной коммуникации. Высокая частотность функционального использования позитивно-оценочных прилагательных объясняется тем, что прилагательные, в силу своих семантических особенностей, обладают оптимальной способностью передавать оценку разного качества и с разной степенью эмоциональности. Реализация эмоциональной, эмоционально-интеллектуальной и интеллектуально-логической оценки определяется индивидуальным для каждого из прилагательных соотношением в их семантике денотативных признаков, денотативных оценочных и коннотативных оценочных семантических компонентов. Такие имманентные свойства оценочных прилагательных позволяют им успешно функционировать не только в драматургическом дискурсе, но и в других дискурсивных пространствах (Ağçam, Özkan 2015).

Существительные, выделяемые в рамках класса лексических средств, выражающих позитивную оценку, значительно малочисленнее рассмотренных выше прилагательные (7 %), однако схема их использования коммуникантами во многом идентична — это либо употребление отдельной позитивно-оценочной лексики в качестве аксиологического центра высказывания, либо ее дополнительное моделирование вспомогательными лингвистическими средствами. Положительная оценка может выражаться с помощью одного существительного, если в его значение уже входит соответствующая оценочная сема, например: *Robin. Joan, you're a **darling**!* (Priestley 1997: 175). В силу этого употребленные в подобных речевых актах существительные передают положительное отношение говорящего к собеседнику весьма выразительно, поэтому нет необходимости в каких-либо вспомогательных средствах.

Более эмоционально насыщенными являются оценочные высказывания, содержащие существительные, значение которых метафоризировано: *Kay. Alan, you're **an angel**! I never thought I'd have another single birthday present* (Priestley 1997: 73). Использование метафоры делает данные высказывания яркими и экспрессивными, тем не менее эмоции здесь гармонично сочетаются с определенной долей рациональности, что достигается за счет включения речевых актов мотивации, следующих за самой положительной оценкой. Употребление стилистических приемов, построенных с использованием позитивно-оценочных существительных, встречается в рассматриваемом подклассе весьма часто, помимо собственно метафор в выборке зафиксированы оборотные эпитеты, сравнения, антитеза: *Fred. Honey, you **jes' like a rock in a weary land** ...weary land!* (сравнение) (Plays for Reading 1984: 142). Традиционно считается, что англоязычная стилизованная коммуникация

не тяготеет к образности; однако, как можно заметить из приведенных выше примеров, при выражении своего ярко эмоционального отношения к объекту говорящий иногда прибегает к экспрессивным средствам языка, чтобы передать свои чувства максимально полно, красочно и убедительно.

Глаголы и наречия при выражении позитивной оценки употребляются достаточно редко (3 %), при этом общие характеристики оценочных высказываний с их использованием совпадают. Существует сравнительно небольшая группа глаголов, содержащих в себе сему положительной оценки, обладающих способностью выступать в качестве смыслового центра оценочного высказывания: *to like, to adore, to value, to appreciate, to impress*: **Commander**. *I haven't met you before, Thomson; your father **impressed** me but...* (Plays for Reading 1984: 149). Использование глагола в качестве средства положительной оценки помогает говорящему достаточно четко, прямо и быстро выразить свое отношение к какому-либо лицу или событию, с учетом подобной функциональной направленности, вспомогательных лингвистических средств в этих случаях не требуется. Аналогичная ситуация может сложиться и при использовании наречия, когда его одного достаточно для сообщения говорящим позитивной оценки: *Clive. You don't understand German. Louise. It's not the meaning, it's the sound that counts, dear. And I'm sure this boy will speak it **adorably*** (Modern English Drama 1984: 76). Социальный контекст дискурсивной ситуации — диалог между мужем и женой на светском приеме — определяет выбор позитивно-оценочного маркера, который, включаясь в общую коммуникативную структуру высказывания, способствует плавному течению диалога и на время сглаживает назревающий семейных конфликт. Экспрессивность высказываний с позитивно-оценочными наречиями может повышаться за счет использования повтора: *Deely. Yes, I do quite a bit of travelling in my job. Anna. Do you enjoy it? Deely. **Enormously. Enormously*** (Modern English Drama 1984: 357). Оценочное наречие как бы прогнозируется глаголом *enjoy*, звучащим в вопросительной реплике собеседника, а оценка создается путем указания на высокую степень субъективной оценочности.

Совместное использование нескольких позитивно-оценочных лексических единиц в рамках одного высказывания (5 % от общего объема выборки в группе лексических позитивно-оценочных средств) дает коммуниканту возможность эффективно задействовать экспрессивно-оценочный потенциал каждого из них. Вне зависимости от того, какие именно позитивно-оценочные маркеры будут задействованы (существительное в сочетании с глаголом, прилагательное в сочетании с наречием и т. п.), степень позитивной оценки будет высокой.

В рамках проведенного исследования по анализу позитивно-оценочных маркеров был выделен второй класс высказываний (8 %), в которых несколько разноуровневых средств комбинируются для выражения положительной оценки. К данному классу относятся высказывания, в которых аксиологические лексические средства включены в состав специализированных синтаксических конструкций. За счет такой концентрации разноуровневых средств оценочные сообщения приобретают повышенную экспрессивность и эмоциональность. Значительную часть рассматриваемой группы составляют высказывания, в которых положительная оценка принимает форму вопросительно-отрицательных предложений, содержащих оценочное прилагательное или существительное. Подобные высказывания своей структурой побуждают собеседника разделить мнение говорящего и помогают автору высказывания ярче и экспрессивнее выразить свои эмоции: *Joan. Here. Have you read this? Isn't it marvelous! That really is the best news I've had all day* (Modern English Drama 1984: 230). Эту же функцию выполняет и разделительный вопрос: *Kate. He's so gentle, isn't he? And his humour. Hasn't he got a lovely sense of humour?* (Modern English Drama 1984: 371).

Помимо вопросительно-экспрессивных моделей к этой группе можно отнести усеченные восклицательно-экспрессивные предложения с позитивно-оценочным лексическим элементом: *Mother Rigby. Ah, what sparkle! What grace!* (Plays for Reading 1984: 55). Сочетание особой синтаксической формы и оценочной лексики можно обнаружить в так называемых фразах речевого этикета, которые представляют собой достаточно стандартное выражение позитивной оценки и положительных эмоций в типичной социальной ситуации, например, при оформлении приветствия при встрече: *Harry. Makomo! My dear fellow, what a splendid surprise! How nice to see you! Martha. Makomo! My dear — how nice of you to visit us!* (Bettencourt 2003).

Аналогичной функциональной направленностью характеризуются позитивно-оценочные высказывания с выражением положительной оценки посредством представления признака как избыточного за счет концентрации лексико-грамматических средств. Однако при выражении позитивной оценки эта избыточность никогда не бывает настолько чрезмерной, чтобы повлечь за собой кардинальное изменение знака оценки с «+» на «-» или с «-» на «+»: (1) *Warder. There's someone coming. Too fine a night to be indoors. Good night, Mr. Grimmin* (Plays for Reading 1984: 86). (2) *Harry (to the Girl). You're too good for a town like this. Too good and too intelligent. Youth and intelligence need excitement* (Plays for Reading 1984: 81). Во втором примере положительная оценка интенсифицируется за счет

использования повтора, а также за счет косвенного противопоставления понятий *town like this* (фактически «заурядный городишко») и *a good and intelligent girl*, т. е. отрицательная оценка одного явления усиливает положительную оценку другого, делает ее более насыщенной в экспрессивном плане. В целом, можно отметить, что несмотря на сравнительно невысокую частотность употребления лексическо-аксиологических средств в рамках конструкций экспрессивного синтаксиса, они дают говорящему возможность выразить различные оттенки своих чувств.

Третий класс позитивно-оценочных высказываний (5 %) включает случаи, при которых положительная оценка в англоязычной стилизованной коммуникации вербализуется при помощи негативно-оценочного лексического элемента, включенного в отрицательную грамматическую конструкцию. В этом случае, если позитивно-оценочное высказывание формируется с помощью отрицательного наречия *never*, оценка оказывается более насыщенной, нежели при использовании частицы *not*: (1) *Ben. I've got my woodwork. I've got my model boats. I'm never idle. I know how to occupy my time, to its best advantage* (Modern American Plays 1981: 221). (2) *Mary. We may not be the judges of that. He's not half bad...* (Modern English Drama 1984: 407). Во втором примере категоричность оценки дополнительно снижается за счет использования наречия *half*.

Разумеется, интенсивность выражения положительной оценки при использовании грамматических средств зависит не только от самого типа отрицания, но и от интенсивности того признака, на отрицании которого строится позитивно-оценочное высказывание. Если отрицаемое понятие несет в себе достаточно большой заряд негативной оценки, то и степень позитивной оценки в соответствующем речевом акте будет весьма высокой: *Feathertop. Trust me for that, Mother. I'm no fool* (Plays for Reading 1984: 59). Негативное значение слова *fool* очевидно, поэтому через его отрицание говорящий ярко выражает свое положительное отношение (в данном случае — к самому себе).

4. Выводы

Проведенное исследование показало, что абсолютным лидером среди средств выражения положительной оценки в англоязычной стилизованной коммуникации являются лексические средства, содержащие в своем значении позитивно-оценочную сему. В большинстве случаев при высказывании своего положительного отношения к лицу или событию говорящий использует оценочные прилагательные, которые

позволяют выразить оценку желаемой степени интенсивности. Наиболее эмоциональными, однако, являются сообщения, в которых оценка выражается с помощью комбинаторики различных лексических средств, поскольку каждое из них повышает категоричность другого и усиливает экспрессивность всего оценочного высказывания. Если в позитивно-оценочном высказывании лексическое средство усиливается моделью экспрессивного синтаксиса, то оценка звучит особенно эмоционально, что способствует поддержанию благоприятной психологической обстановки общения и провоцирует адресата на аналогичное по степени экспрессивности реагирующее высказывание. Как показали наши наблюдения, грамматические средства вербализации положительной оценки при помощи отрицательных конструкций менее частотны по своему составу, а также менее разнообразны. Интенсивность оценки в таких речевых актах зависит прежде всего от способа построения отрицания.

Четко выраженная антропоцентрическая направленность современной лингвистики предопределяет аксиологический подход к языку, что предполагает особое внимание к комплексной и многообразной системе оценочных средств и актуальных способов их лингвистической репрезентации на уровне речи. Анализ позитивно-оценочного плана англоязычной стилизованной коммуникации в англоязычном драматургическом дискурсе позволяет весьма полно представить весь спектр позитивно-оценочных средств, которым располагают коммуниканты, обеспечивая возможность выразить не только общий позитивный взгляд на объект оценки, но и передать нюансы и оттенки оценочного отношения. В этом плане представленная схема исследовательского анализа может быть использована в дальнейшем для системного исследования аксиологических параметров других дискурсивных практик.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova, Nina D. (1988) *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* (Types of Linguistic Meanings. Evaluation. Event. Fact). Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)].
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2019. [Volf, Elena M. (2019) *Funktsional'naya semantika otsenki* (Functional Semantics of Evaluation). Moscow: URSS, 2019 (in Russian)].
- Вотинцева Е. В., Фаткуллина Ф. Г. Аксиологические проблемы современной лингвистики // Вестник Башкирского университета. 2015. № 4. Т. 20. С. 1352–1355. [Votinsteva, Ekaterina. V., & Fatkullina, Flyuza. G. (2015) *Aksiologicheskiye*

- problemy sovremennoy lingvistiki (Axiological Problems of Modern Linguistics). *Bulletin of the Bashkir University*, 3, 1352–1355. (In Russian)].
- Заграевская Т. Б. Эмотивность и экспрессивность в структуре виртуальной реализации оценки // Вестник Тверского государственного технического университета. 2015. № 3. С. 120–126. [Zagrayevskaya, Tatyana B. (2015) Emotivnost' i ekspresivnost' v strukture virtual'noy realizatsii otsenki (Emotive and Expressive Components in the Structure of Virtual Estimation). *Vestnik of Tver State Technical University*, 3, 120–126. (In Russian)].
- Зиньковская А. В. Драматургический дискурс как статусно новое дискурсивное образование // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. № 2 (153). С. 36–42. [Zinkovskaya, Anastasia V. (2015) Dramaturgicheskiy diskurs kak statusno novoye diskursivnoye obrazovaniye (Dramatic Discourse as a Basically New Discursive Formation). *Bulletin of the Adyghe State University*, 2 (153), 36–42. (In Russian)].
- Зырянова Е. В. Экспликация оценки в тексте типа «описание» (прагматический аспект) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10. С. 114–118. [Zyryanova, Elena V. (2014) Eksplikatsiya otsenki v tekste tipa «opisaniye» (pragmaticheskiy aspekt) (Explication of Descriptive Text Estimation (pragmatic aspect)). *Bulletin of BSU*, 10, 114–118. (In Russian)].
- Кравчук Н. В. Функционирование междометий в жанровых разновидностях англоязычного драматургического дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 1–2. Т. 17. С. 425–428. [Kravchuk, Natalia V. (2015) Funktsionirovaniye mezhdometiy v zhanrovyykh raznovidnostyakh angloyazychnogo dramaturgicheskogo diskursa (Functional Characteristics of Interjections in Different Genres of English Dramatic Discourse). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 1–2, 425–428. (In Russian)].
- Леонович Л. М. Сопоставительный анализ коммуникативного пространства современного канадского, британского и американского драматургических дискурсов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). Ч. 2. С. 108–110. [Leonovich, Larisa M. (2016) Sopostavitelnyy analiz kommunikativnogo prostranstva sovremennogo kanadskogo, britanskogo i amerikanskogo dramaturgicheskikh diskursov (The Comparative Analysis of Communicative Space of the Modern Canadian, British and American Dramaturgic Discourses). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2 (56), 108–110. (In Russian)].
- Солдаткина Т. А. Теория оценки в традиционной лингвистике (на материале французского и английского языков) // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 258–261. [Soldatkina, Tatyana A. (2012) Teoriya otsenki v traditsionnoy lingvistike (na materiale frantsuzskogo i angliyskogo yazykov) (Theory of Appreciation in Traditional Linguistics (based on French and English)). *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 1, 258–261. (In Russian)].
- Старостина Ю. С. Несогласие с негативно-оценочным высказыванием как возможная коммуникативная стратегия (на материале англоязычного драматургического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). Ч. 4. С. 159–162. [Starostina, Yuliya S. (2017) Nesoglasiye s negativno-otsenochnym vyskazyvaniyem kak vozmozhnaya kommunikativnaya strategiya (na materiale angloyazychnogo dramaturgicheskogo diskursa) (Disagreement with a

- Negative Assessment Statement as a Possible Communicative Strategy (based on English dramatic discourse)). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12 (78), 159–162. (In Russian)].
- Старостина Ю. С., Харьковская А. А. Динамика негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе. Прага: Sociosfera-CZ, 2014. [Starostina, Julia S., Kharkovskaya, Antonina A. (2014) *Dinamika negativnoy otsenki v angloyazichnom dramaturgicheskom diskurse* (Dynamics of Negative Assessment in the English-language Dramatic Discourse). Prague: Sociosfera-CZ. (In Russian)].
- Старостина Ю. С., Черкунова М. В. Негативная оценка в англоязычной стилизованной коммуникации: варианты ответного речевого поведения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 4 (97). С. 177–187. [Starostina, Iulia S., Cherkunova, Marina V. (2020) *Negativnaya otsenka v angloyazychnoy stilizovannoy kommunikatsii: varianty otvetnogo rechevogo povedeniya* (Negative Assessment in English Stylized Communication: Options for Response Speech Behaviour). *Cherepovets State University Bulletin*, 4 (97), 177–187. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-16. (In Russian)].
- Телицына Е. Л. К вопросу о разграничении понятий эмоциональность, оценочность и экспрессивность // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 1 (40). С. 79–83. [Telitsyna, Elena L. (2016) *K voprosu o razgranichenii ponyatiy emotsional'nost', otsenochnost' i ekspressivnost'* (On Distinction Between Emotionality, Evaluativity and Expressivity). *Bulletin of Ugric Studies*, 1 (40), 79–83. (In Russian)].
- Чекулай И. В., Прохорова О. Н., Багана Ж., Куприева И. А. Принцип оценочной актуализации в современном английском языке. Москва: Инфра-М, 2014. [Chekulay, Igor V., Prokhorova, Olga N., Bagana, Zherom, Kupriyeva, Irina A. (2014) *Printsip otsenochnoy aktualizatsii v sovremennom angliyskom yazyke* (The Principle of Evaluative Updating in Modern English)). Moscow: Infra-M. (In Russian)].
- Чекулай И. В., Прохорова О. Н., Куприева И. А. Дифференциация категорий эмоции и оценки (на материале словосочетаний английского языка, передающих эмоциональные реакции) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. № 1. С. 80–87. [Chekulai, Igor V., Prokhorova, Olga N., Kuprieva, Irina A. (2019) *Differentsiatsiya kategoriya emotsii i otsenki (na materiale slovosochetaniy angliyskogo yazyka, peredayushchikh emotsional'nyye reaktsii)* (The Differentiation of the Categories “Emotion” and “Evaluation” (on the material of the English word-combinations describing the emotional reactions)). *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*, 1, 80–87. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-80-87. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. [Shakhovskiy, Viktor I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* (Linguistic Theory of Emotions). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Ağçam, Reyhan, Özkan, Mahmut. (2015) A Corpus-based Study on Evaluation Adjectives in Academic English. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 199, 3–11. DOI 10.1016/j.sbspro.2015.07.480.
- Biber, Douglas, Meixiu, Zhang. (2018) Expressing Evaluation without Grammatical Stance: Informational Persuasion on the Web. *Corpora*, 13 (1), 97–123 DOI: 10.3366/cor.2018.0137.

- Cherkunova, Marina V., Starostina, Julia S. (2020) English Announcements of Cultural Events: Structural and Semantic Approach to Expressiveness. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. Philological Readings*, 725–732 DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.85.
- El Ayadi, Redouan, Smith, Andrew R. (2008) Language as Evaluative Utterance: A Bakhtinian Analysis of Colonial News Discourse. *Russian Journal of Communication*, 3 (1), 331–347.
- Hunston, Susan. (2004) Counting the Uncountable: Problems of Identifying Evaluation in a Text and in a Corpus. In A. Partington, Alan, Morley, John and Haarman, Louann (eds) *Corpora and Discourse*. Bern: Peter Lang, 157–188.
- Jiménez-Ortega, Laura, Martín-Loeches, Manuel, Casado, Pilar, Sel, Alejandra, Fondevila, Sabela, de Tejada, Pilar Herreros, et al. (2012) How the Emotional Content of Discourse Affects Language Comprehension. *PLoS ONE*, 7 (3), e33718. DOI: 10.1371/journal.pone.0033718.
- Markelova, Tatiana V., Petrushina, Maria V., Savelyeva, Anna A. (2016) Axiological Aspect of Linguistic View of the World in the Modern Education Environment. *SHS Web of Conferences* 9, EEIA 02027. DOI: 10.1051/shsconf/20162902027
- McReady, Eric. (2014) Expressives and Expressivity. *Open Linguistics*, 1, 53–70.
- Mei, Wu. S., Allison, Desmond. (2005) Evaluative Expressions in Analytical Arguments: Aspects of Appraisal in Assigned English Language Essays. *Journal of Applied Linguistics*, 2, 105–127.
- Potts, Christopher. (2007) The expressive dimension. *Theoretical Linguistics*, 33, 165–198.

Источники фактического материала / Factual information resources

- Bettencourt, Michael. (2003) In the Name of. Retrieved from <http://www.m-bettencourt.com>
- Modern American Plays. (1981) Leningrad: Prosvesheniye.
- Modern English Drama. (1984) Moscow: Raduga Publishers.
- Plays for Reading. (1984) Washington D.C.
- Priestley, John. B. (1997) Time and the Conways. Moscow.

УДК 82.03

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-81-91

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ТЕРМИН» И КРИТЕРИЯХ ЕГО ВЫДЕЛЕНИЯ

И. В. Цепков

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, Москва, Россия

Статья посвящена проблеме определения сущности термина в рамках функционального, семантического, когнитивного и информационного подходов. Автор рассматривает вопрос о критериях выделения терминов, а также устанавливает взаимосвязь некоторых подходов к определению термина-реалии с теорией и практикой перевода. Отдельно освещается вопрос нахождения оптимальных критериев выделения терминологических единиц гибридной природы, находящихся на пересечении двух различных множеств лексем, — терминов и реалий. Такие единицы автор, вслед за А. Д. Швейцером, предлагает называть терминами-реалиями. Помимо сопоставительного анализа оригинала и перевода в статье применяется теория терминологической градуальности С. Д. Шелова в качестве метода выделения терминов-реалий как лексических единиц, чьё значение не сводится к значениям каждой из двух групп — терминов и реалий — по отдельности. Данная статья может быть использована филологами, переводоведами, преподавателями, аспирантами, а также всеми, кому интересны вопросы теории перевода и терминоведения.

Ключевые слова: термин; терминоведение; термин-реалия; семантика; значение; немецкий язык.

On Defining Terms and Using Optimal Definition Criteria

Ilya V. Tsepkov

Moscow State Institute of International Relations (University)
Moscow, Russia

The article discusses the problem of defining terms based on functional, semantic, cognitive, and information approaches. The author examines the criteria of defining terms and makes an attempt to establish a certain interconnection between several approaches to defining realia-related terms and the theory and practice of translation. The author seeks to work out the optimal criteria for defining units of hybrid origin that occur as a result of overlapping of two different lexical entities: terms and realiae. Following A. D. Schweitzer, the author suggests that these units should be named 'realia terms.' In addition to the method of comparative analysis of the original and its translation, the author leans on S. D. Shelov's theory of term gradualism as a means of defining realia terms as lexical units whose meaning is not equal to the meaning of each of two groups, terms and realiae taken separately. The results of the article can be used by philologists and linguists specializing in translation as well as lecturers, postgraduates, and those interested in translation theory and terminology.

Key words: term; terminology; term-realia; semantics; meaning; German.

1. Введение

Любой язык имеет двойственную природу: с одной стороны, он делает возможным коммуникацию между людьми, с другой стороны, активно участвует в процессах наблюдения, мышления и преобразования действительности каждого человека. Таким образом, коммуникативная и когнитивная функции языка реализуются в диалектическом взаимодействии (Neuber, Růžicka 1975: 8). Говоря о роли термина в переводоведении, уместно обратиться к словам А. Нойберта, по мнению которого термин по праву может считаться исходным пунктом переводческих действий (Neubert 1991: 7). Это означает, что при изучении определённой дисциплины, при освоении её новых этапов развития на передний план должна выдвигаться символика новых взглядов и систем объяснения (Neuber, Růžicka 1975: 12), которые заключены, прежде всего, в терминологии.

2. Характеристика материала и методов

На материале специальных текстов путём описательного метода, метода сопоставительного анализа, а также теории терминологической градуальности анализируются критерии выделения терминов, а также устанавливается корреляция некоторых подходов к определению термина-реалии с точки зрения транслятологии.

3. Результаты исследования и их обсуждения

Специальная лексика в различных парадигмах современного гуманитарного знания традиционно находится в центре пристального внимания исследователей. На сегодняшний день в лингвистике существует немало определений термина, отражающих его функциональные стороны. С позиции функционализма термин рассматривается в трудах отечественных лингвистов, таких как О. В. Борхвальдт и О. Г. Винокур. Термин, по О. В. Борхвальдт, — высшая, самая совершенная единица специальной лексики (Борхвальдт 2000: 36). О. Г. Винокур понимает под термином слово в особой функции — номинативной (Винокур 1939). М. Д. Степанова и И. И. Чернышёва, разрабатывая лексикологию современного немецкого языка, признают наиболее существенными следующие признаки термина:

- 1) термин может быть объяснён только через его дефиницию;
- 2) термин является частью определённой сферы научного знания и встречается как элемент терминологии (Stepanova, Černyševa 2003: 154–155).

Следовательно, знание термина предполагает наличие знаний в той области, в которой он функционирует. Примером тому служит перевод

следующего отрывка из информационной брошюры Федерального министерства юстиции Федеративной Республики Германия (Aufgaben und Organisation des Bundesministeriums der Justiz 2009):

(1)...*bei Beschwerden nach dem Bundeszentralregistergesetz gegen Bescheide des Bundesamtes für Justiz ist das BMJ „Rechtsmittelinstanz“* (Aufgaben und Organisation des Bundesministeriums der Justiz 2009: 3) — ...*при поступлении жалоб в соответствии с Законом о Федеральном центральном реестре судимостей по поводу решений, выносимых Федеральным ведомством юстиции, в качестве «инстанции, рассматривающей вопрос в порядке обжалования», выступает Федеральный Минюст* (Задача и структура Федерального министерства юстиции Федеративной Республики Германия 2009: 4).

Ряд авторов в своих исследованиях выдвигают на передний план семантико-семиотическое измерение термина. Э. Б. Фигон рассматривает термин как слово или словосочетание, являющееся единством звукового знака и соотнесённого (связанного) с ним соответствующего понятия в системе понятий данной области науки и техники (Фигон 1974: 143).

(2) *Die Staatsanwaltschaft, die Vollstreckungsbehörde ist, nimmt auch gegenüber der Strafvollstreckungskammer bei einem anderen Landgericht die staatsanwaltschaftlichen Aufgaben wahr* (Strafprozeßordnung (StPO) 2019). — *Прокуратура, которая является органом исполнения приговора, сохраняет свои полномочия также и в отношении судебных палат по исполнению решений при других земельных судах* (перевод мой. — И. Ц.).

Как специальное слово или словосочетание, соотнесённое с одним понятием или денотатом в рамках одной специальной сферы, функционирующее в профессиональной деятельности и обозначающее специальное понятие определённой области на основе дефиниции, исследуют Г. М. Стрелковский, М. Н. Володина, А. Л. Семёнов, К. Я. Авербух, О. М. Карпова (Стрелковский 1979: 154; Володин 1993: 15; Семенов 2008: 47; Авербух, Карпова 2009: 16). Приведённые выше определения дополняют друг друга, освещая различные сущностные качества данной категории специальной лексики. Они подчёркивают прямую связь формата со специальным понятием и дефинитивную природу терминов. В переводе это находит своё отражение в требовании к сохранению значения термина в специальном тексте.

Важным семантическим аспектом при описании терминов является вопрос полисемии. Требование, предъявляемое к терминологии в первой половине XX века, — это соблюдение принципа изоморфизма, а именно: один знак — одно понятие (Wüster 1966: 91–93, 107, 109). Для устранения проблемы многозначности специальной лексики одним из выходов, по

мнению Е. Вюстера, является относительная многозначность (*wahlfreie* (relative) *Eindeutigkeit*), когда одному и тому же знаку в разных отраслях приписываются разные значения (Wüster 1966: 95). Относительная многозначность выполняет требования языкового удобства и точности, а именно: наличие небольшого числа компонентов слова, большое число обозначаемых одним формативом понятий, принадлежащих к различным областям знаний, что позволяет устранить многозначность (Wüster 1966: 107–108).

М. Н. Володина предлагает несколько определений термина. В социолингвистике термин можно представить как 1) посредник в научно-профессиональном общении, носитель информации о специальном понятии и коллективной профессионально-научной памяти (Володина 1997: 25; Володина 1998: 1); 2) когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессиональное научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования (Володина 2000: 30–31). При применении когнитивного подхода исследуется природа концепта и концептосистемы как отражения структуры знания, а также отношения между концептами, предпринимаются попытки установить критерии становления концептосистем (Kade 1968). Х. Сейджером подчёркивается лингвокультурологическое и информационное измерения термина (Sager 1979: 151). В переводческом аспекте мы можем говорить об информационном подходе при передаче специальной лексики. Р. К. Миньяр-Белоручев разрабатывает информационную модель перевода, в которой реципиент (в том числе и переводчик) по отношению к тексту может обладать информационным запасом различной степени. Всего в рамках данной модели исследователем выделяется 5 таких степеней, отражающих ассоциации реципиента с языковым знаком (Миньяр-Белоручев 1980: 54). Для того чтобы увидеть место термина в концепции Р. К. Миньяра-Белоручева, рассмотрим вкратце эти 5 степеней (Миньяр-Белоручев 1980: 55–56).

Информационный запас 1-й степени характеризуется наименьшим объёмом знаний, связанных с лексической единицей, — это минимальный объём информации, позволяющий считать данную лексическую единицу знакомой, что позволяет соотносить её с той или иной областью знаний.

Информационный запас 2-й степени позволяет реципиенту связывать данную лексическую единицу не с целой областью знаний, а с её частью.

Информационный запас 3-й степени характеризуется видовой «отнесённостью». На данном уровне реципиент осознаёт наиболее существенные признаки денотата, способен выделить данный денотат из группы однородных денотатов. Информационный запас этого уровня предполагает

уровень знания, позволяющий свободно владеть данной лексической единицей, правильно понимать и употреблять её в речи.

Информационный запас 4-й степени. На этом уровне складываются научные понятия, а также объём систематизированных знаний о данном денотате. Данная категория информационного запаса связана с номенклатурой лексической единицы (например, военная терминология) и является обязательной для специалиста.

Информационный запас 5-й степени. На этом уровне реципиент способен глубоко проникать в сущность денотата, чётко понимать границы несущественных признаков такового, а также границы возможных изменений денотата. Информационный запас 5-й степени характерен для научных исследований (Миньяр-Белоручев 1980: 56–57). Степень овладения тем или иным информационным запасом базируется на пресуппозициях реципиента. Пресуппозиции — это информация, которая, по мнению отправителя, должна быть известна реципиенту. Это относится к обычаю, что говорящий не сообщает ничего тривиального и ничего необычного, непонятного. Речь идёт о ситуации, предполагающей определённые предзнания слушающего, и что он их может верно оценить. Пресуппозиции — это нечто невербализованное. Установить пресуппозиции крайне сложно кроме культурного фона текста, степени вербализации информации (Nord 1988: 111–112, 115). Таким образом, владение достаточным информационным запасом позволяет переводчику использовать те или иные трансформации, как например, модуляцию, в процессе перевода:

(3) *Die Staatsanwaltschaft, der Verurteilte und die Vollzugsanstalt sind zu hören* (Massregel-Vollzugsrecht 2010: 471). — *Прокуратура, осуждённый и представитель места лишения свободы должны быть заслушаны* (перевод мой. — И. Ц.).

Заметим, что переводчику необязательно знать столько, сколько знает специалист по данной проблематике, хотя определёнными знаниями переводчик всё же обладать должен (Kade 1968: 58). Критерием адекватности перевода служит соотношение ИТ и ПТ, полученное при соблюдении цели перевода в каждом его акте (Reiss 1984: 139), в данном случае — информационный баланс в рамках специального текста. Следует подчеркнуть, что степень информационного запаса, необходимая реципиенту для понимания значения термина, влияет на избыточность текста и находится по отношению к ней в обратной зависимости (Wills 1977: 198).

Таким образом, **термины** — это единицы, фиксирующие не только объективно существующие денотаты, но и денотаты, сознательно создающиеся языковым сообществом в тесной связи с их культурными традиция-

ми, поначалу обладающими определённой степенью неологичности и похожими отчасти на реалии.

Общая черта в этих определениях была сформулирована ещё в 20-х годах XX столетия Леонардо Ольшки: термин как главный представитель специальной лексики берёт свои корни из общего языка и приспособляется для нужд науки (Olschki 1927: 346–347) или, точнее, специальных сфер, хотя функционирование специальной лексики, как мы отметили выше, не ограничивается только ими.

По мнению В. М. Лейчика, термин представляет собой трёхслойное образование, включающее в себя естественный, или языковой субстрат, логический суперстрат и терминологическую сущность. Рассмотрим каждый из компонентов подробнее. Естественным субстратом термина является лексическая единица определённого естественного языка, распадающаяся на семантические компоненты структуры термина, определяющая его принадлежность к лексической системе конкретного языка. Сюда же относится его мотивированность. Логический суперстрат — это содержательные признаки, позволяющие обозначать абстрактное или конкретное понятие в определённой системе понятий. Терминологическая сущность — содержательные и функциональные признаки, позволяющие выполнять функции элемента теории, описывающей определённую сферу деятельности. Частью терминологической сущности являются и терминологические элементы (Лейчик 2009: 74, 177–178). Мы принимаем определение термина, предложенное В. М. Лейчиком, но предлагаем существенные дополнения. Во-первых, под термином необходимо понимать не только единицы точных и естественных наук, а также техники, но и обозначения социально-экономических институтов, отражающих общественное устройство на определённом историческом этапе. И, во-вторых, сфера функционирования терминов не ограничивается специальными сферами. Данные единицы широко употребляются и в повседневном общении между людьми.

Следующим аспектом, требующим изучения, является проблема нахождения критериев выделения термина. На сегодняшний день пока не существует единых критериев выделения таковых. Одна из первых попыток решения данного вопроса принадлежит отечественным лингвистам И. И. Ревзину и В. Ю. Розенцвейгу в контексте построения теории машинного перевода. Исследователи определяют термины как слова: 1) не допускающие модуляции (под последней понимался процесс перехода от одного слова к другому с сохранением основного значения (Ревзин, Розенцвейг 1964: 107), или с позиции теории перевода — переводческой синонимии (Ревзин, Розенцвейг 1964: 109); 2) единственной трансформацией для которых является замена термина его определением или абсолютным сино-

нимом; 3) перевод которых осуществляется не через обычный язык-посредник, а через язык-посредник, являющийся языком данной отрасли науки в независимости от его формализации (Ревзин, Розенцвейг 1964: 110).

Попытку преодолеть прескриптивные установки при выделении термина предприняты в работе (Шелов 2003). Автор выдвигает идею терминологической градуальности, признаёт качества термина, выдвинутые ещё Д. С. Лотте, Э. К. Дрезеном, Е. Вюстером, такие как: однозначность, точность, отсутствие эмоциональности и экспрессии, — несущественными свойствами термина. За термином признаётся семантический, понятийный характер. Исследователь предлагает истолковывать сущностные характеристики термина как относительные, признавая большую или меньшую степень терминологичности той или иной единицы. Основным критерий выделения термина — это *значение* (курсив наш. — И. Ц.) знака, принадлежащего определенной области знания. Терминологичность определяется только относительно некоторой системы объяснения его значения (например, системой определений). Она, терминологичность, тем выше, чем больше сведений требуется для идентификации значения знака согласно данной системе объяснений (Шелов 2003: 23). А наличие определения, или дефиниции (Nida 1975: 101–148), — достаточное условие для признания единицы термином или обладающей ненулевой степенью терминологичности (Шелов 2003: 25). Следует подчеркнуть, что близкую точку зрения отстаивает и В. М. Лейчик, указывающий на то, что «термин — это единица не столько обладающая дефиницией, сколько требующая таковую» (Лейчик 2009: 24).

Социолингвистические и отчасти экстралингвистические критерии выделения терминов предлагает В. А. Татарinov. Первый критерий — это соблюдение социальной традиции оценивать факты языка: слово, обозначающее родство и свойство, принято считать термином. Терминами называются слова, употребляемые учёными и инженерами, а также представителями других наиболее ярких профессий. Вторым критерий — название специалистами научной дисциплины употребляемых ими слов терминами или нетерминами. Все остальные критерии (дефинитивность, языковой субстрат) являются, по мнению В. А. Татарinova, не чисто лингвистическими, а терминоведческими проблемами. Их следовало бы рассматривать как свойство терминов и оценивать их с позиции объекта и предмета исследования (Татарinov 2007: 121–122).

Теория терминологической градуальности позволяет рассматривать терминологию как гетерогенное образование, в котором постоянной характеристикой лексических единиц является значение. Данное положение да-

ёт основание сделать вывод о том, что в категорию терминов могут попадать лексические единицы, требующие, как и термины точных и естественных наук, а также техники, дефиниции, но отличающиеся от них в плане содержания сигнификативным компонентом значения. Основными типами сигнификативных коннотаций у данных слов будут: 1) соотнесённость денотата с определённой лингвокультурной общностью; 2) соотнесённость с определённой исторической эпохой, а также социальной средой (например: *Amtsanwalt* — *прокурор участкового суда*; *Zwischenverfahren* — *решение об открытии судебного разбирательства, промежуточное производство*; *Hauptverfahren* — *судебное разбирательство*) и 3) соотнесённость с определённым мировоззрением (Латышев 2001: 103).

Указанные нами типы коннотаций значительно расширяют систему объяснения значения в двух измерениях: внутри одного и того же языкового сообщества и в процессе транскультурного и темпорального переноса (то есть в переводе). Такая лексика легко вписывается в социолингвистические критерии В. А. Татарина, так как ее можно легко оценить с точки зрения социальной традиции лингвокультурного сообщества как слова, за которыми специалисты признают терминологическую природу. Это проявляется на практике в принципиальном различии ассоциаций, закрепленных между знаками и референтами, в различии сегментации онто- и филогенетического опыта носителей различных языков (Nida 1975: 26–27, 88), а значит, в различных способах номинации денотатов: в разных языковых системах получают разные степени обобщения, выраженные в конкретных терминах, что закономерно влечёт за собой асимметрию терминосистем (Wills 1979: 187). В коммуникации между представителями иноязычных социально-экономических и историко-культурных сообществ ярко проявляются прагматические различия, которые объясняются различным развитием этих сообществ, будь то рассмотрение одного и того же явления через иную совокупность сегментов объективной реальности или отличная оценка одного и того же сегмента действительности (Rülker 1971: 105). Так, для немецкой военной терминологии, обозначающей боевую технику, характерно включение наименований хищных животных: *Panzer Leopard*. Данное положение подтверждает мнение Ю. А. Найды, что язык в определенной степени является моделью культуры (Nida 1975: 6–7). Следовательно, реципиент воспринимает терминированную лексику из своей ситуации на основе своего культурного фона (Holz-Mänttari 1984: 113).

4. Выводы

Подчеркнём, что терминология как особый пласт лексики с более чем тысячелетней историей находится в центре внимания современных ис-

следований. Традиционно термин рассматривался под семантико-семиотическим и функциональным углом. На сегодняшний день всё больший интерес лингвистов представляет когнитивная природа термина и его прагматический потенциал. В этом отношении, как ни странно, при разработке критериев определения терминов было бы целесообразно обратиться к прагматическим детерминантам К. Райс. Всего их 7: соотнесённость с ситуацией, с предметом, со временем создания оригинала, с локальной соотнесённостью, с получателем, автором и аффективные детерминанты — ирония, сарказм, ругательства (Reiss 1978: 71–72, 74, 77, 81, 84–85). Пять из этих детерминант теснейшим образом связаны с характеристиками терминов. Такие параметры, как соотнесённость с ситуацией, с предметом и с получателем, описывают терминологическое измерение лексем.

В связи с вышесказанным актуальным направлением разработки теории термина становится лингвокультурологический подход, постулирующий неоднородность поля терминологии. Данное положение формирует теоретико-практическую основу для выделения такой лексической единицы как **термин-реалия**.

Список литературы / References

- Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2009. [Averbukh, Konstantin Ya., Karpova, Ol'ga M. (2009) *Leksicheskie i fraseologicheskie aspekty perevoda* [Lexical and Phraseological Aspects of Translation]. Moscow: Nauchno-izdatel'skij tsentr "Akademija". (In Russian)].
- Борхвальдт О. В. Историческое терминоведение русского языка. Красноярск: РИО КГПУ. 2000. [Borkhvaldt, Ol'ga V. (2000) *Istoricheskoe terminovedeniye russkogo yazyka* (Historical Terminology Science of Russian). Krasnoyarsk: RIO KGPU. (In Russian)].
- Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Труды МИФЛИ. 1939. Т. 5. С. 3–54. [Vinokur, Grigorij O. (1939) O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoj tekhnicheskoy terminologii (On Some Phenomina of Word Formation in Russian Technical Language). *Trudy MIFLI*, 5, 3– 55. (In Russian)].
- Володина М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ. 1993. [Volodina, Maiya N. (1993) *Natsional'noye i internatsional'noye v protsesse terminologicheskoy nominatsii* (National and International in Terminological Naming). Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian)].
- Володина М. Н. Теория терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ. 1997. [Volodina, Maiya N. (1997) *Teoriya terminologicheskoy nominatsii* (Theory of Terminological Naming). Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian)].
- Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. [Volodina, Maiya N.

- (1998) *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya* (Cognitive and Informational Nature of Term and Terminological Naming). Abstract of philol. doct. diss. Moscow. (In Russian)].
- Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во МГУ. 2000. [Volodina, Maiya N. (2000) *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoj informatsii)* (Cognitive and Informational Nature of Term (based on the Terminology of Mass Media)). Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian)].
- Латышев Л. К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков (нем. яз.). М.: НВИ-ТЕЗАУРУС. 2001. [Latyshev, Lev K. (2001) *Tekhnologiya perevoda. Uch. pos. po podgotovke perevodchikov (nem. yaz.)* (Technique of Translation. Textbook on Training Translators (German). Moscow: NVI-TESAURUS. (In Russian)].
- Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. [Leychik, Vladimir M. (2009) *Terminovedeniye: Predmet, metody, struktura* (Terminology science: Subject, methods, structure). 4th edition. Moscow: Knizhniy dom "LIBROKOM". (In Russian)].
- Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат. 1980. [Min'yar-Beloruchev, Ryurik K. (1980) *Obshch'aya teoriya perevoda i ustnyj perevod* (General Theory of Translation and Interpreting). Moscow: Voenizdat. (In Russian)].
- Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Издательство «Высшая школа». 1964. [Revzin, Isaak I., Rozentsweyg, Viktor Y. (1964) *Osnovy obshch'yego i mashinnogo perevoda* (Basics of General and Mashine Translation). Moscow: Izdatel'stvo "Vysshaya shkola". (In Russian)].
- Семёнов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М.: Издательский центр «Академия». 2008. [Semoynov, Arkadij L. (2008) *Osnovy obshchey teorii perevoda i perevodcheskoy deyatel'nosti: ucheb. posobie dlya stud. ling. vuzov i fak* (Basics of General Translation Theory and Translation Practice: Textbook for Students of Linguistic Universities and Schools). Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademija". (In Russian)].
- Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода: Немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. [Strelkovskiy, Gennadiy M. (1979) *Teoriya i praktika voyennogo perevoda: Nemetskiy yazyk* (Theory and Practice of Military Translation: the German Language). Moscow: Voenizdat. (In Russian)].
- Татаринов В. А. Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации. М.: Московский Лицей, 2007. [Tatarinov, Viktor A. (2007) *Metodologiya nauchnogo perevoda: K osnovaniyam teorii konvertatsii* (Methodology of Scientific Translation: On Principles of Converting Theory). Moscow: Moskovskiy Litsey. (In Russian)].
- Фигон Э. Б. О разграничении научного и технического термина // Сборник научных трудов МГПИИЯ. 1974. Вып. 75. С. 143–152. [Figon, Eleonora B. (1974) O razgranichenii nauchnogo i tekhnicheskogo termina (On Differences between Scientific and Technical Term). *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYa* (Collection of Scientific Papers of Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages), 75, 143–152. (In Russian)].
- Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т. 2003. [Shelov, Sergej D. (2003) *Termin. Terminologichnost'*.

- Terminologicheskiye opredeleniya* (Term. Termhood. Terminological Definitions). Saint Petersburg: Filologicheskiiy fakultet. (In Russian)].
- Holz-Mänttari, Justa. (1984) *Translatorisches Handeln: Theorie und Methode*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. (In German).
- Kade, Otto. (1968) Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. *Beiträge zur Zeitschrift Fremdsprachen*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie. (In German).
- Neubert, Albrecht. (1991) *Die Wörter in der Übersetzung*. Berlin: Akademie Verlag. (In German).
- Nida, Eugene A. (1975) *Language structure and translation: essays by E. A. Nida*. Selected and introduced by Anwar S. Dil. Stanford, California: Stanford University Press.
- Nord, Christiane. (1988) *Textanalyse und Übersetzen: Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse*. Heidelberg: Groos. (In German).
- Olschki, Leonardo. (1927) *Geschichte der neusprachlichen wissenschaftlichen Literatur*. Dritter Band. Galilei und seine Zeit. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag. (In German).
- Reiss, Katharina. (1978) *Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik* (Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen). München: Max Hueber Verlag. (In German).
- Reiss, Katharina. (1984) *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer. (In German).
- Rülker Klaus. (1971) Zur Rolle der Pragmatik in der zweisprachigen Kommunikation. *Beiheft zur Zeitschrift Fremdsprachen III / IV Studien zur Übersetzungswissenschaft*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 99–111. (In German).
- Sager, Juan C. (1979) Training in Terminology: Needs, achievements and prospective in the world. *Wüster E. Terminologie als angewandte Sprachwissenschaft: Gedenkschrift für Univ. Prof. Dr. Eugen Wüster* / hrsg. von Helmut Felber. München, New York, London, Paris: Saur, 149–163.
- Stepanova, Maria D., Černyševa, Irina I. (2003) *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache* (Степанова М. Д., Чернышёва И. И. Лексикология современного немецкого языка: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений). М.: Издательский центр «Академия». [Stepanova, Maria D., Černyševa Irina I. Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka (Lexicology of Modern German). Moscow: Izdatel'skij tsentr "Akademija". (In Russian)].
- Neubert, Albrecht, Růzicka, Rudolf. (1975) *Verständlichkeit, Verstehbarkeit, Übersetzbarkeit. Sprachwissenschaft und Wissenschaftssprache*. Berlin: Akademie Verlag Berlin, 5–17. (in German).
- Wiegand, Herbert E. (1979) Definition und Terminologienormung — Kritik und Vorschläge. *Wüster E. Terminologie als angewandte Sprachwissenschaft: Gedenkschrift für Univ. Prof. Dr. Eugen Wüster* / hrsg. von Helmut Felber. München, New York, London, Paris: Saur, 101–148. (In German).
- Wilss, Wolfram. (1977) *Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden*. Stuttgart: Ernst Klett Verlag. (In German).
- Wilss, Wolfram. (1979) Fachsprache und Übersetzen. *Wüster E. Terminologie als angewandte Sprachwissenschaft: Gedenkschrift für Univ. Prof. Dr. Eugen Wüster* / hrsg. von Helmut Felber. München, New York, London, Paris: Saur, 177–191. (In German).

Wüster, Eugen. (1966) *Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektrotechnik* (Die nationale Sprachnormung und ihre Verallgemeinerung). Zweite, ergänzte Auflage. Bonn: H. Bouvier und CO. Verlag. (In German).

Источники фактического материала / Factual information resources

Задачи и структура Федерального министерства юстиции Федеративной Республики Германия (по состоянию на ноябрь 2009 года).

Aufgaben und Organisation des Bundesministeriums der Justiz. Stand: 4. November 2009. (In German).

Kammeier, Heinz (2010) *Massregel-Vollzugsprecht*. Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. (In German).

Strafprozeßordnung (StPO) (2019). Retrieved from <http://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html> (In German).

УДК 811.112.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-93-111

ОЛЬФАКТОРНЫЙ ПРИЗНАК КАК ОБЪЕКТ ВЕРБАЛИЗАЦИИ

Н. Ю. Шнякина

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Чувственный опыт человека играет значимую роль в концептуализации данных об окружающем мире и их репрезентации с помощью языковых построений. Специфическими особенностями обладает в том числе осознание доступной познающему субъекту ольфакторной информации. Значительную часть в языковом материале занимают описания запахов, касающиеся их классификации, онтологических и оценочных характеристик. Также ярко выраженными закономерностями характеризуется языковая объективация ситуации познания ольфакторного признака как отражённого в сознании ментального конструкта, включающего в себя ряд обязательных и факультативных категориальных компонентов. Посредством фреймового анализа на материале немецкого языка демонстрируется взаимодействие статических и динамических знаний об ольфакторном признаке. Результатом проведённого исследования является концепция, описывающая принципы упорядочивания информации о запахах. Форматом хранения статических данных, то есть знаний о различных видах запахов, признаётся классификационный фрейм, имеющий категориальную структуру. Его слоты заполняются конкретными сведениями, основанными на идентификации реального или фонового объекта — источника запаха, а также на приписывании ему познающим субъектом положительной / отрицательной, количественной или нормативной оценок. Анализ языковых экспликаций ситуации познания ольфакторного признака, являющихся репрезентациями ситуационного фрейма, показал присутствие повторяющихся в языковом материале категориальных компонентов (узлов), связанных с онтологическими категориями человеческого бытия. Среди них субъект и объект познания, действие субъекта, направленное на объект, пространственно-временные рамки ситуации, инструмент познания и результат. Очевидно, что наличие в высказывании обязательных компонентов (субъект, объект, познавательное действие) обусловлено потребностью автора языкового сообщения передать онтологическую специфику процесса познания ольфакторного признака. Объективация факультативных компонентов осуществляется в высказывании в зависимости от целей коммуникации. Проведённое сопоставление форматов хранения знаний об ольфакторном признаке позволило объяснить связь между классификационным и ситуационным фреймами как взаимодействие между общим и частным. Полученные данные вносят значимый вклад в разработку проблем структурирования знаний, а также дополняют имеющиеся в рамках когнитивной лингвистики сведения о глобальном категориальном членении действительности человеком и возможностях его изучения через язык.

Ключевые слова: ольфакторный признак; фреймовый анализ; категориальный узел; классификационный фрейм; ситуационный фрейм; вербализация.

Olfactory Signs as Objects of Verbalization

Natalia Yu. Shnyakina

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Human sensory experience has a fundamental role in conceptualizing the realities of the surrounding world and representing them in linguistic constructions. When it comes to olfactory information available to people, a significant part of the linguistic material consists of describing smells with the view of their classification and their ontological and evaluative characteristics. Also, linguistic objectification of situations of cognizing olfactory signs has pronounced patterns, and, as a mental construct reflected in the mind, the olfactory situation includes a number of obligatory and optional components. By means of frame analysis of German olfactory language, the article demonstrates the interaction of static and dynamic knowledge about olfactory perception. The result of this research is a conceptual framework that describes the principles of organizing information about smells. The author sees the classification frame as a storage format for static data: it has a categorical structure and stores knowledge about various types of smells. Its slots are filled with specific information based on identifying real or background objects that are sources of smells, as well as on quantitative or normative evaluations given by the subject. Analyzing linguistic explications of the olfactory situation, which are representations of the situational frame, shows the presence of repeated categorical components (categorical nodes) in the linguistic material. They are associated with ontological categories of human existence. Among them are the subject and the object of cognition, the subject's action, the space-time frame of the situation, the instrument of cognition, and the result. It is obvious that the presence of obligatory components in the utterance (subject, object, cognitive action) is due to the need of the author to describe the ontological specifics of the process of cognition of an olfactory sign. The objectification of optional components in the utterance depends on the goals of communication. The comparison of formats for storing knowledge about the olfactory sign makes it possible to explain the relationship between the classification and situational frames as an interaction between something general and something particular. The resulting findings contribute to current discussions of issues related to structuring knowledge and general categorization of reality by individuals.

Key words: olfactory sign; frame analysis; categorical node; classification frame; situational frame; verbalization.

1. Введение

Сенсорный опыт человека играет основополагающую роль в процессе освоения действительности, предполагающем трансформацию чувственно воспринимаемых признаков в абстрактные мыслительные конструкции. Способ отражения перцептивных данных средствами языка является одним из значимых аспектов речевой деятельности, изучаемых в рамках отечественной и зарубежной лингвистики (Ульман 1970; Bierwisch: 1982; Jackendoff: 1983; Johnson 1987; Рузин 1994; Мерзлякова 2001; Бондарко 2004; Lakoff, Johnson 2008; Колесов 2008; Баева, Варламенко 2014). Его рассмотрение связано с проблемой разнообразия структур представления знаний и спецификой их языкового воплощения. Учёные придерживаются

мнения, что любая концептуальная структура является следствием обработки телесного опыта человека, в значительной мере детерминирующего когнитивные операции в целом.

В лингвистике существуют исследования, на материале различных языков описывающие форматы представления в сознании ольфакторных данных, то есть перцептивных знаний, полученных человеком через обонятельный канал. Термин «ольфакторный», получивший распространение в лингвистических работах (Брылева 2010: 17; Вальваков 2013: 24–25; Котенева 2006: 130; Манкевич 2010: 146; Матвеева 2013: 119; Токмачева, Кормильченко 2017: 71; Шилина 2013: 255), используется в настоящей статье в качестве синонима к прилагательному «обонятельный».

В качестве ментальной репрезентации ольфакторной информации используется *категория*. Так, например, в работах Т. М. Матвеевой и И. А. Котеневой изучаются вербализации обонятельных ощущений, входящие в категорию «запах» (Котенева 2006; Матвеева 2013). Выделяются концептуальные основы выражения знания о запахе: онтологический аспект, отражающий его признаки, и гносеологический аспект, связанный с пониманием данного ощущения как перцептивного феномена; также описывается понятие «ольфакторная сцена», экспонентами которой являются предмет — источник запаха, запах и лицо, воспринимающее запах и т. д. (Котенева 2006: 129–130). Другие исследователи считают, что знание о запахах имеет форму *концепта* (Колупаева 2008; Брылева 2010: 20; Вальваков 2013). В результате анализа средств объективации концепта «запах» А. А. Колупаева выделяет его центр и периферию, исследует принципы выражения оценки посредством «обонятельной лексики», а также национально-культурную специфику данного концепта (Колупаева 2008: 86). Р. Ф. Брылева полагает, что слова различных частей речи эксплицируют различные аспекты ольфакторной перцепции: ольфакторные признаки, психические, физические и эмоциональные реакции человека на запахи и т. д. (Брылева 2010: 20). Двустороннее рассмотрение ольфакторного восприятия, отражённого в художественном произведении, предлагается Р. В. Вальваковым: автор различает лексический концепт «запах», включающий в себя информацию о видах запахов, и синтаксический концепт «ольфакторное восприятие», объективирующий знания об участниках и отношениях между ними (Вальваков 2013).

Анализ работ о способах отражения ольфакторной информации в сознании человека показал статическую и динамическую направленность исследований. С одной стороны, лингвистами выявляются средства выражения знаний об ольфакторном признаке: предлагаются классификации запахов, изучаются их коннотации, метафорический потенциал и культур-

ная специфика. С другой стороны, учёные обращаются к проблеме языкового выражения ольфакторного восприятия как цельной ситуации с учётом её участников и обстоятельств: в этом случае отражённый в сознании перцептивный опыт человека описывается как «синтаксический концепт», «ольфакторная сцена», «ситуация ольфакторной перцепции».

Изучение статической и динамической форм знаний об ольфакторном признаке посредством фреймового анализа, применяемого к языковым данным, определяет научную новизну работы, целью которой является развитие концепции взаимодействия в сознании человека классификационного и ситуационного фреймов как форматов хранения информации о запахах. Заявленная проблема требует последовательного рассмотрения следующих вопросов: во-первых, в чём заключается специфика классификационного и ситуационного фреймов как форм упорядочивания разнородных знаний о запахах и ситуации их познания; во-вторых, каким образом классификационный фрейм структурирует знания об ольфакторном признаке; в-третьих, какие онтологические элементы являются смысловым наполнением фрейма ситуации познания ольфакторного признака.

Гипотеза исследования состоит в наличии в сознании человека различных ментальных форматов, структурная организация которых зависит от типа отражаемой в сознании информации, обладающей статическими или динамическими чертами.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основным понятием, используемым в настоящей статье, является фрейм; в качестве метода исследования применяется фреймовый анализ.

Термин «фрейм» был введён в научный обиход М. Минским для обозначения «структуры данных для представления стереотипной ситуации» (Minsky 1974). Способность человека воспринимать и обрабатывать вновь поступающую информацию автор теории фреймов связал с наличием в сознании стереотипных схем, позволяющих структурировать опыт: «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» (Minsky 1974). Фрейм, по мнению учёного, представляет собой сеть, состоящую из узлов: суперординатных, то есть чётко определённых, постоянно присутствующих при отражении ситуации, и субординатных (факультативных), состоящих из вершин-терминалов («слотов»), в которых отражены частные знания о ситуации (Minsky 1974).

В лингвистике термин «фрейм» приобрёл популярность благодаря разработанной Ч. Филлмором фреймовой семантике (Fillmore 1985) — одной из современных методик исследования языка, направленной на изучение форматов хранения знаний различного типа. Основу концепции Ч. Филлмора составляет идея о том, что данные о мире, выражаемые человеком в языковой форме, организованы с помощью когнитивных моделей — схематических, особым образом организованных ментальных конструкторов, в соответствии с которыми обрабатывается информация (Fillmore 1985). Понимание автором фрейма связано с описанной им ранее системой глубинных падежей, центральное место в которой занимает глагол (Fillmore 1968). Именно он, реализуя свой валентностный потенциал, открывает свободные места (не заполненные терминальные слоты), которые затем, «обрастая» конкретными данными, выражаются в предложении различными лексическими единицами. Под фреймом, таким образом, автор понимает, своего рода падежную рамку, отражающую систему семантических ролей, задействованных в предложении (Fillmore 1968; Fillmore: 1977).

Проанализированные работы позволили сформулировать обобщённые теоретические положения, касающиеся понимания термина «фрейм» в настоящей статье. Во-первых, способ вербализации ментального пространства человека отражает принципы упорядочивания информации в сознании человека; фрейм является универсальной структурой обработки и хранения знаний человека о мире, когнитивной моделью, в соответствии с которой человек постигает свой собственный опыт. Во-вторых, фрейм представляет собой типичное знание, в опоре на которое человек обрабатывает новую информацию о мире, встраивая её в существующую в сознании систему категорий. В-третьих, фрейм структурирует языковые построения в соответствии с входящими в него достаточными и необходимыми элементами. Языковой фрагмент в этом смысле является поверхностной реализацией совокупности семантических ролей, обусловленных контекстом и фоновыми знаниями человека.

Фрейм является базовой единицей хранения данных различного типа. В лингвистике существует мнение о наличии в сознании человека статического (классификационного) и динамического (ситуационного) фреймов (Minsky 1974; Гарбовский 2004: 525; Болдырев 2006: 16; Галич 2014: 151). Как считает М. Минский, классификационный или «просто фрейм» является формой хранения статического знания; ситуационный фрейм отражает динамику процессов и событий и представляет собой сценарий (Minsky 1974). Аналогичное деление, основанное на языковом или неязыковом характере структуры, предлагается в работах (Гарбовский 2004: 525; Болдырев 2006). Классификационный (статический) фрейм является осно-

вой языковой категоризации, он представляет собой форму существования уже имеющегося знания, накопленного в процессе жизнедеятельности. Ситуационный (динамический) фрейм отражает знания неязыкового (событийного) характера: это динамическая когнитивная структура, связанная с мыслительными процессами, ведущими к получению знания (Болдырев 2006: 8). Н. К. Гарбовский рассматривает фрейм как «двустороннюю сущность», как соединение системы знаний о типичной ситуации и активированной под воздействием раздражителей актуальной ситуации (Гарбовский 2004: 525). Г. Г. Галич пишет, что статический и динамический фрейм соотносятся с лингвистическими категориями синтагматики и парадигматики: статический фрейм, подобно базам данных в системах искусственного интеллекта, представляет собой совокупность упорядоченных единиц знания; с динамическим фреймом связано понятие сценария, постепенно реализуемого в речи (Галич 2014: 151). Взаимодействие статического и динамического фреймов используется также в моделях перевода. Статические фреймы «представляют собой те структуры, которые отражают сформированную систему знаний переводчика, сложившуюся в его когнитивной деятельности». Динамические фреймы «формируются под действием вербальных раздражителей из текста путем запуска особой поисковой системы, вычлещающей соответствия между информацией, заложенной в тексте, и когнитивными знаниями переводчика, которые позволяют понять воспринимаемую информацию» (Нефедова, Ремхе 2008: 92).

В опоре на описанные мнения лингвистов представляется возможным изложить собственное понимание классификационного и ситуационного фреймов, используемое в настоящей работе. Под *классификационным фреймом* понимается статическая содержательная структура, отражающая знания человека о каком-либо фрагменте действительности: субъекте, объекте, признаке объекта, действии, пространстве, времени и т. д. Данный вид фрейма представляет собой ментальную единицу, в которой реализуется принцип категориального оформления знаний человека. Глубинным наполнением фрейма являются члены категории, вербализуемые на поверхностном уровне различными средствами. Совокупность классификационных фреймов образует своего рода категориальную сетку, содержащую в себе избыточное количество категориальных компонентов, отдельные комбинации которых входят в структуру знания о типичной ситуации и участвуют при языковой реализации ситуационного фрейма. *Ситуационный фрейм* представляет собой конкретную динамическую реализацию категориальных узлов классификационного фрейма, обусловленную вербальными и невербальными факторами.

Вариант фреймового анализа, применяемый в настоящей статье, предполагает выявление слотовой структуры классификационного и ситуационного фреймов на базе высказываний, описывающих ситуацию ольфакторной перцепции. Обследованию подвергаются языковые фрагменты в количестве 400 единиц, отобранных посредством электронных корпусов немецкого языка *dwds* и *Wortschatz Universität Leipzig*, включающих в себя тексты популярной и научно-популярной прессы и художественной литературы, а также тексты, созданные в процессе интернет-общения.

Запах как онтологическая сущность представляет собой воспринимаемый ольфакторно признак объекта, благодаря которому он выделяется в потоке перцептивной информации. Разнообразие языковых воплощений знания человека о видах запахов на уровне обыденной картины мира может быть рассмотрено как языковая реализация классификационного фрейма. Данная ментальная единица входит в фонд знаний индивида и представляет собой статическое образование, по строению и по функции напоминающее категорию. По аналогии с категорией классификационный фрейм обладает систематизирующим потенциалом, обеспечивающим объединение явлений одного порядка в один класс, исходя из наличия у них общих признаков. Фреймовый анализ в этом случае направлен на выявление в языковых единицах общего категориального смысла «ольфакторный признак». Данный смысл имеет специфическое языковое выражение, предполагающее не только вариативность в частеречной реализации с помощью существительного, прилагательного или глагола, но и уточнения, касающиеся разнообразия различаемых человеком запахов.

В свою очередь, когнитивная ситуация как комплексное образование, отражённое в сознании человека, характеризуется наличием ряда аспектов: познающий субъект различает множество запахов, соотносит их с реальным или возможным источником, описывает сам процесс восприятия, говоря об эмоциональных и физиологических реакциях, вызываемых воздействием запаха, описывает пространственно-временные параметры ситуации. В зависимости от условий коммуникации автор языкового сообщения объективирует в высказывании те данные, которые представляются ему значимыми. Названные аспекты представляют собой глобальные категориальные смыслы («субъект», «объект», «признак объекта», «познавательное действие», «инструмент», «реакция», «пространство», «время»), каждый из которых рассматривается как статическое знание об основных рубриках человеческого бытия, структурированное в виде классификационного фрейма. Совокупность таких фреймов образует категориальную сетку, включающую в себя избыточное количество информации о типич-

ной ситуации познания. Отдельные компоненты этой сетки в зависимости от экстралингвистического контекста реализуются в языке, объективируя ситуационный фрейм, детально структурирующий знания человека об обстоятельствах акта познания.

Элементами ситуационного фрейма являются слоты, понимаемые как категориальные компоненты, уточняемые с помощью языковых средств. Эти компоненты выявляются с помощью фреймового анализа, предполагающего определение смысловых доминант на лексическом уровне, интерпретацию семантического уровня путём выявления когнитивных признаков и соотнесение их с категориальными узлами сознания, установление логических связей между отражёнными в языковом фрагменте элементами категориальной сетки.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Анализ высказываний, описывающих ситуацию ольфакторной перцепции, показал наличие в классификационном фрейме двух слотов: первый из них отражает идею осознания человеком запаха как независимой от объекта сущности, второй — как присущей объекту, связанной с ним качественной определённости.

Языковыми объективациями первого слота являются существительные *der Geruch, der Duft, das Aroma, das Odeur, der Gestank*, имеющие в себе категориальный смысл «ольфакторный признак» и отражающие способность человека мыслить признаки независимо от их носителей. Данные существительные представляют собой вербализации знаний человека о запахе как статической сущности, связанной с источником и обладающей дополнительными признаками, отражающими уточнения познающего субъекта.

Знания о разнообразии запахов реализуются в конструкциях, включающих наряду с упомянутыми существительными возможный или реальный источник запаха. Среди них генитивные и предложные описания:

(1) *Und wie eigenartig, dass alles rings um dieses Gemälde verschwunden ist: der Tageslärm außerhalb des Ateliers, **der Geruch der Farbe** auf seiner Palette, die Stimmen der Hausgenossen, die Speisen, die er an jenem Tag zu sich genommen hat* (Noteboom 2006).

(2) *Der **Duft von gekochtem Gemüse** zieht durch den Raum, denn später wird — natürlich — gemeinsam gegessen* (Piepgras 2017).

(3) *Das **Aroma der Apfels** ist süß fruchtig* (Aigner 2018).

(4) *Der Biochemiker Stephen Mitchell vom Londoner University College verglich den Geruch mit dem **Odeur von «gekochtem, vergammeltem Kohl»*** (Willmann 2020).

(5) *Zwei Tage lang bleibt **der Gestank nach verkohltem Gummi** wie ein Vorwurf im Innenraum des Fiat hängen* (Hippel 2017).

Языковые конструкции, в которых реализуется слот классификационного фрейма, отражающий статические представления о запахе, могут быть дополнены оценочными прилагательными, выражающими отношение человека к воспринимаемому запаху:

(6) *Während ich mir einrede, dass es nur ein Luftzug ist, steigt mir **ein ekelhafter Geruch** in die Nase, als ob mir jemand direkt ins Gesicht atmet* (Schmidt 2009).

(7) *Ohne **maskierende Düfte** würde nämlich kein Mensch einen Haushaltsreiniger verwenden wollen...* (Bessing 2017).

(8) *«**Natürliches Aroma**», das nach Himbeere schmeckt, lässt sich aus Zedernholz oder mithilfe von Essigsäurebakterien aus Hopfen gewinnen* (Wolf 2015).

(9) ***Bestialischer Gestank** treibt die Bewohner eines Germeringer Mehrfamilienhauses fast in den Wahnsinn* (Gehre 2018).

Наиболее полная информация представлена в предложениях, содержащих существительные — номинации запаха, указание на источник и уточняющее прилагательное:

(10) *Dazu kam noch **der Geruch von fauligem Holz**, den sie verströmten (er hing mit ihren Schlafgewohnheiten zusammen), und ganz besonders ihre abstoßende Art der Ernährung* (Moers 2019).

(11) *Über Wickers Field liegt **der süße Duft von Heu**, und wie es sich für ehemalige Schlachtfelder gehört, singen Vögel, zirpen Grillen* (Albrecht 1999).

(12) ***Das herrliche Aroma eines frischgebrühten Kaffees** in der Küche — es gibt doch nichts Besseres, um die morgendlichen Anlaufschwierigkeiten zu überwinden* (Boost 2016).

(13) *Woher kommt **der muffige Geruch alter Bücher?*** (Redaktion WiD 2016).

(14) *Im Krankenhaus von Palangkaraya breitet sich **der süßliche Gestank von Verwesung** aus* (Willke 2011).

Языковыми объективациями второго слота являются глаголы манифестации запаха *riechen*, *stinken*, *duften*, используемые в безличных конструкциях, и образованные от них причастия. Категориальный смысл «ольфакторный признак» в данном случае имеет процессуальный характер, реализующийся в указании на распространение запаха в обонятельном пространстве человека.

Информация о разнообразии запахов выражается в конструкциях, содержащих глагол манифестации запаха, а также существительное, указывающее на реальный или возможный объект-источник:

- (15) *Es **riecht** nach frischem Holz* (Aulich 2015).
- (16) *Eingeklemmt zwischen Koffern und nach Schweiß **riechenden** Körpern, musterte Gwenaelle ihre Mitreisenden* (Winter 2017).
- (17) *Es **stinkt** nach verbleitem Benzin* (Raether 2015).
- (18) *Der malaiische *Amorphophallus paeoniifolius* besitzt bizarr anmutende, ca. 40 cm große, intensiv nach faulem Fleisch **stinkende** Blütenstände* (Gerlach, Renner 2012).
- (19) *Und Josef **duftet** jetzt auch noch ein bisschen nach Kokosnuss* (Souiron 2006).
- (20) *Zimt-Aroma ist ein nach Zimt **duftender** Kardamon* (Duftendes Zimt-Aroma 2020).
- Заполненный информацией об источнике слот классификационного фрейма может уточняться дополнительными деталями, связанными с количественной или качественной оценкой запахов человеком:
- (21) *Ältere Hunde riechen von Natur aus **strenger** — ganz ohne Krankheiten* (Albrecht 2017).
- (22) *Was sind das für **seltsam** und **unangenehm** riechende Pflanzen?* (Unangenehm riechende Pflanzen 2005).
- (23) *«Es hat **bestialisch** gestunken», so Udo Cordes, «der Sack war doppelt zugeknotet und als ich ihn öffnete, guckte mich ein Tier an»* (Geschonke 2018).
- (24) *Ich war in meinen gesamten sozialem Umfeld dafür bekannt **extrem stinkende Füße** zu haben?* (Noch Fragen 2011).
- (25) *Die Spaghetti duften **angenehm** und schmecken ausgezeichnet* (Spaghetti di Gragnano Pasta IGP 2020).
- (26) *Leuchtend rot, rund, **herrlich** duftend: im Saarland sind die ersten Erdbeeren reif* (Rehlinger 2019).
- Более подробные описания реализуются в языковом фрагменте, содержащем информацию об объекте, а также оценку процесса распространения запаха:
- (27) *Für viele Japaner **riechen** wir Europäer **unangenehm nach den Milchprodukten**, die wir verzehren* (Parker 2016).
- (28) *Ihre Blüten **stinken intensiv nach Pferde-Urin*** (Gerlach, Renner 2012).
- (29) *Prada Candy **duftet leicht orientalisch nach Benzoeharz** und gleichzeitig **süßlich nach Karamell** und intensiv nach weißem Moschus* (Hartmann 2016).

Разнообразие языковых объективаций описанных слотов классификационного фрейма представлено в таблице (см. Табл. 1).

Таблица 1. Классификационный фрейм «ольфакторный признак»

слово / сочетание	слот
der Geruch, der Duft, das Aroma, das Odeur, der Gestank + наименование источника	слот 1 – запах (независимость признака)
der Geruch, der Duft, das Aroma, das Odeur, der Gestank + уточнения	
der Geruch, der Duft, das Aroma, das Odeur, der Gestank + наименование источника + уточнения	
riechen, stinken, duften (а также причастия) + наименование источника	слот 2 – запах (процессуальность)
riechen, stinken, duften (а также причастия) + уточнения	
riechen, stinken, duften (а также причастия) + наименование источника + уточнения	

В первом случае средством объективации знания является имя существительное, привносящее в общую структуру элемент независимости признака от его источника; во втором случае знание об ольфакторном признаке реализуется в глагольной форме, позволяющей подчеркнуть процессуальность признака. Следует отметить идентичность в логике заполнения названных слотов уточняющей информацией. Наряду с простым указанием на ольфакторный признак, возможно его более детальное и специфическое описание: как с точки зрения объективных характеристик, так и с учётом индивидуального восприятия данной перцептивной характеристики познающим субъектом.

Логика использования фреймового анализа при изучении ситуативного знания демонстрируется на следующем языковом фрагменте:

(30) *Sie folgten ihren Nasen und stellten fest, dass die Wohnung des Hundehalters die Quelle des Geruchs war* (Vehren 2016).

Деление предложения на значимые информационные отрезки позволяет выявить элементы содержания, за которыми закреплено усвоенное носителем языка лексическое значение, соотносимое с узлами глобальной категориальной сетки. В рассматриваемом примере в качестве таких единиц выступают слова и группы слов: *sie, Nasen, stellten fest, die Wohnung, des Geruchs*. Следующим этапом фреймового анализа является переход от семантического уровня к концептуальному. Он заключается в соотношении лексического значения как формальной реализации заполненного конкретной информацией слота с категориальными элементами ситуационного фрейма через концептуальные признаки, лежащие в основе языковых зна-

чений названных слов. Движение от семантического уровня языка к единицам сознания базируется на процессе обобщения, позволяющем отразить наиболее важные признаки и от них осуществить переход к более крупным форматам знания — глобальной категориальной сетке.

В таблице 2 показано, какие концептуальные признаки лежат в основе зафиксированных в словаре лексических значений слов, отражающих основные смысловые доминанты, а также какие категории входят в структуру ситуационного фрейма «ольфакторный признак» (см. Табл. 2).

Таблица 2. Ситуационный фрейм «ольфакторный признак»

слово / сочетание	семантические признаки	концептуальные признаки	слот (категориальный узел)
<i>sie</i>	Bezeichnung für mehrere besprochene Personen oder Sachen aller drei Geschlechter	человек, одушевлённое или неодушевлённое существо	субъект
<i>Nasen</i>	Riechorgan des Menschen, der Tiere	орган обоняния, то, с помощью чего субъект получает ольфакторную информацию	инструмент
<i>stellten fest</i>	etw. bemerken, wahrnehmen	замечать, фиксировать ольфакторную информацию	познавательное действие
<i>die Wohnung</i>	ein in sich abgeschlossener Raum oder mehrere in sich abgeschlossene Räume, die einer Person oder mehreren Personen als ständige Unterkunft, zum Wohnen dienen	помещение, имеющее границы, предназначено для проживания человека	пространство
<i>des Geruchs</i>	Art, wie etw. riecht	ольфакторный признак объекта	признак объекта

Обобщение семантических признаков позволяет установить представленные ниже соотношения между слотами и их поверхностными реализациями:

- sie — субъект познания;
- Nasen — инструмент познания;
- stellten fest — познавательное действие;
- die Wohnung — место;
- des Geruchs — признак объекта.

Названные слоты ситуационного фрейма представляют собой значимые семантические роли и обстоятельства, вербализуемые автором языкового сообщения в процессе создания языкового фрагмента.

В качестве основных онтологических элементов, входящих в максимально полный по смыслу ситуационный фрейм «ольфакторный признак», могут быть названы субъект, объект, познавательное действие, признак объекта, инструмент, результат, пространство и время. Данные элементы представляют собой идеальный и избыточный набор слотов знания о ситуации ольфакторной перцепции, отдельные элементы которого в зависимости от ситуации заполняются конкретными данными и являются категориальным наполнением фрейма ситуации познания ольфакторного признака.

4. Заключение или выводы

Изучение языковых фрагментов, описывающих ситуацию ольфакторной перцепции, позволило сформулировать следующие выводы.

Специфика языкового выражения информации об ольфакторном канале восприятия проявляется в средствах вербализации знаний о запахе как объекте познания, с одной стороны, и в комплексной ситуации ольфакторной перцепции, с другой.

Форматом хранения знаний о запахе и различных видах запахов является классификационный фрейм, имеющий категориальное строение. Он является результатом познавательного взаимодействия человека с окружающей средой и имеет категориальную природу, включая в себя представления человека об определённом классе объектов, обладающих единым смыслом «ольфакторный признак». Фреймовый анализ позволил выявить два слота, отражающих основные способы осознания человеком ольфакторного признака: как независимый от объекта-носителя признак и как процесс его манифестации в сфере восприятия познающего субъекта. Средством объективации ольфакторного признака как независимого элемента является имя существительное — номинация запаха; процесс его распространения репрезентируется специальными глаголами и образован-

ными от них причастиями. Специфика заполнения слотов заключается в уточнении ольфакторного признака: с помощью дополнительного указания на реальный или возможный источник запаха, с одной стороны, или использования знаний об оценке воспринимаемого запаха познающим субъектом, с другой. В отдельных фрагментах отмечено совмещение названных языковых экспликаций.

Дополнительную информацию об обонятельном канале дают языковые фрагменты, описывающие цельную ситуацию познания запаха. Структурой представления знаний такого типа является ситуационный фрейм. Это динамическая реализация статического знания, обусловленная ситуацией и потребностями коммуникации. Слотами ситуационного фрейма являются категориальные узлы, отражающие основные онтологические элементы человеческого опыта: сведения о субъекте и объекте познания, его признаке, познавательном действии субъекта, пространственно-временных рамках ситуации, инструменте познания, а также результате воздействия запаха на человека.

Наличие статической и динамической форм знаний об ольфакторном признаке позволило описать отношение между классификационным и ситуационным фреймом как логическое взаимодействие общего и частного. Ситуационное знание представляет собой комплексную единицу, включающую в себя информацию о том, каким образом и при каких обстоятельствах человек познаёт ольфакторный признак. Языковой фрагмент является объективацией совокупности различных аспектов ситуативного знания, каждый из которых может быть рассмотрен как имеющий категориальное строение классификационный фрейм, имеющий план содержания и план выражения. Ольфакторный признак, в свою очередь, является центральным компонентом перцептивной ситуации, предопределяющим языковые реализации других элементов ситуационного фрейма.

Список литературы / References

- Баева Н. А., Варламенко И. Г. Английские фразеологизмы с перцептивным компонентом зрительной активности // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал / под ред. И. Ю. Колесова. Барнаул: АлтГПУ. 2014. С. 19–22. [Baeva, Natal'ya A., Varlamenko, Il'ya G. (2014) *Angliiskie frazeologizmy s pertseptivnym komponentom zritel'noi aktivnosti* (English Phraseological Units with a Perceptual Component of Visual Activity). In Kolesov, Igor' Ju (ed.) *Funktsional'no-kognitivnyi analiz yazykovykh edinit i ego applikativnyi potentsial*. (Functional and Cognitive Analysis of Linguistic Units and Potential Capacity of its Applicability). Barnaul: AltSPU, 19–22. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22. [Boldyrev, Nikolaj N. (2006) *Yazykovye kategorii kak*

- format znaniya (Linguistic Categories as a Format of Knowledge). *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 5–22. (In Russian)].
- Бондарко А. В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 276–282. [Bondarko, Aleksandr V. (2004) K voprosu o pertseptivnosti (On the Question of Perceptivity). In Apresyan, Yurii D. (ed.) *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* (Intimate Meanings: Word. Text. Culture). Moscow: LRC Publishers, 276–282. (In Russian)].
- Брылева Р. Ф. Перцептивные концепты и способы их объективации во французском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 22 (203). С. 17–20. [Bryleva, Rosa F. (2010) Pertseptivnye kontsepty i sposoby ikh ob'ektivatsii vo frantsuzskom yazyke (Perceptual Concepts and Ways of Objectifying them in French). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 22 (203), 17–20. (In Russian)].
- Вальваков Р. В. Реализация концепта «запах» в романе А. Толстого «Пётр Первый» // Перспективы развития современной филологии / под ред. Н. А. Павловой. Санкт-Петербург: Айсинг. 2013. С. 24–35. [Val'vakov, Roman V. (2013) Realizatsiya kontsepta «zapakh» v romane A. Tolstogo «Petr Pervyi» (Realization of the Concept of Smell in the Novel by A. Tolstoy “Peter the First”). In Pavlova, Natal'ya A. (ed.) *Perspektivy razvitiya sovremennoi filologii*. (Prospects of the Development of Modern Philology). Sankt Petersburg: Aising, 24–35. (In Russian)].
- Галич Г. Г. Категория или фрейм? // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 150–152. [Galich, Galina G. (2014) Kategoriya ili freim (Category or Frame?). *Herald of Omsk University*, 4, 150–152. (In Russian)].
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: МГУ. 2004. [Garbovskii, Nikolai K. (2004) *Teoriya perevoda* (Translation Theory). Moscow: MSU. (In Russian)].
- Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). Барнаул: БГПУ. 2008. [Kolesov, Igor' Ju. (2008) *Problemy kontseptualizatsii i yazykovoi reprezentatsii zritel'nogo vospriyatiya (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov)* (Problems of Conceptualization and Linguistic Representation of Visual Perception (based on the Material of English and Russian languages). Barnaul: BSPU. (In Russian)].
- Колупаева А. А. Национальные особенности концепта «запах» в русском языке // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 7 (63). С. 86–89. [Kolupaeva, Alla A. (2008) Natsional'nye osobennosti kontsepta «zapakh» v russkom yazyke (The National Characteristics of the Concept Smell in the Russian Language). *Tambov University Review. Series: Humanities*, 7 (63), 86–89. (In Russian)].
- Котенева И. А. Лексическая категория ЗАПАХ и ее концептуальные основы (на материале французского языка) // Единство системного и функционального анализа языковых единиц / под ред. О. Н. Прохоровой, С. А. Моисеевой. Белгород: БелГУ. 2006. Вып.9. Ч.1. С. 128–132. [Koteneva, Inna A. (2006) Leksicheskaya kategoriya ZAPAKh i ee kontseptual'nye osnovy (na materiale frantsuzskogo yazyka) (Lexical Category ODOR and its Conceptual Foundations (based on the Material of the French Language). In Prokhorova, Ol'ga N., Moiseeva, Sof'ya A. (eds.) *Edinstvo sistemnogo i funktsional'nogo analiza yazykovykh edinits* (Unity of Systemic and Functional Analysis of Linguistic Units). Belgorod: Belgorod National Research University. 128–132. (In Russian)].

- Манкевич И. А. А.П. Чехов: Ольфакторные сюжеты для небольшого рассказа // Человек. 2010. № 6. С. 146–163. [Mankevich, Irina A. (2010) A. P. Chekhov: Ol'faktornye syuzhety dlya nebol'shogo rasskaza (A. P. Chekhov: Odourial Plots for Small Story). *Journal "Chelovek"*, 6, 146–163. (In Russian)].
- Матвеева Т. М. Перцептивная категория запаха в языке профессиональных дегустаторов (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 118–122. [Matveeva, Tat'yana M. (2013) Pertseptivnaya kategoriya zapakha v yazyke professional'nykh degustatorov (na materiale nemetskogo yazyka) (Perceptual Category of Smell in Language of Professional Tasters (on the Basic of German language). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 24 (315), 118–122. (In Russian)].
- Мерзлякова А. Х. Типология адъективной метафоры // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора Владимира Григорьевича Гака / под ред. И. Б. Ворожцовой. Дубна: Феникс+, 2001. С. 104–116. [Merzlyakova, Al'fiya Kh. (2001) Tipologiya ad'ektivnoi metafory (Typology of Adjective Metaphor). In Vorozhtsova, Irina B. (ed.) *Lingvisticheskie issledovaniya. K 75-letiyu professora Vladimira Grigor'evicha Gaka* (Linguistic Research. To the 75th Anniversary of Professor Vladimir Grigorievich Gak). Dubna: Phoenix +, 104–116. (In Russian)].
- Нефедова Л. А., Ремхе, И.Н. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2 (015). С. 91–101. [Nefedova, Liliya A., Remkhe, Irina, N. (2008) Kognitivnye osobennosti perevoda nauchno-tehnicheskogo teksta (Cognitive Characteristics of Technical Translation). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2 (015), 91–101. (In Russian)].
- Ружин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100. [Ruzin, Igor' G. (1994) Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke (Cognitive Naming Strategies: Modes of Perception (Sight, Hearing, Touch, Smell, Taste) and their Expression in Language). *Topics in the Study of Language*, 6, 79–100. (In Russian)].
- Токмачева М. А., Кормильченко, Ю. Э. Особенности ольфакторной лексики для выражения аромата во французском языке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 4 (27). С. 71–76. [Tokmacheva, Marina A., Kormil'chenko, Yuriy, E. (2017) Osobennosti ol'faktornoy leksiki dlya vyrazheniya aromata vo frantsuzskom yazyke (Features of Olfactory Vocabulary for Expressing Aroma in French). *Issues of Modern Philology and Journalism*, 4 (27), 71–76. (In Russian)].
- Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике / под ред. Б. А. Успенского. М.: Прогресс. 1970. С. 250–299. [Ul'man, Stiven (1970) *Semanticheskie universalii* (Semantic Universals). In Uspenskii, Boris A. (ed.) *Novoe v lingvistike* (New in Linguistics). Moscow: Progress, 250–299. (In Russian)].
- Шилина А. В. Лингвокультурологический аспект изучения лексики ольфакторного восприятия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. С. 255–258. [Shilina, Angela V. (2013) Lingvokul'turologicheskiy aspekt izucheniya leksiki ol'faktornogo vospriyatiya (Linguoculturological Aspect of Studying the Vocabulary of Olfactory Perception). *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i*

- estestvennykh nauk (Topical Issues of the Humanities and Natural Sciences)*, 6, 255–258. (In Russian)].
- Bierwisch, Manfred. (1982) Formal and Lexical Semantics. *Linguistische Berichte*, 80, 3–17.
- Fillmore, Charles J. (1968) The Case for Case. In Bach, Emmon, Harms, Robert T. (eds.) *Universals in Linguistic Theory*. London: Holt, Rinehart and Winston, 1–25.
- Fillmore, Charles J. (1977) The Case for Case Reopened. In Cole, Peter, Sadock, Jerrold (eds.) *Grammatical Relations*. New York: Academic Press, 59–81.
- Fillmore, Charles J. (1985, December) Frames and the Semantics of Understanding. *Quaderni di semantica*. Retrieved from <http://www.icsi.berkeley.edu/pubs/ai/framesand85.pdf>
- Jackendoff, Ray S. (1983) *Semantics and Cognition*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Johnson, Mark. (1987) *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, George, & Johnson, Mark. (2008, December 19) *Metaphors we Live by*. Retrieved from https://books.google.ru/books/about/Metaphors_We_Live_By
- Minsky, Marvin. (1974, June) *A Framework for Representing Knowledge*. Massachusetts Institute of Technology. Retrieved from <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/6089/AIM-306.pdf>.

Источники фактического материала / Factual information resources

- Aigner, Susanne (2018, Oktober, 17) Vitaminsegen oder Agrarwüste. *Brights — Die Natur des Zweifels*. Retrieved from <https://brightsblog.wordpress.com/2018/10/17/vitaminsegen-oder-agrarwueste>. (In German).
- Albrecht, Erich. (2017) Wenn der Hund stinkt. *hunde-zone.at*. Retrieved from <http://www.hunde-zone.at/hundepflege/wenn-der-hund-stinkt.html>. (In German).
- Albrecht, Joerg. (1999, Juni 24) Was Ambrose Bierce von Shiloh sah. *Zeit Online*. Retrieved from https://www.zeit.de/1999/26/Was_Ambrose_Bierce_von_Shiloh_sah/komplettansicht. (In German).
- Aulich, Uwe. (2015) Dinner im Dunkeln. *Dialog im Dunkeln*. Retrieved from <https://imdunkeln.at/home/dinner-im-dunkeln>. (In German).
- Bessing, Joachim. (2017, März 16) Riechst du das? *Zeit Online*. Retrieved from <https://www.zeit.de/2017/12/duftstoffe-geruch-synthetik-raumduft-mief>. (In German).
- Boost, Lora. (2016, Oktober 18) Kaffeemaschine mit Mahlwerk und Timer. *Pearl*. Retrieved from <https://www.pearl.ch/ch-mtrkw-7990-kaffeemaschinen-mit-mahlwerken-und-timern.shtml>. (In German).
- Duftendes Zimt-Aroma (2020) *Enseleit*. Retrieved from <https://enseleits.de/zimt-aroma-zimtaroma-pflanze-elettaria-cardamomum-frisches-zimt-aroma-im-12-cm-topf.html>. (In German).
- Gehre, Tobias. (2018, Januar 02) Bestialischer Gestank in Germeringer Haus quält Nachbarn. *TZ*. Retrieved from <https://www.tz.de/muenchen/region/bestialischer-gestank-in-germeringer-haus-quaelt-nachbarn>. (In German).
- Gerlach, Günter, & Susanne, Renner. (2012, Februar) Stinkende Pflanzen. *Zeitschrift für Wissenschaft & Kunst in Bayern*. Retrieved from https://www.botmuc.org/de/garten/2012/02-21_stinkende_pflanzen.html. (In German).

- Geschonke, Marc. (2018, April 24) Es hat bestialisch gestunken. *Nordwest Zeitung*. Retrieved from <https://www.nwzonline.de/oldenburg/blaulicht/oldenburg-hude-es-hat-bestialisch-gestunken>. (In German).
- Hartmann, Michelle. (2016, Oktober 25) Fünf Parfum-Klassiker, die mehr über den Charakter einer Frau verraten als ihre Handtasche! *Elle*. Retrieved from <https://www.elle.de/parfum-charakter>. (In German).
- Hippel, Sebastian. (2017, Dezember 22) Gestank nach verbrannten Gummi im Fahrerhaus. *TX Board*. Retrieved from <https://tx-board.de/threads/gestank-nach-verbrannten-gummi-im-fahrerhaus.117695>. (In German).
- Moers, Walter. (2019, September 09) *Die 13 1/2 Leben des Käpt' n Blaubär*. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=CQGSdWAAQBAJ&pg=PT22&lpg=PT22&dq=Da+zu+kam+noch+der+Geruch+von+fauligem+Holz,+den+sie+verstr%C3%B6mten&source>. (In German).
- Noch Fragen? (2011, Mai 19) *Stern*. Retrieved from <https://www.stern.de/noch-fragen/ich-habe-staendig-fussgeruch-egal-was-ich-fuer-schuhe-trage-was-ausser-waschen-kann-ich-dagegen-tun-1000238121.html>. (In German).
- Noteboom, Cees. (2006, Juli 13) Er sieht sich an, er sieht mich an. *Zeit Online*. Retrieved from https://www.zeit.de/2006/29/Geb_Rembrandt/komplettansicht. (In German).
- Parker, Martina. (2016, Januar, 23) 5 Dinge, die Menschen die gut riechen, richtig machen. *Wienerin*. Retrieved from <https://wienerin.at/5-dinge-die-menschen-die-gut-riechen-richtig-machen>. (In German)
- Piegras, Ilka. (2017, November 15) Gruß aus der Küche. *Zeit Magazin*. Retrieved from <https://www.zeit.de/zeit-magazin/2017/47/olafur-eliasson-kueche-studio-ernaehrung>. (In German).
- Raether, Elisabeth. (2015, März 26) Nur Stehklos für Sara. *Zeit Online*. Retrieved from <https://www.zeit.de/2015/13/gleichberechtigung-frauen-iran>. (In German).
- Redaktion WiD. (2016, Mai 22) Woher kommt der muffige Geruch alter Bücher? *Wissenschaft im Dialog*. Retrieved from <https://www.wissenschaft-im-dialog.de/projekte/wieso/artikel/beitrag/woher-kommt-der-muffige-geruch-alter-buecher/>. (In German).
- Rehlinger, Anke. (2019, April 30) Saarland. Erdbeersaison im Saarland eröffnet. *Homburg 1*. Onlinemagazin für Homburg und die Region. Retrieved from <https://homburg1.de/saarland-erdbeersaison-im-saarland-eroeffnet-72155>. (In German).
- Schmidt, Silke. (2009, Oktober 13) Geisterjagd im Untergrund. *Zeit Online*. Retrieved from <https://www.zeit.de/online/2009/44/edinburgh-vaults>. (In German).
- Souron, Susanne. (2006, März 06) Hunde-Waschanlage. Waschen, legen, bellen. *Stern*. Retrieved from <https://www.stern.de/panorama/wissen/natur/hunde-waschanlage-waschen--legen--bellen-3503624.html>. (In German).
- Spaghetti di Gragnano Pasta IGP (2020) *Gustini. Passione italiana*. Retrieved from <https://www.gustini.de/spaghetti-di-gragnano-igp.html>. (In German).
- Unangenehm riechende Pflanzen? (2005, Juni 03) *Garten-pur.de*. Retrieved from <https://forum.garten-pur.de/index.php?topic=6150.0>. (In German).
- Vehren, Manfred. (2016, März 14) Entlaufener Hund führt Polizisten zu Marihuanapflanze. *Urban.dog*. Retrieved from <https://www.urban.dog/du-und-dein-hund/entlaufen-gefunden/entlaufener-hund-fuehrt-polizisten-zu-marihuanapflanze>. (In German).

- Willke, Thomas. (2011, Mai 17) Die neuen Zeichen der Verwesung. *Wissenschaft.de*. Retrieved from <https://www.wissenschaft.de/gesundheit-medizin/die-neuen-zeichen-der-verwesung>. (In German).
- Willmann, Urs. (2020, Juni 13) Geniessen. *Zeit Online*. Retrieved from <https://www.audible.com/pd/Geniessen>. (In German).
- Winter, Claudia (2017) *Die Wolkenfischerin*. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=KE9VDwAAQBAJ&pg=> .(In German).
- Wolf, Jana. (2015, August 22) So künstlich sind natürliche Aromen. *Stern*. Retrieved from <https://www.stern.de/gesundheit/aromastoffe-in-lebensmitteln--so-kuenstlich-sind-natuerliche-aromen-6393290.html>. (In German).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-112-126

ДУША — СТРАДАНИЕ — СОВЕРШЕНСТВО: ДИАЛОГ УАЙЛЬДА С КРОПОТКИНЫМ И ДОСТОЕВСКИМ¹

С. Б. Королева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

О «русской теме» в творчестве О. Уайльда написано немало. Однако вопрос о русских источниках мотивов страдания и совершенствования души у Уайльда не прояснен. Цель статьи — определить специфику восприятия философии анархизма П. А. Кропоткина в творчестве Оскара Уайльда в контексте ее соотнесенности с понятиями «нигилизм» и «жертвенность» и — через эти понятия — с романами Достоевского. Основным материалом исследования является его философско-политическое эссе «Душа человека при социализме» и ранняя пьеса «Вера, или нигилисты». Основопологающий метод — сравнительно-исторический подход в литературоведении. Результатами исследования становятся выводы о том, что нигилизм-анархизм в рассматриваемых работах Уайльда соотносится с духовным психологизмом Достоевского через призму христианских мотивов жертвенности и страдания и что путь внутреннего совершенствования в философии индивидуализма Уайльда связан с соединением и пересозданием идей Кропоткина и Достоевского о душе, человеке и обществе.

Соединяя человеческую «душу» с «социализмом», определяя единственным несомненным образцом совершенства личность Христа, говоря о боли и страдании как пути раскрытия индивидуальности в современности, противопоставляя внутреннюю (или естественную) нравственность внешней морали, Уайльд вплетает в философию индивидуализма и эстетизма пафос нравственного, христианского в своей сути учения П. А. Кропоткина об анархизме. В эссе и отчасти в пьесе он также доносит до читателя идею восстановления внутренней нравственности через страдание и сострадание, воспринятую от Ф. М. Достоевского. В результате учение об индивидуализме становится в эссе Уайльда учением о естественном христианстве человеческой души и о восстановлении каждого человека в святом (нравственном) совершенстве через «истинный» социализм. Мотивы личностной любви и «социальной» боли, рождающейся среди несправедливостей и всеобщего несчастья, выстраивают в пьесе Уайльда тот самый образ пути совре-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310. The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00310.

менного человека к личностному совершенству, который он почти десятилетием позже изложит в эссе «Душа человека при социализме».

Ключевые слова: Оскар Уайльд; П. А. Кропоткин; Ф. М. Достоевский; мотивы страдания и жертвенной любви; нигилизм

Soul — Anguish — Perfection: Oscar Wilde's Dialogue with Kropotkin and Dostoevsky

Svetlana B. Koroleva

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Much has already been said about the 'Russian theme' in Oscar Wilde's works. Yet the question concerning Russian sources of the motifs of anguish and the soul's way to perfection has not yet been cleared up sufficiently. The article aims at defining the particular character of appropriating Petr Kropotkin's philosophy of anarchism in Wilde's works in the context of its reference to the notions of 'Nihilism' and 'self-sacrifice', and through them, to Dostoevsky's novels. The basic material of the research is Wilde's essay *'Man's Soul under Socialism'* and his early play *'Vera; or, The Nihilists'*. The key method used in the research is comparative analysis (in the way it is used in comparative literature). The author argues that in these texts, the motifs of Christian self-sacrifice and anguish bring Nihilism (understood as Kropotkin-style anarchism) together with the spiritual psychology of Dostoevsky and that the way to inner perfection in Wilde's philosophy of individualism is connected with the concepts of soul, man, and society the writer formulates based on Kropotkin and Dostoevsky.

Bringing the notion of 'soul' close to the notion of 'socialism,' defining Christ as a perfect personality, treating pain and anguish in contemporary society as a way to this sort of personality, and opposing inner feelings to outer morals, Wilde combines the philosophy of individualism with the pathos of Kropotkin's doctrine of anarchism: moral, even Christian at its core. He also adheres to the idea of resurrecting inner morals through anguish and compassion: the idea he appropriated from Dostoevsky. As a result, in Wilde's essay the doctrine of individualism turns into a doctrine of the soul's natural Christianity (holiness) and of resurrection in perfection through a 'true Socialism.' In Wilde's play *'Vera; or, The Nihilists'* the motifs of personal love and social pain, connected with social disorder and common unhappiness, constitute the very image of contemporary man's way to personal perfection that is philosophicaly described in his essay nearly ten years later.

Key words: Oscar Wilde; Petr Kropotkin; Dostoevsky; motifs of anguish and sacrificial love; nihilism.

1. Введение

О творчестве Оскара Уайльда принято говорить в связи с европейским эстетизмом рубежа XIX—XX вв. (Соколянский 1990; Луков 2007). Эстетизирующий свой образ, свою жизнь, филигранно обрабатывающий свое слово, Уайльд не просто утверждает прекрасное в себе, но ищет его в искусстве, людях, идеях, жизни. За этим утверждением и поисками стоит бунт против униженности человеческой личности — униженности социальным злом и безжалостным наступлением внешней морали на внутреннего человека. Эта униженность для Уайльда есть страшный, смертельный

диагноз современного *буржуазного* мира, поэтому мотивы его бунта и опоры для выбора направления этого бунта следует искать не только в философии и эстетике (у Уолтера Пейтера, Джона Рескина и Де Квинси, в частности), но в политике, общественном движении и литературе (см., в частности: [Акимова 2008: 7]).

Эти мотивы и опоры раскрыты в большом философском эссе Уайльда 1890 г. «Душа человека при социализме» (*The Soul of Man under Socialism*); на них строится идейное содержание его первого драматургического опыта — «русской пьесы» «Вера, или Нигилисты» (*Vera; or, the Nihilists*, 1881, опубликована впервые в 1902).

В эссе он размышляет о прекрасном как совершенном в самом себе и пророчит рождение в недрах европейской цивилизации «нового эллинизма» аристотелевской закваски (Wilde 1912: 99). Он в то же время говорит о прекрасном, которое может быть раскрыто в каждом человеке и в котором всегда и несомненно будет присутствовать внутренняя нравственность.

Соединяя в названии человеческую «душу» с «социализмом», определяя единственным несомненным образцом совершенства личность Христа, говоря о боли и страдании как пути раскрытия индивидуальности в современности, противопоставляя внутреннюю (или естественную) нравственность внешней морали, Уайльд во многом опирается на русские источники. Он вплетает в философию индивидуализма и эстетизма пафос нравственного, христианского в своей сути учения П. А. Кропоткина об анархизме; он проводит мысль восстановления внутренней нравственности через страдание и сострадание, воспринятую от Ф. М. Достоевского. В результате учение об индивидуализме становится в этой работе Уайльда учением о естественном христианстве человеческой души и о восстановлении каждого человека в святом (нравственном) совершенстве через «истинный» социализм.

Тесное знакомство Уайльда с творчеством Достоевского — факт неизвестный: рецензию на роман «Униженные и оскорбленные» Уайльд публикует за своей подписью в *Paul Mall Gazette* сразу после выхода в свет первого перевода на английский язык в 1887 г.; на роман «Преступление и наказание» он дает восторженную анонимную рецензию годом ранее в том же издании и упоминает о нем в рецензии на «Униженных и оскорбленных»; «Записки из Мертвого дома» — среди книг, которые он берет с собой в Рэдингскую тюрьму (Ипатова 2003). Следы воздействия творчества Достоевского отмечены различные эссе (в том числе, «Критик как художник», *De Profundis*) и художественная проза («Портрет Дориана Грея», «Преступление сэра лорда Артура Сэвила») английского писателя. В дра-

матическом диалоге «Упадок искусства лжи» (*The Decay of Lying*, 1889) Уайльд отсылает к Достоевскому и Тургеневу как писателям, создавшим «нигилиста» как «литературный продукт» (Wilde 1905: 34–35).

Не менее известен и факт личного знакомства Уайльда с князем Кропоткиным (Woodcock 1962: 447; Образцова 2001: 73), который с 1886 г. плотно осел в политически либеральном Лондоне и продолжил там свою просветительно-политическую деятельность, начатую много лет до этого в Женеве (в частности, начал издавать общественно-политическую газету *Freedom*). Русскому мыслителю Уайльд дает удивительную оценку в своем письме-исповеди *De Profundis* (написано в 1897 г., впервые опубликовано на немецком языке в 1904 г.): *Prince Kropotkin <...> [is] a man with a soul of that beautiful white Christ that seems coming out of Russia* (Wilde 1909: 96) / «Князь Кропоткин <...> человек с душой того прекрасного белого Христа, который, кажется, идет к нам из России» (Перевод здесь и далее мой. — С. К.).

Впечатления от глубокого знакомства с творчеством Ф. М. Достоевского и с работами и личностью П. А. Кропоткина помогают Уайльду определить *суть* своих представлений о человеке и *путь* к раскрытию человеком своей индивидуальности. Чтобы понять все тонкости взаимосвязей эссе Уайльда с анархизмом Кропоткина и романами Достоевского, необходимо обратиться к тексту самого эссе в контексте восприятия Уайльдом творчества Достоевского и в соотнесенности идей, высказанных в эссе, с философией анархизма П. А. Кропоткина. Это тем более необходимо сделать, потому что в работах об истории анархизма связь эссе Уайльда с анархизмом Кропоткина лишь упоминается, анализ же текстов выносится за рамки исследований. Специального исследования, посвященного «следу Достоевского» в уайльдовском эссе, также не существует.

Несомненный научный интерес представляет собой и вопрос о взаимосвязях эссе с ранней пьесой Уайльда «Вера, или нигилисты», в которой содержатся отсылки и к нигилизму (эксплицитно), и к анархизму, и к Достоевскому (имплицитно).

2. Характеристика материалов и методов исследования

Основным материалом исследования является эссе О. Уайльда «Душа человека при социализме», а также его пьеса «Вера, или нигилисты». К исследованию привлекаются другие работы О. Уайльда, а также труды П. А. Кропоткина — в первую очередь его «Речи бунтовщика». Материал рассматривается в тесной связи с другими источниками, заметно повлиявшими на творчество О. Уайльда, а также в контексте особого внимания к

русскому роману и (шире) русской культуре, возникшего в Западной Европе примерно в 80-е годы XIX века.

Исследование выполнено в соответствии с теоретическими положениями и принципами сравнительно-исторического метода в литературоведении, с подключением приемов компаративного исторического анализа, исторической поэтики и методики «пристального чтения».

3. Результаты исследования и их обсуждение

Из всех работ Кропоткина, получивших быструю и относительно широкую известность в странах Западной Европы, самой ранней была книга «Речи бунтовщика». Первоначально опубликованная в 1885 г. Париже на французском языке под названием *Paroles d'un révolté*, она сводила в общий корпус текстов, которые Кропоткин с 1883 г. писал для своей жене-невской газеты на французском языке *Le Révolté* («Бунтарь»). Газета пользовалась большой популярностью и, разумеется, была доступна Уайльду. В «Речах» Кропоткин излагает свои основополагающие идеи, другие его социально-философские работы будут иллюстрировать и развивать изложенные уже здесь положения.

Философия анархизма, изложенная в «Речах», исходит из того, что «государство — это отрицание свободы, <...> произвол», что современное общество построено на «неравенстве» и «эксплуатации человека» и что *это должно и может быть* исправлено (Кропоткин 2010: 55, 164). «<...> анархист отрицает не только все существующие законы, но и всякую возможность власти и авторитета» (Там же: 52), — утверждает Кропоткин и поясняет, что анархизм предлагает взамен ужасающе несправедливого социального порядка установить порядок свободно и взаимно согласующихся в индивидуальном, личностном, сердечном и потому естественном порядке воле, и что вместо норм и правил поведения, сковывающих «мысль» и унижающих человеческое достоинство, он предлагает свободное, равное, нерегламентированное развитие каждого человека (Там же: 52–53). «Беспорядок, это — <...> всякое восстание народа, разбивающего свои цепи <...> Это — восстание мысли накануне революции; <...> это — появление целого потока новых идей и смелых открытий <...> Беспорядок, наконец, это — расцвет лучших чувств и величайшего самопожертвования, это — эпопея высшей любви к человечеству» (Там же: 54). Анархизм в книге Кропоткина, таким образом, — это не только социально-политическая программа уничтожения всякой власти, любых проявлений доминирования одного человека над другим, но и идеология разрушения стереотипов и морали во имя свободной жизни человеческого духа, развития мысли, чувств, любви.

Удивительной современному человеку может показаться эта вера в «высшую любовь» в человеке, эта уверенность в том, что если всем людям дадут свободу от любых законов, в них всенепременно восторжествуют «новые нравственные обязательства», «простой», «жизненный положительный принцип человеческой морали» — принцип «равенства и солидарности», понимание зависимости личного счастья «от счастья всего человечества» (Кропоткин 2010: 10). За этой уверенностью стоит, конечно, инерция просветительской веры в человека — той концепции монолитной благодати человеческой природы и той критики социальных деформаций, которая позволила Руссо говорить о «естественном» человеке как человеке совершенном и искать искажения человеческого духа во внешних условиях существования, в неправильном социальном порядке и неправильных идеях.

Эта концепция в корне противоречит христианским представлениям о природе человеческой, пораженной грехом и потому неустойчиво сложной. Возможно, именно поэтому Кропоткин ссылается на «научное понимание жизни», подразумевая под этим в первую очередь свои наблюдения над явлениями взаимопомощи в природе. Эти наблюдения он обобщил и представил в книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» (*Mutual Aid: A Factor of Evolution*, 1902, одновременно в Лондоне и Нью-Йорке). В книге стремление к взаимопомощи, к единению определяется как естественное нравственное начало в животном и человеческом мире и объявляется истинным двигателем эволюции (Кропоткин 1991: 14). В то же время в кропоткинской концепции анархизма явственно проступает то, что отходило на задний план у просветителей: христианская этика. Базовым проявлением внутренней нравственности объявляется самопожертвование и стремление к единству, высшей степенью проявления этой нравственности — милосердная, высокая любовь.

В точке христианской жертвы и страдания в смысловом поле эссе Оскара Уайльда соединяются, казалось бы, два несоединимых русских мыслителя: П. А. Кропоткин и Ф. М. Достоевский.

Английский писатель идет во многом вслед за Кропоткиным. Так же, как Кропоткин, он мечтает о внешней и внутренней абсолютной свободе каждого человека, о том, чтобы в свободе (безвластии) раскрывалась человеческая личность, и точно так же, как русский анархист, он верит — через Кропоткина «заглядывая» в философию Руссо — в абсолютно благое начало в человеке. Не случайно в его описаниях этого свободного благого начала признак «естественности» оказывается ведущим: *It will be a marvelous thing — the true personality of man — when we see it. It will grow naturally and simply, flower-like, or as a tree grows. <...> It will have wisdom. <...> It*

will be as wonderful as the personality of a child (Wilde 1912: 23–24) / «Подлинная личность человека будет чудесным открытием — тогда, когда мы ее увидим. Она будет расти просто и естественно, как цветок или дерево <...> В ней будет мудрость. <...> Она будет таким же чудом, как душа ребенка».

В отличие от Кропоткина Уайльд при этом не дает никакого имени этому благому началу, ибо важнейшая для него заповедь — заповедь индивидуализма: «Будь собой» (*Be thyself*). Именно так Уайльд прочитывает и пафос христианства, и личность Христа (Ibid.: 24). Однако за реализованной индивидуальностью, за совершенной личностью в качестве *постоянного* признака закрепляется в его эссе «мир, покой»: *The note of the perfect personality is not rebellion, but peace* (Ibid.: 23) / «Знаком совершенной личности является не борьба, но покой». Личность же, стремящаяся в современном искаженном обществе к совершенству, выделена у Уайльда «болью» (*pain*) и «страданием» (*suffering*).

И в том и в другом признаке — так же, как в выдвижении в качестве идеала простоты ребенка, — проявлена, конечно, христианская этика. Однако признак боли, страдания в стремлении человека в современном дисгармоничном обществе к совершенству эксплицитно возводится в эссе к русским источникам: *Even now, in some places in the world, the message of Christ is necessary. <...> A few Russian artists have realised themselves in Art; <...> its dominant note is the realisation of men through suffering. But for those who are not artists, and to whom there is no mode of life but the actual life of fact, pain is the only door to perfection* (Ibid.: 95–96) / «Даже теперь для некоторых стран призыв Христа необходим. <...> Несколько русских художников реализовали себя в искусстве, <...> его доминантой является реализация личности человека в страдании. Но для тех, кто не является художником и для кого единственный образ жизни — это непосредственно фактическая жизнь, боль есть единственный путь к совершенству».

Уайльд не проясняет здесь имен русских авторов, но оглядываясь на его рецензии на «Униженных и оскорбленных», а также на «Преступление и наказание», можно говорить о том, что подразумеваемый список включает в себя в первую очередь, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Более того, именно в связи с Достоевским Уайльд в этих рецензиях рассуждает о «страданиях» (*anguish, torture*) и «жертве» (*sacrifice*) (Ипатова 2003: 267–270), в связи с чем становится очевидным, что имплицитно в своем эссе Уайльд подразумевает именно Достоевского.

Продолжая свое размышление о современном человеке, обществе и России, Уайльд сопоставляет идею страдания, выраженную в русской литературе (как мы понимаем, здесь подразумевается в первую очередь, Досто-

евский), с идеей боли и протестом против всякой власти, выражаемых, как утверждает английский писатель, в русском нигилизме: *A Nihilist who rejects all authority, because he knows authority to be evil, and welcomes all pain, because through that he realises his personality, is a real Christian. To him the Christian ideal is a true thing* (Wilde 1912: 96) / «Зная, что любая власть несет зло и отрицая власть как таковую, приветствуя любую боль как то, что дает возможность раскрыть личность, нигилист является настоящим христианином. Для него христианский идеал — подлинная реальность».

И боль, и протест следует отнести на счет анархизма, призывающего к освобождению человека и из социально-политических, и из духовных, идейно-идеологических тенет и зовущего к открытому восстанию, а значит, и боли. Имплицитно здесь подразумевается, конечно, Кропоткин, столь близко и в личностном, и в философском плане воспринятый Уайльдом (см., например: [Williams 2011]). В то же время через слово «нигилизм», которое в «Упадке лжи» Уайльд прямо соединяет с Достоевским, отсылка к Кропоткину есть одновременно и отсылка к Достоевскому. Цементирующим же основанием для объединения этих двух русских мыслителей в поле уайльдовского эссе является призыв к совершенствованию через страдание (за свободу личности и, следовательно, за благое в человеке), за которым Уайльд видит следование «христианскому идеалу».

Конечно, в исходной мысли Уайльда о том, что корень несвободы человека лежит не столько в государстве и государственности, сколько в частной собственности, в самом принципе *буржуазного* социального устройства, читается, скорее, влияние английских социалистов (начиная с Годвина и заканчивая У. Моррисом и Б. Шоу (Van de Kamp, Leahy 1983; Giudicelli 2016), чем Кропоткина. О том, что в пафосе индивидуализма, самоценности личности и разворачивания ее бытия в свободе и естественности, уайльдовские идеи, конечно, соотносятся с работами главного идеолога английского эстетизма Уолтера Пейтера, говорить излишне (см., в частности: [Ellman 1988]).

Однако и в случае с английским социализмом, и в случае с английским эстетизмом Уайльд переводит разговор в плоскость души (*soul*), соучастия (*sympathy with sufferings, sympathy with success*) и самоотверженности (*unselfishness*), что для него и всей английской (шире — западноевропейской) культуры конца XIX — начала XX века означало, так или иначе, восприятие «русской точки зрения» (в терминологии Вирджинии Вулф).

Действительно, для Уайльда эстетизм и индивидуализм означает далеко не внешнее совершенство и далеко не только способность и возможность в полноте выразить себя: «Благородный эстетизм Уайльда подходит к “религиозным безднам”» (Акимова 2008: 9). В этом он отходит от стрем-

ления к совершенству формы, столь характерному для Пейтера. Повторяющиеся отсылки к Христу и христианству, к покою и чистоте, к страданию и боли, к совершенствованию и совершенству в гармонии с миром со всей очевидностью свидетельствуют о том, что индивидуализм и эстетизм для Уайльда означает восхождение к совершенному человеку, моделью же такого человека он видит Христа.

На пути к этому «эллинистически» или аристотелевски понятому Христу современному человеку, как это отчасти эксплицитно, отчасти имплицитно излагается в эссе Уайльда, не миновать страдания — анархически-религиозного, в духе Кропоткина и его философии, или же духовно-мистического, в духе Достоевского. Общий же поворот ко Христу для современной Западной Европы Уайльд видит не просто на путях социализма как установления социального равенства, но на путях внутреннего социализма, то есть отказа от идей обладания и действия в пользу бытия души: *The true perfection of man lies, not in what man has, but in what man is <...> What Jesus does say is that man reaches his perfection, not through what he has, not even through what he does, but entirely through what he is* (Wilde 1912: 18, 27) / «Подлинное совершенство человека лежит не в области того, что он имеет, но в области того, чем он является <...> Христос говорит как раз о том, что человек достигает совершенства не через обладание и даже не через действия, но только через то, что он есть сам по себе».

Соединяя «свободу», «совершенство» и «душу» в философию истинного индивидуализма, Уайльд объединяет изыскания английского социализма и эстетизма, касающиеся формы (человеческого существования), с религиозностью русского анархизма и русского философско-психологического романа, касающейся сути (человеческой души). Более того, можно сказать, что в своем эссе Уайльд объединяет и две далеко разошедшиеся в истории человеческой культуры перспективы: перспективу гениальности и перспективу святости — в едином представлении о «ново-эллинистическом совершенстве» человека: *The new Individualism is the new Hellenism* (Wilde 1912: 99). В этом смысле Уайльд не столько противопоставляет нигилизм искусству, как утверждается в исследовании Кавендиш-Джоунс (Cavendish-Jones 2013), сколько сопоставляет их как два пути к совершенной личности. Но если путь искусства — вечный путь избранных, то путь нигилизма (читай: анархизма) — временный путь для всего современного человечества, охваченного буржуазным социально-политическим устройством и миропониманием.

Идея внутреннего, жертвенно-христианского совершенства человека в творчестве Уайльда, очевидно, соотносится с общим поворотом западно-европейской культуры эпохи конца XIX — начала XX вв. к внутреннему

бытию человека, к сострадательной сущности его души, — поворотом, во многом свершившимся под знаком русской культуры. Одним из наиболее ранних свидетельств этого поворота явился труд французского мыслителя Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» (*Le Roman russe*, 1886). Сразу получивший относительно широкую известность в западных странах, он был переведен на английский язык в 1913 г. и к этому году переиздан во Франции уже одиннадцать раз. Весьма красноречива оценка книги Вогюэ, данная в журнале «Рашн Ревью» (*Russian Revue*) в рецензии на английский перевод. В ней говорится о том, что труд Вогюэ — «восхитительное», «проницательное» и «очень убедительное» исследование, «очень много» сделавшее «для закрепления славы русских романистов» (Review 1913).

Вогюэ едва ли не первым ясно озвучил общую мысль об утрате западным человеком христианской веры и вместе с ней цельности и человечности в эпоху всеобщего позитивизма и механизации (Трыков 2018). «Религиозность» при этом Вогюэ связал с «душой», душевностью и одушевленностью; противостоящую ей «научность» — с «механистичностью», «атомарностью» мышления и душевным омертвением. На положительном полюсе этого вектора у Вогюэ оказался «русский роман» (а также, хотя и в меньшей степени, роман английский); на отрицательном — романы классического французского реализма, а также вся современная западная цивилизация. В качестве важнейшей составляющей содержания «русского романа», т. е. произведений И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, Вогюэ назвал «сочувствие», освященное «духом Нового Завета» (Vogüé 1913: 18).

Когда спустя почти сорок лет Вирджиния Вулф напишет о том, что «русская точка зрения» для нее — это «душа, которая является главным героем русской литературы» (*the soul that is the chief character in Russian fiction*), «призыв» «в мире, разрывающемся от страданий», «понять и принять страдающих рядом с нами <...> всем сердцем» (*the assumption that in a world bursting with misery the chief call upon us is to understand our fellow-sufferers <...> with the heart*) (Woolf 1966), она не только повторит (со смысловым приращением) то, что до нее сказал Вогюэ и многие другие европейские, в том числе английские, интеллектуалы (включая М.Бэринга, Дж. Голсуорси, К. Мэнсфилд, У. Джехарди [Королева 2014: 136–158; Красавченко 2017]), но и продолжит ту линию восприятия романов Достоевского через боль социальной несправедливости, которую наметил в своем философско-политическом эссе О.Уайльд.

В пьесе Уайльда «Вера, или Нигилисты» — самом раннем драматическом опыте английского писателя — «русская точка зрения» также завязана на теме сострадания и боли. Пьеса написана под непосредственным

воздействием событий вокруг вооруженного нападения Веры Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова в 1878 г., суда над ней, ее оправдания, попытки нового ареста и ее эмиграции в Швецию. В то же время она связана с общим интересом Уайльда к России — в первую очередь, в связи с личным знакомством с русскими политическими эмигрантами (Павлова 1986), а также глубоким воздействием русского романа на английскую литературу.

О том, что нигилизм (анархизм) соотносится в сознании Уайльда с нравственным идеалом сострадательной любви к ближнему своему, говорят уже первые строки этой пьесы: слова разных людей, обрисовывающие главного персонажа Веру, акцентируют в ней черты задумчивости и сострадания: *Vera has got too many ideas* (ее отец Петр Сабуров), *Vera is always thinking of others* (Михаил, работник Петра, влюбленный в Веру) (Wilde 1902: 8–9).

Пролог пьесы относится к 1795 году, основное действие — к 1800 году. Это явный анахронизм: нигилизм и терроризм как формы социально-политического протеста получили распространение в России не ранее середины XIX века. В пьесе много и других культурно-исторических неточностей: среди ее персонажей — «царь Иван» (1796—1800 гг. — время, относящееся к периоду правления Павла I, в 1795 г. на российском престоле была еще Екатерина II), его сын «Алексис Иваначевич» (Alexis Ivanacievitch), «князь Павел Мараловский» — «премьер-министр России», «профессор Марфа». Интересна пьеса, конечно, не своим псевдоисторизмом, но соединением темы самоотверженной борьбы за социальную справедливость с темой сострадания и чистой, жертвенной любви. В книге Образцовой о театре О. Уайльда об этом говорится как о борьбе за политическую свободу и за страстную любовь (Образцова 2001).

Сюжет пьесы сплетается из двух фабульных линий, выстроенных вокруг главных героев Веры и Алексея. Вера случайно сталкивается с политическими арестованными, которых направляют по этапу в Сибирь, и узнает в одном из них своего брата Дмитрия. Под впечатлением от этой встречи она решает, что государство, в котором крестьянам дозволено только пахать землю и подчиняться «господам» и не дозволено ни читать, ни писать, ни сомневаться, устроено несправедливо и что она должна начать борьбу с государством — за брата и всех пострадавших от власти предрержащих. Так Вера становится одним из предводителей нигилистов-террористов в Москве.

Нельзя сказать, чтобы общество нигилистов было охарактеризовано абсолютно положительно в пьесе Уайльда: заговорщики фанатичны, ограничены, категоричны, близоруки (Валова 2009а). В их конспиративное

общество входит некий «студент Алексей», который оказывается наследником престола и становится царем после гибели отца от рук нигилистов. В отличие от остальных нигилистов Алексей — идеальный герой, близкий в своем великодушии, милосердии, смирении образам Счастливого Принца и Молодого Короля в сказках Уайльда (Knight 1962: 306). Алексей и Вера в поэтической структуре пьесы по своей человечности, тонкости душевного устройства, одаренности силой духа и чувствительности противопоставлены не только власти и социальному устройству, но и своим единомышленникам. Это, конечно, соответствует одной из центральных идей уайльдовского творчества: романтической в своем основании идее выделенности Художника из толпы, несводимости личности избранного гения к общей норме.

Алексей решает перевернуть существующий порядок в стране, дать народу демократические свободы. Нигилисты об этом не знают и составляют против него новый заговор. Вера должна убить Алексея, но при встрече понимает, что любит его, что он взошел на престол, чтобы «освободить» народ из-под гнета царизма, и что она сама любима им. Она пронзает не его, но свое сердце и выбрасывает кинжал в окно — сигнал для ее сообщников о том, что царь погиб от ее руки. Последний поступок Веры совершен во имя спасения любимого. В то же время последние ее слова — это слова о спасении страны: *I have saved Russia* (Wilde 1902: 72) / «Я спасла Россию».

В пьесе проблема социально-политической несправедливости и сложное сплетение социально-политических и личных отношений решается через понятие жертвы: жертвен Дмитрий, мечтающий о свободе «многих миллионов людей», действующий и страдающий во имя нее; жертвенна Вера, погибающая за благополучие России и жизнь любимого; жертвен Алексей, готовый отдать полноту абсолютной власти за счастье народа. Мотив жертвы, сострадания, внутренней боли, рождающейся среди несправедливостей и всеобщего несчастья, выстраивает в пьесе Уайльда тот самый образ пути современного человека к личностному совершенству, который он почти десятилетием позже изложит в эссе «Душа человека при социализме». В этом смысле внутренняя форма слова ‘Vera’ не столько противопоставлена внутренней форме слова ‘Nihilist’ (как утверждается в статье О. М. Валовой (Валова 2009b), сколько сопоставлена с ней. И Вера, отрицающая несправедливую власть, и нигилисты, готовые убрать всю верхушку власти насильственным способом, перевернуть социальный строй, верят в возможность улучшения общества путем насилия — жертвы — самопожертвования.

В пьесе, как и в эссе, ощутимы отсылки и к П. А. Кропоткину, и к И. С. Тургеневу, и к Ф. М. Достоевскому. Все они объединены ощутимым подтекстом христианской нравственности, жажды свободы и надежды на перерождение общества через личный поступок самоотречения.

4. Заключение

Как видим, поиски совершенной личности приводят О. Уайльда уже в 1880-х годах к проблеме внутреннего совершенствования в условиях современного несправедливого социально-политического устройства. Такое совершенствование оказывается неразрывно связанным как в его ранней пьесе, так и в его философско-политическом эссе с понятиями сострадания и жертвы — понятиями христианскими в своем основании и русскими в путях «реабилитации» в западноевропейском сознании на рубеже XIX—XX веков. Особенности восприятия русских источников в творчестве О. Уайльда следует считать: а) неразрывную связь анархизма с нигилизмом: эти понятия у Уайльда сливаются до неразличимости; б) прочитывание анархизма-нигилизма как действенной сострадательной, жертвенной социально-политической борьбы за личность; г) восприятие учения и личности П. А. Кропоткина и романов Ф. М. Достоевского через мотивы страдания, боли, жертвы, совершенствования души; д) обнаружение в русских источниках единственно верного — в современных условиях социальной несправедливости и умерщвляющего давления на человека буржуазной собственности и собственничества — пути к внутреннему совершенствованию: христианского пути страдания и сострадания.

Список литературы / References

- Акимова О. В. Этика и эстетика Оскара Уайльда. Учеб. пособие / под ред. Н. Я. Дьяконовой. СПб.: Алетея, 2008. [Akimova, O'ga V. (2008) *Etika i estetika Oskara Uajl'da*. Ucheb. posobie, pod red. N. Ya. D'yakonova (Ethics and Aesthetics of Oscar Wilde. A textbook. In N. D'yakonova (ed.). Saint Petersburg.: Alatejja. (in Russian)].
- Валова О. М. Заглавие как формулировка основных проблем в пьесе О. Уайльда «Вера, или Нигилисты» // Вестник ТГУ. Филология. 2009а. Вып. 7 (75). С. 296–300. [Valova, Ol'ga M. (2009a) *Zaglavie kak formulirovka osnovnyh problem v p'ese O. Uajl'da «Vera, ili Nigilisty»* (The Title as a Means of Formulating the Basic Problem in Oscar Wilde's Play "Vera; or, The Nihilists"). *Vestnik TGU. Filologija*. 7 (75), 296–300. (In Russian)].
- Валова О. М. Проблема нигилизма и гуманистические тенденции пьесы О. Уайльда «Вера, или нигилисты» // Вестник Вятского государственного университета. 2009b. Т. 2, №. 4. С. 189–196. [Valova, Ol'ga M. (2009b) *Problema nigilizma i gumanisticheskie tendencii p'esy O. Uajl'da «Vera, ili nigilisty»* (The Problem of Nihilism and Humanistic Tendencies in O. Wilde's Play "Vera; or, The Nihilists"). *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (4), 189–196. (In Russian)].

- Ипатова С. А. Неизвестная рецензия Оскара Уайльда на «Преступление и наказание» // Pro memoria: памяти академика Г. М. Фридлендера / Сб. статей. СПб.: Наука, 2003. С. 250–271. [Ipatova, Svetlana A. (2003) Neizvestnaja recenzija Oskara Uajl'da na «Prestuplenie i nakazanie» (An Unknown Review by Oscar Wilde of “Crime and Punishment”). In *Pro memoria: pamjati akademika G. M. Fridlendera / Sb. statej.* (Pro Memoria: Dedicated to Academic Georgij. M. Fridlender. Collected Essays). Saint Petersburg: Nauka, 250–271. (In Russian)].
- Королева С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: Директ-Медиа, 2014. 314 с. [Koroleva, Svetlana B. (2014) *Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-h godov)* (The Myth of Russia in British Culture and Literature (until the 1920s)). Moscow: Direkt-Media. (In Russian)].
- Красавченко Т. Н. Уильям Дзехарди: английский писатель с русским акцентом — о революции и Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 941–957. [Krasavchenko, Tatiana N. (2017) Uil'jam Dzhehardi: anglijskij pisatel' s russkim akcentom — o revoljucii i Grazhdanskoj vojne (William Gerhardt: an English Writer with a Russian Accent — about Russian Revolution and Civil War). *Quaestio Rossica*. 5 (4), 941–957. (In Russian)].
- Кропоткин П. А. Этика. Происхождение и развитие нравственности. М.: Политиздат, 1991. [Kropotkin, Petr A. (1991) *Etika. Proishozhdenie i razvitie npravstvennosti* (Ethics. The Genesis and Development of Morals). Moscow: Politizdat. (In Russian)].
- Кропоткин П. А. Речи бунтовщика / Пер. с фр. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. [Kropotkin, Petr A. (2010) *Rechi buntovshhika*, per. s fr. (Speeches of a Revolutionary, tr. from French). Moscow: LIBROKOM. (In Russian)].
- Луков Вл. А., Соломатина Н. В. Феномен Уайльда. Тезаурусный анализ. М.: МосГУ, 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov&Solomatina_Wild. (дата обращения: 20.09.2020). [Lukov, Vladimir A., Solomatina, Nataliya V. (2007) (2020, September 20) *Fenomen Uajl'da. Tezaurusnyj analiz.* (Phenomenon of Wilde. Analysis of Thesaurus.) М.: MosGU. Retrieved from http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov&Solomatina_Wild. (In Russian)].
- Образцова А. Г. Волшебник или шут? Театр Оскара Уайльда. СПб.: ДБ, 2001. [Obraztsova Anna G. (2001) *Volshebnik ili shut? Teatr Oskara Uajll'da.* (A Magician or a Jester? The Theater of Oscar Wilde). Saint Petersburg: DB. (In Russian)].
- Павлова Т. В. «Вера, или нигилисты» — «русская» драма Оскара Уайльда // Русская литература. 1986. № 3. С. 171–181. [Pavlova Tatiana B. (1986) «Vera, ili nigilisty» — «russkaja» drama Oskara Uajl'da (“Vera; or, The Nihilists” — Oscar Wilde’s ‘Russian’ Drama). *Russkaya literatura* (Russian Literature), 3, 171–181. (In Russian)].
- Соколянский М. Г. Оскар Уайльд: Очерк творчества. Киев, Одесса: Лыбидь, 1990. [Sokol'ansky Mark G. (1990) *Oscar Wilde: ocherk tvorchestva* (Oscar Wilde: Outline of Works). Kiev, Odessa: Lybid'. (In Russian)].
- Трыков В. П. Русская культура и литература в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 83–93. [Trykov, Valeriy P. (2018) *Russkaja kul'tura i literatura v knige Ezhena-Mel'hiora de Vogjuje «Russkij roman»* (Russian Culture and Literature in Eugène-Melchior de Vogüé’s

- Book *Le Roman russe*). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki, 4, 83–93. (In Russian)].
- Anonymous. (1913) Review of *The Russian Novel*, by Vicomte E. m. de Vogüé. *Russian Review*, 3 (1), 206–207.
- Cavendish-Jones, Colin. (2013) Not for Children: The Development of Nihilism in the Fairy Tales of Oscar Wilde. In *New Fairy Tales: essays and stories*. ed. by J. P. Pazdziora; D. Çizakça (eds.). New York: Unlocking Press. P. 221–248.
- Ellman, Richard. (1988) *Oscar Wilde*. New York: Vintage Books.
- Giudicelli, Xavier. (2016) (2020, September 16) Aesthetics and Politics: The Afterlives of Oscar Wilde's *The Soul of Man Under Socialism* (1891). *E-rea. Revue électronique d'études sur le monde Anglophone*. 2. *Artistic and Literary Commitments* (1880–1950). Retrieved from <https://journals.openedition.org/erea/5129>.
- Knight, George W. (1962) *The Golden Labyrinth: A Study of British Drama*. London: Phoenix House.
- Van de Kamp, Peter, Leahy, Patrick. (1983) Some Notes on Wilde's Socialism. *The Crane Bag*. 7 (1), 141–150. Retrieved from www.jstor.org/stable/30060564.
- Vogüé, Eugène-Melchior de. (1913) *The Russian Novel*. tr. from the eleventh French edition by Colonel Herbert A. Sawyer. London: Chapman and Hall Ltd.
- Wilde, Oscar. (1905) The Decay of Lying. In Wilde, Oscar. *Intentions: The Decay of Lying; Pen, Pencil and Poison; The Critic as Artist; The Truth of Masks*. New York: Brentano's, 1–56.
- Wilde, Oscar. (1909) *De Profundis*. London: Methuen and Co.
- Wilde, Oscar. (1912) *The Soul of Man under Socialism*. L.: A. I. Humphreys.
- Wilde, Oscar. (1902) *Vera; or, the Nihilist. A Drama in a Prologue, and Four Acts*. Privately printed.
- Williams, Kristian. (2011) The Soul of Man Under . . . Anarchism? *New Politics*. XIII (2). Retrieved from https://newpol.org/issue_post/soul-man-under-anarchism.
- Woodcock, George. (1962) *Anarchism: A History of Libertarian Ideas and Movements*. London: Penguin Books.
- Woolf, Virginia. (1966) Russian Point of View. In Woolf, Virginia. *Collected Essays*: in 4 vols. London: Hogarth Press, vol. I, 238–246.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-127-142

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ — ОСНОВА ПОДГОТОВКИ ЛИНГВИСТА К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГУ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Е. Н. Дмитриева, О. Г. Оберемко

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Овладение иностранным языком как культурным кодом — это необходимый, но не единственный аспект содержания образовательного процесса подготовки лингвиста. Целью статьи является рассмотрение понятий межкультурной и межэтнической коммуникации в контексте профессионально-педагогической и антропологической проблематики образования лингвиста, с фокусом внимания на исследовании особенностей этнокультурного фактора коммуникации для решения задачи его подготовки к межкультурному диалогу. Гипотеза исследования: анализ понятий межкультурной и межэтнической коммуникации, выявление их сущностной взаимосвязи позволяют реализовать актуальный антропологический принцип культуросообразности в подготовке лингвиста к межкультурному диалогу в вузе, что способствует повышению качества данной подготовки. В международной и отечественной практике лингвистического образования наблюдается тенденция к усилению внимания к антропологической сущности обучения иностранному языку, его культурной и деятельностной функциям, росту значимости понятий «коммуникация», «взаимопонимание», «общение», «смысл», «диалог» в единстве с овладением инструментальной функцией языка. Материалы исследования раскрывают теоретические закономерности взаимосвязи межкультурной и межэтнической коммуникации для осуществления межкультурного диалога. Методами исследования послужили структурный и функциональный анализ, обобщение положений научных публикаций, формализация на основе теоретического анализа. В результате проведенного исследования установлено, что важнейшим результатом подготовки лингвиста к межкультурному диалогу является способность к этнокультурной идентификации. Для этнокультурной идентификации лингвист в процессе подготовки должен овладеть исторически сложившимися правилами и нормами, регулирующими процессы коммуникативного взаимодействия между представителями этноса, социальными механизмами, обеспечивающими ментальную общность этноса, регулятивами внутри- и межэтнических отношений. В содержание профессиональной подготовки лингвиста

необходимо включать знание этнокультурных стереотипов, символики, традиций, обычаев и обрядов, составляющих ядро образа жизни народа-носителя изучаемого языка. Закрепленные в образе жизни народа традиционные коммуникативные формы приобретают характер этикетных предписаний, которые действуют не только в обыденном взаимодействии, но и переходят в деловую коммуникацию, что придает им устойчивый, универсальный характер.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; межэтническая коммуникация; межкультурный диалог; этнокультурная идентификация.

Intercultural and Interethnic Communication as the Basis for Training College Students Majoring in Linguistics for Intercultural Dialogue

Elena N. Dmitrieva, Olga G. Oberemko

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Mastering a foreign language as a cultural code is a necessary, but not the only part of college-level training of future linguists. The purpose of the article is to consider certain concepts of intercultural and interethnic communication in the context of professional, pedagogical, and anthropological problems of a linguist's education, with a focus on the ethno-cultural factor of communication, in order to prepare students for successful intercultural dialogue. The authors posit the following hypothesis: analyzing concepts of cross-cultural and interethnic communication and identifying their essential relationship would enable us to implement the anthropological principle of cultural conformity in preparing college students majoring in linguistics for intercultural dialogue, thus improving the quality of their training. In international and domestic practice of linguistic education there is a trend towards increased attention to the anthropological nature of language learning, cultural activity and functions, as well as growing importance of such concepts as "communication," "understanding," "communication," "meaning," and "dialogue" along with mastery of language as an instrument of communication. The research materials reveal theoretical patterns within the relationship between intercultural and interethnic communication that are necessary for developing intercultural dialogue. The authors employed such research methods as structural and functional analysis, literature review, and formalization based on theoretical analysis. As a result of the study, it was found that the most important result of preparing future linguists for intercultural dialogue is their ability to identify ethnocultural features and norms of speech in any given situation. For successful ethno-cultural identification, a linguist must master historically established rules and norms that regulate the processes of communicative interaction between representatives of a given ethnic group, social mechanisms that inform the common outlook of this ethnic group, and the regulatory principles of intra- and inter-ethnic relations. Thus the content of the professional training of linguists should include knowledge of ethno-cultural stereotypes, symbols, traditions, customs, and rituals that form the core of the way of life of native speakers of a given language. Traditional forms of communication fixed in the way of life of the people acquire the character of etiquette prescriptions that operate not only in everyday interactions, but also in business communication, which gives them a stable, universal character.

Key words: intercultural communication; interethnic communication; intercultural dialogue; ethno-cultural identification.

1. Введение

Профессиональную подготовку в вузе лингвиста (переводчика, преподавателя), деятельность которого предполагает наличие иноязычной коммуникативной компетенции, в ее значительной части традиционно составляет обучение иностранному языку как культурному коду и средству практического осуществления иноязычной коммуникации. Собственно, рассмотрение языка под углом зрения его культурной сущности позволяет трактовать иноязычную коммуникацию как межкультурную. Овладение данным кодом — это необходимый, но не единственный аспект содержания образовательного процесса подготовки лингвиста. Целью данной статьи является рассмотрение понятий межкультурной и межэтнической коммуникации в контексте профессионально-педагогической и антропологической проблематики образования лингвиста, с фокусом внимания на исследовании особенностей этнокультурного фактора коммуникации для решения задачи его подготовки к межкультурному диалогу.

Важнейшим моментом коммуникации, объясняющим ее роль в системе культуры, является то, что реализация духовных качеств человека происходит не только в отношении к предметному миру. В наибольшей степени и во всем многообразии реализация духовных качеств осуществляется в диалогическом общении (Дмитриева, Оберемко 2018), в процессе которого происходит их формирование и воспроизводство, что, в свою очередь, создает возможность воспроизводства и развития культуры. Гипотезой исследования, выполненного в настоящей статье, является следующее положение: анализ понятий межкультурной и межэтнической коммуникации, выявление их сущностной взаимосвязи позволяют реализовать актуальный антропологический принцип культуросообразности в подготовке лингвиста к межкультурному диалогу в вузе, что способствует повышению качества данной подготовки.

На основе выделения тех или иных приоритетов в вопросе формирования иноязычной коммуникативной компетенции в международной практике лингвистического образования определились модели и подходы в обучении иностранным языкам. При этом важно, что исследователи отмечают несводимость данной компетенции только к правилам функционирования языка, выявляют многоэлементный состав иноязычной коммуникативной компетенции (Hymes 1972; Canale & Swain 1980; Savignon 1983; Widdowson 1990 и др.). Не претендуя на детальное описание моделей обучения иностранному языку, отметим некоторые зарубежные публикации, имеющие значение для рассматриваемой темы, выполненные с середины XX в. до настоящего времени. Они позволяют констатировать, что приоритетными вопросами являлись такие, как разграничение лингвистической и

коммуникативной компетенций (Commins 1980; Maingueneau 1998); функциональный (Halliday & Hasan 1991), прагматический (Caron 1983; Bachman 1990), дискурсивный (Hatch 1978; Peytard & Moirand 1992) подходы к описанию языка. Важно, что в научных трудах поднимается вопрос не только об инструментальной функции языка, но и о регулятивной, личностной репрезентативной, образной, интерактивной, эвристической функциях (Halliday 1973). Анализ упомянутых публикаций свидетельствует, что наблюдается тенденция к усилению внимания к антропологической сущности обучения иностранному языку, его культурной и деятельностной функциям, росту значимости понятий «коммуникация», «взаимопонимание», «общение», «смысл» в единстве с овладением инструментальной функцией языка.

Тенденция к трактовке иностранного языка как явления культуры, средства становления культурной личности и инструмента межкультурной коммуникации в процессе общения наблюдается и в отечественной системе лингвообразования (Сысоев 2008; Аникина 2011; Сатарова 2013 и др.). В этом плане можно отметить, что процесс обучения иностранным языкам трактуется как процесс обучения межкультурной коммуникации (Тер-Минасова 2000), ориентированный не только на предметные результаты (языковые знания и речевые навыки), но и на становление культурной личности, что позволяет рассматривать лингвистическое образование как поликультурное — по своему содержанию и результатам (Сысоев 2003). При этом закономерно расширяется репертуар компетенций в многообразных условиях обучения, где приоритетом является речевая иноязычная коммуникация (Зимняя 2003; Галиаскарова 2013; Обдалова, Левашкина 2020). Закономерности языкового поликультурного образования и соответствующие ему дидактические условия обучения иностранным языкам, приведенные в названных работах, в полной мере относятся к подготовке лингвиста в вузе. Принимая во внимание имеющиеся исследования и учитывая их как научную базу для разработки темы статьи, следует заметить, что вопросы подготовки лингвиста к межкультурному диалогу на основе единства межкультурной и межэтнической коммуникации остаются открытыми для исследования. Недостаточно разработан также вопрос психолого-педагогических механизмов данной подготовки в русле принципа ее культуросообразности. Выявление взаимосвязи межкультурной и межэтнической коммуникации для решения данной задачи, введение в активный научный оборот ряда понятий, связанных с исследованием психолого-педагогических механизмов подготовки к межкультурному диалогу можно рассматривать как новый аспект рассмотрения проблемы иноязычной под-

готовки лингвиста в вузе, актуальный в условиях развития поликультурных процессов в современном мире.

2. Характеристика материала и методов исследования

Особенности профессиональной деятельности лингвиста таковы, что ему, помимо «погружения» в иноязычную культуру, приходится непосредственно или опосредованно общаться с конкретными представителями и носителями этой культуры, или транслировать ее со всей полнотой значений и смыслов. Профессиональный лингвист является субъектом межкультурной коммуникации, носителем информации, которую ему следует не только понимать, но и соответствующим образом интерпретировать для передачи «другому» при осуществлении перевода или обучения иностранному языку. Поэтому изучение особенностей этнического самосознания народа страны изучаемого языка, путей и средств его формирования, специфики проявлений в коммуникативных процессах должно стать неотъемлемой частью содержания профессиональной подготовки лингвиста и базой для его этнокультурной идентификации. Таким образом, материалами исследования явился комплекс научных источников, раскрывающих теоретические закономерности построения процесса подготовки лингвиста к межкультурному диалогу на основе межкультурной и межэтнической коммуникации. Методами исследования темы статьи послужили структурный, функциональный и причинный анализ, обобщение положений научных публикаций, формализация на основе теоретического анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Этнокультурная идентификация понимается как приобщение себя к этносу «другого», в отличие от этнической идентификации, которая рассматривается исследователями как осознание себя частью родного этноса (Андреева 1994). В первом случае речь идет об освоении в процессе профессиональной подготовки социокультурных факторов, определяющих особенности межкультурной коммуникации с представителями другого этноса, во втором — налицо весь комплекс признаков этноса (язык, культура, быт, психический склад), которые присваиваются человеком прижизненно, — как стихийно, так и в процессе образования. Теоретической основой для обеспечения этнокультурной идентификации в подготовке лингвиста являются понятия межкультурной и межэтнической коммуникации. Рассматривая межкультурную коммуникацию как процесс интеграции культур, вызванный естественным ходом развития современной ин-

формационной цивилизации, необходимо остановиться на раскрытии сути самого понятия и рассмотрении его соотношения с близким по содержанию понятием «межэтническая коммуникация». Понятия межкультурной и межэтнической коммуникации входят в систему понятий, относящихся к культуре, коммуникации, многообразному взаимодействию народов, социальных групп, личностей, организаций и т. д.

Основным компонентом культуры являются ее коды, которые отражают особенности национального, группового или индивидуального видения мира. Разрабатывая модель коммуникации, М. Фуко отметил, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обмена, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями и иерархией, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» (Фуко 1994: 37). Применяя идею М. Фуко к понятиям межкультурной и межэтнической коммуникации, необходимо обратить внимание на то, что овладение культурными кодами других народов является не только процессом обмена информацией и результатами деятельности. В коммуникативном процессе осуществляется также передача социального и эмоционального опыта людей. Культура в данном аспекте рассмотрения выступает не только как механизм закрепления достигнутого, но и как фактор регулирования характера и направления коммуникации, осуществления культурного воспроизводства и продуцирования культуры. Этим объясняется первоочередная роль коммуникации в системе культуры.

Коммуникация во всех формах своих социальных проявлений (межличностная, международная, межкультурная, межэтническая, массовая) оказывает различное влияние на субъектов коммуникации — эмоциональное, воспитывающее, образовательное. В межличностной коммуникации осуществляется переход от личного опыта индивида к социальному опыту на основании типизации конструкций повседневной жизни, а также официальных отношений. Что касается межкультурной, международной, межэтнической, массовой коммуникаций, то в этих понятиях отражены реальные процессы взаимодействия больших групп людей, социальных и профессиональных общностей и организаций. Каждое из них отражает тенденции функционирования и развития социальной реальности под различным углом зрения. При одном и том же тексте это различие может определяться выбором информационного канала, культурного кода, коммуникативного пространства, контекста и т. д. в зависимости от вида коммуникации.

Своеобразие процесса взаимодействия культур определяется средствами его осуществления, а также целями и задачами взаимодействующих субъектов — наций, этносов, государств, личностей, социальных и профессиональных групп. Межкультурная коммуникация ориентирована на взаимопроникновение культурно-коммуникативных смыслов, достижение взаимопонимания с учетом и сохранением национальных картин мира, национальных логик, но одновременно и на их взаимообогащение в социокультурном и духовном планах. Несовпадение культурных кодов в межкультурной коммуникации, по мнению ученых, является источником новой информации, приносит творческие моменты в процесс коммуникации (Лотман 1973). С этой позиции историю культуры стран и народов можно рассматривать как процесс своеобразных проявлений межкультурной коммуникации, их воздействия на формирование типизированных образцов жизнедеятельности людей, влияющих на специфику этнокультурных признаков образа жизни и особенности национального характера.

Понятие «межэтническая коммуникация» обогащает и вносит конкретность в понятие «межкультурная коммуникация», что позволяет рассматривать последнее в конкретных исторических и природных условиях бытия этносов, их образа жизни, языка, религии, культуры в целом. Рассмотрение межэтнической коммуникации в свете решения задачи подготовки лингвиста к осуществлению межкультурного диалога опирается на труды, раскрывающие процессы становления человеческих общностей и развития речи как формы социализации людей и средства связи между ними (Оберемко 2014). Термин «этнос», введенный в систему научных понятий академиком Ю. В. Бромлеем (Бромлей 1978), служит для обозначения общности, складывающейся на определенной территории среди людей, «находящихся между собой в реально-экономических связях и говорящих на взаимопонятном языке», сохраняющих на протяжении всего своего существования известную культурную специфику и самосознание. Помимо общности языка, культуры и быта ученые отмечают общность психического склада представителей одного этноса (Бромлей 1978; Дридзе 1980). Анализ научных исследований позволяет констатировать, что определяющим моментом антропосоциогенеза явилось формирование отношения людей к внешнему миру через их отношение друг к другу и выражение отношений с помощью языка. Человеческие отношения складывались на основании оценочно-эмоционального момента: «мы — они», «наше — не наше», «хорошее — дурное», «хорошее — мы — наше», «дурное — они — не наше». В одной из своих работ еще в 1970 г. В. И. Абаев утверждает, что «слово как символ коллектива теряет всякий смысл, если оно не про-

тивопоставляется другому символу другого коллектива.< ...> Слово могло зародиться только в контактах двух человеческих групп» (Абаев 1970: 223). В этот же период Б. Ф. Поршнев высказывает обоснованное убеждение в том, что у «истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией ... (сообщение), а особый род влияния одного индивида на действия другого» (Поршнев 1974). Основанием для такого утверждения послужили исследования Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, И. П. Павлова, У. Пенфилда и др. о регуляции психических процессов. Эти исследования были положены в основание изучения суггестии, то есть регулятивного воздействия речи на поведение людей. Следует отметить, что на базе исследований, выполненных в прошлом веке, сложилось понимание роли межэтнической коммуникации в культурно-историческом развитии этносов. В частности, убеждение в том, что это развитие в значительной степени обусловлено формированием способности принятия элементов чужой культуры и переосмысления исторического опыта своей собственной культуры, а также восприятия себя как целостного социального организма, имеющего свои историко-культурные корни, традиции, обычаи и проч. Таким образом, межэтническую коммуникацию справедливо рассматривать как исторически определенное, направленное взаимодействие между этносами, взаимовлияние которых осуществляется через обмен информацией, структурирование коммуникативного пространства, культурные взаимопроникновения и заимствования.

Опираясь на утверждение ученых о том, что эволюция цивилизации несет с собой переоценку норм культуры и поведения, отметим два вывода, следующих из исследований проблемы социокультурного развития этносов и имеющих непосредственное отношение к пониманию сущности и значения межэтнической коммуникации в культурном диалоге. Во-первых, это вывод о наличии периодически возникающих конфликтов на почве межэтнического противостояния и настоятельной потребности в теоретическом осмыслении их причин. Во-вторых, это вывод о невозможности дать однозначный ответ на вопрос о том, что именно определяет особенности психического склада этносов, своеобразную национальную картину мира и национальную логику — комплекс архетипов и коллективного бессознательного; социальные и культурные факторы, исторически формирующие национальный характер, направленность поведения и т. д.; совокупность всех сложных переплетений культурно-наследуемых и культурно-благоприобретенных признаков? В педагогическом плане эти выводы приводят к убеждению в необходимости формирования у лингвиста глубоких знаний в области межэтнической коммуникации, понимания законо-

мерностей ее развития в процессе профессиональной подготовки ее посредников, какими в первую очередь являются лингвисты.

Современная коммуникативная ситуация складывается в условиях глубоких интернациональных процессов, вызванных к жизни особенностями информационной цивилизации. Очевидно, что набор социально значимых кодов в этих условиях неизмеримо возрастает, появляются новые каналы передачи и восприятия информации. Традиционная одноканальная лингвистическая модель коммуникации, предложенная Р. О. Якобсоном (Якобсон 1987), раскрывает природу межкультурной коммуникации как акта речевой коммуникации, в которой имеют место такие элементы, как адресант и адресат, контекст и сообщение, контакт и код. Такая одноканальная модель коммуникации, представленная схемой «я — он», по справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, при перенесении ее на область культуры оказывается ограниченной. Он отмечает, что в «механике культуры коммуникация осуществляется минимум по двум, устроенным различным образом, каналам» (Лотман 1973: 23). В данном случае Ю. М. Лотман обращается к автокоммуникации (схема «я — я»), значение которой как в истории культуры, так и в индивидуальном развитии личности очень велико, хотя для подготовки к межкультурному диалогу в учебном процессе вуза пока не получило исчерпывающей реализации. Ученый считает, что текст как единица вербальной и невербальной коммуникации в канале «я — я» обрывает значениями индивидуального характера и «получает функцию организатора беспорядочных ассоциаций, накапливающихся в сознании личности». Текст в канале «я — я» «перестраивает ту личность, которая включена в процесс автокоммуникации» (Лотман 1973: 35). Как в методологическом, так и в педагогическом планах важно понимание того, что оба канала, обеспечивающих коммуникацию по схеме «я — он» и «я — я», функционируют только во взаимодействии друг с другом. Это взаимодействие лежит и в основе обратной связи, то есть двусторонней симметричной и асимметричной коммуникации, вписывающейся в схему «я — он — я». Только в этом случае возможно осуществление подготовки лингвиста, адаптированного к условиям развития современной лингвистической науки и изменяющейся социальной практики. Более того, понимание текста и способность к его адекватной интерпретации зависит не только от богатства словарного запаса лингвиста, но и от знания контекста, умения интерпретации и анализа единиц языковой системы в конкретной ситуации общения. Что касается знания и понимания «других» культур, а именно на это нацелена профессиональная подготовка лингвиста, то для современного многопланового мира установка «свой — чужой» («не я») имеет тенденцию на изменение качественной определенности «не

я». Она получает выражение как «свой — другой», где обогащение и понимание своего «я» происходит через «другого», «не я».

Каналы линейной коммуникации, автокоммуникации и двусторонней коммуникации настолько диалектически взаимосвязаны, что любой из этих каналов, взятый в контексте взаимодействия разных культур, оказывается в сфере двойной детерминации. В этом процессе «я» определяет количество и качество передаваемой информации, выбирает код ее подачи и интерпретации. Вместе с тем анализ, обработка данной информации обогащает духовный мир, познавательные возможности и профессиональные навыки адресанта (автокоммуникация). Коммуникация с «другим» означает постижение его культуры, особенностей языка, национальных ценностей, традиций, обычаев, обрядов, символики и этикетов. В методологическом плане подход с позиций, отраженных в схеме «я — другой — я», позволяет рассматривать иноязычную коммуникацию как процесс взаимодействия социальных субъектов в контексте определенных исторических и природных условий с учетом используемых ими культурных кодов и смыслов, способствует выявлению механизмов взаимопроникновения культур.

По М. М. Бахтину, диалог — это со-размышление, со-понимание, согласие (Бахтин 1963). Подобный подход позволяет признать его универсальный характер и расширить возможности применения понятия «диалог», в частности, к сфере взаимодействия культур, к межкультурной коммуникации. Утверждение такого существенного условия и признака диалога, как взаимопонимание, позволяет признать, что диалог культур предполагает обоюдную направленность ожидания взаимодействующих сторон на достижение консенсуса, взаимоприемлемых утверждений. Достижение взаимопонимания как условия диалога допускает варианты истолкования мотивов поведения, усиливает роль культурных факторов в решении вопросов, связанных с необходимостью достижения понимания и успешного результата коммуникации. Диалог культур — это и коммуникативное информационное действие, ориентированное на взаимопонимание, достигаемое в межкультурном / межкультурном взаимодействии и предполагающее воспроизводство культуры, а также личностных качеств коммуникантов.

Структурно диалог представлен тремя компонентами информационной деятельности: автор — текст — реципиент. Создание текста в диалоге осуществляется как автором, так и реципиентом, и в данном случае автор и реципиент меняются местами, а текст одного «наслаивается» на текст другого, что имеет свою последовательную цепочку событий: мотив — замысел — текст. Вместе с тем обратная связь как обязательный момент диалога осуществляется в той же самой структуре, но в иной последовательности: текст — замысел — мотив, что позволяет расширить границы адек-

ватного понимания текста в диалогической ситуации со стороны автора и реципиента. Следует согласиться с Т. М. Дридзе, что обязательным условием осуществления подобного рода коммуникации является относительно одинаковое видение коммуникантами знаковой системы, соответствие тезаурусов (знания, понятия, ценностные установки и ориентации) (Дридзе 1980). Понимание диалога в широком смысле и та общая картина языкового взаимодействия, которая допускается М. М. Бахтиным при его рассмотрении, позволяют экстраполировать приведенные выше характеристики диалога на процесс межэтнической коммуникации. Такое перенесение допустимо, так как оно затрагивает специфику процесса коммуникации между общностями (этнотами), субъектами которой являются люди, а для них словесное творчество есть одно из важнейших условий и форм проявления их бытия.

Важным фактором, обуславливающим характерные признаки диалога культур, является культурно-коммуникативная совместимость, которая выражает социокультурную направленность совместной деятельности людей в их стремлении достичь согласия, обеспечить необходимые условия их жизнедеятельности. Культурно-коммуникативная совместимость обеспечивается соответствующей базой дискурса, общепринятых этикетных норм поведения, общественных оценок социокультурного опыта народов, а также общностью духовных устремлений к осуществлению диалога. Выбор коммуникативных форм, каналов, социальной направленности и содержания дискурса определяется целями и задачами коммуникации. Содержание информации как предмета диалога должно быть понятным для субъектов диалога, то есть соответствовать целям взаимодействия. Это условие становится особенно значимым в межэтнической коммуникации, предполагающей в качестве актуальной установки стремление к пониманию и взаимопониманию культур.

Межэтническую коммуникацию можно трактовать в связи с диалогом культур в двух аспектах. Во-первых, при определенных условиях и под определенным углом зрения она может рассматриваться как содержание понятия диалога культур. Во-вторых, диалог культур — это социокультурный механизм стабилизации межэтнической коммуникации, ориентированный на интеграцию процессов духовной и материальной жизни общества и личности (Оберемко 2008).

Рассмотрение диалога как многофункционального феномена межкультурной и межэтнической коммуникации связано с понятием текста, являющегося объектом диалогического взаимодействия. С одной стороны, текст является результатом языковой деятельности индивидов, формой организации речи. Характерными признаками текста в данном случае явля-

ются его целостность и завершенность. Коммуникативная направленность и структурно-смысловое единство раскрывают его важнейшее свойство — связность элементов текста как системы, имеющей определенную структуру. В сущностном плане внимание акцентируется не столько на структуре текста (лингвистический аспект), сколько на проявлении его смысла в коммуникации и влиянии текста на организацию человеческой деятельности. В диалоге культур особенность диалогической коммуникации проявляется не только как ситуация дискурса, т. е. максимально полное знание, достаточное для существования «общей памяти» коммуникантов. Эта особенность проявляется и в существовании большого количества дополнительных аспектов текста, которые нередко воспринимаются как второстепенные: намеки, паузы, ассоциации, профессионализмы, религиозные обычаи, обряды, верования и т. д.

Многообразие форм духовного воздействия людей друг на друга в процессе диалога зависит не только от предмета (объекта, проблемы) диалога, но и от богатства языка, используемого обеими сторонами. Диалог как встреча «я» и «ты» существует в речевой форме обращения и ответа, что позволяет партнерам услышать и понять друг друга. Подобная тенденция прослеживается и в диалоге культур. Однако в ситуации последнего речевая коммуникация функционирует в историко-культурных условиях (контексте), которые характеризуются наличием объективированных форм материальной и духовной культуры, большого количества коммуникативных посредников, а также знаковых систем, символический характер большинства которых требует расшифровки, прежде всего в речевой форме.

4. Заключение или выводы

Таким образом, в подготовке лингвиста важно акцентировать тот факт, что за различиями в языке всегда стоят различия в национальных картинах мира и ментальностях народов. Знания в области межкультурной коммуникации применительно к странам изучаемого языка, дополненные лингвострановедческими знаниями собственной культуры, составляют необходимую базу информационных данных культурно-коммуникационного плана, опираясь на которую лингвисту легче ориентироваться в коммуникативном пространстве других культур. Информационная интенция (готовность, желание сообщить нечто с помощью знаний, навыков, приемов межкультурной коммуникации) принимает форму коммуникативной интенции, т. е. конкретного сообщения для конкретного получателя в определенное время. Этот процесс перехода возможности в действительность при сохранении смысла и значения передаваемой информации является

едва ли не центральным звеном межкультурного диалога. Данный ракурс понимания того, к чему высшая школа должна готовить специалистов в области лингвистики, раскрывает роль знаний в области межкультурной / межэтнической коммуникации в целях подготовки лингвиста к профессиональной деятельности. Эти знания выступают базой для этнокультурной идентификации лингвиста, то есть глубокого освоения (интериоризации) ценностных ориентаций, норм, стереотипов или образцов культуры «другого».

Для этнокультурной идентификации лингвист в процессе подготовки должен овладеть исторически сложившимися правилами и нормами, регулирующими процессы коммуникативного взаимодействия между представителями этноса, социальными механизмами, обеспечивающими ментальную общность этноса, регулятивами внутри- и межэтнических отношений. Из этого следует, что в содержание профессиональной подготовки лингвиста необходимо включать знание этнокультурных стереотипов, символики, традиций, обычаев и обрядов, составляющих ядро образа жизни народа-носителя изучаемого языка. Закрепленные в образе жизни народа традиционные коммуникативные формы приобретают характер этикетных предписаний, которые действуют не только в обыденном взаимодействии, но и переходят в деловую коммуникацию, что придает им устойчивый, универсальный характер.

Исследование межкультурной и межэтнической коммуникации как социокультурных феноменов и понятий, требующих реализации в теории и практике профессиональной подготовки лингвиста, показывает, что проблема эффективности и результативности межкультурного диалога непосредственно связана с проблемой достижения взаимопонимания субъектов коммуникации. Данная проблема активно изучается представителями гуманитарных наук в течение всего XX в. до наших дней. Благодаря этому накоплен значительный базис научных трудов и публикаций, многие уникальны в контексте рассматриваемой темы и актуальны до настоящего времени. Имеющиеся научные данные свидетельствуют о том, что свободное владение иностранным языком для осуществления межкультурного диалога предполагает «вчувствование» в иноязычную культуру «другого», без которого он невозможен.

В свете современных крайне усложненных этнических процессов ориентация образовательной системы вуза на овладение межэтнической коммуникацией в профессиональной подготовке лингвиста предполагает определение эффективных педагогических форм актуализации исторического опыта этнических общностей, специфики их языка и особенностей культуры для формирования способности к межкультурному диалогу.

Информация о вкладе (участии) каждого автора. Оберемко О. Г. — концепция исследования, сбор и обработка материала; Дмитриева Е. Н. — сбор и обработка материала, написание текста.

Список литературы / References

- Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. М.: Наука. 1970. [Abaev, Vasilij I. (1970) *Otrazhenie raboty soznaniya v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* (Reflection of Functioning of Consciousness in the Lexical and Semantic System of a Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Изд-во МГУ. 1994. [Andreeva, Galina M. (1994) *Social'naya psihologiya* (Social Psychology). Moscow: MGU. (In Russian)].
- Аникина О. В. Дискурс как объект обучения в курсе иностранного языка // Вестник ТГПУ. 2011. Выпуск 2 (104). С. 54–59. [Anikina, Oksana V. (2011) Diskurs kak ob''ekt obucheniya v kurse inostrannogo yazyka (Discourse as an Object of Teaching in Classes of a Foreign Language). *Vestnik TGPU*. 2 (104), 54–59. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. [Bahtin, Mikhail M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* (Problems of Dostoevsky's Poetics) Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russian)].
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука. 1978. [Bromlej, Yulian V. (1978) *Etnos i etnografiya* (Ethnic Group and Ethnography). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Галиаскарова Н. Г. Функционально-коммуникативный подход в формировании лексических навыков при изучении иностранных языков // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/12/5364>. [Galiaskarova, Naziya G. (2013) Funkcional'no-kommunikativnyj podhod v formirovanii leksicheskikh navykov pri izuchenii inostrannyh yazykov (Functional and Communicative Approach to Formation of Lexical Skills When Learning Foreign Languages). *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* (Researches in the Humanities), 12. Retrieved from <http://human.snauka.ru/2013/12/5364>. (In Russian)].
- Дмитриева Е. Н., Оберемко О. Г. Подготовка преподавателя иностранного языка в русле культурологической парадигмы // Язык и культура. 2018. № 44. С. 188–192. [Dmitrieva, Elena N., Oberemko, Olga G. (2018) Podgotovka prepodavatelya inostrannogo yazyka v rusle kul'turologicheskoy paradigm (Preparation of a Foreign Language Teacher within the Framework of Culturological Paradigm). *Yazyk i kul'tura* (Language and Culture), 44, 188–192. (In Russian)].
- Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высш.шк., 1980. [Dridze, Tamara M. (1980) *Yazyk i social'naya psihologiya* (Language and Social Psychology). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Зимняя И. А. Ключевые компетенции новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42. [Zimnyaya, Irina A. (2003) Klyuchevye kompetencii — novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya (Key Competences as a New Paradigm of Education's Result). *Vysshee obrazovanie segodnya* (Higher Education Nowadays), 5, 34–42. (In Russian)].

- Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Ученые записки Тартусского ун-та. Труды по знаковым системам. Вып. 308. Тарту: Изд-во ТГУ. 1973. [Lotman, Yurij.M. (1973) O dvuh modelyah kommunikacii v sisteme kul'tury (On Two Models of Communication in the System of Culture). *Uchenye zapiski Tartusskogo universitetata. Trudy po znakovym sistemam* (Scientific Notes of Tartu University. Works on Semiotics), 308. Tartu: TGU. (In Estonian)].
- Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Нарративно-коммуникативная технология обучения иностранному языку: определение сущности и особенностей // Вестник ТГУ. 2020. № 458. С. 223–232. [Obdalova, Olga A., Levashkina, Zoya N. (2020) Narrativno-kommunikativnaya tekhnologiya obucheniya inostrannomu yazyku: opredelenie sushchnosti i osobennostej (The Narrative-Communicative Technology of Foreign Language Teaching: Definition and Peculiarities). *Tomsk State University Journal*, 458, 223–232. (In Russian)].
- Оберемко О. Г. Содержание образования лингвиста с точки зрения межетнической и межкультурной коммуникации // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 2008. Вып.3. С.119–130. [Oberemko, Olga G. (2008) Soderzhanie obrazovaniya lingvista s tochki zreniya mezhetnicheskoj i mezhkul'turnoj kommunikacii (Education of a Linguist from the Point of View of Interethnic and Intercultural Communication). *LUNN Bulletin*, 3, 119–130. (In Russian)].
- Оберемко О. Г. Диалог культур в обучении иностранному языку студентов лингвистического вуза // Вестник НГЛУ. 2014. Вып. 26. С. 101–111. [Oberemko, Olga G. (2014) Dialog kul'tur v obuchenii inostrannomu yazyku studentov lingvisticheskogo vuza (Dialogue of Cultures in Teaching Foreign Languages to Linguistics University Students). *LUNN Bulletin*, 26, 101–111. (In Russian)].
- Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль. 1974. [Porshnev, Boris F. (1974) *O nachale chelovecheskoj istorii* (On the Beginning of Human History). Moscow: Mysl'. (In Russian)].
- Сатарова Л. Х. Проблемы взаимодействия культур в эпоху глобализации // Гуманитарные научные исследования. 2013. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/04/2682>. [Satarova, Leyla H. (2013) Problemy vzaimodejstviya kul'tur v epohu globalizacii (Problems of Interaction of Cultures in the Epoch of Globalization). *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* (Humanities scientific researches), 4. Retrieved from <http://human.snauka.ru/2013/04/2682>. (In Russian)].
- Сысоев П. В. Концепция языкового поликультурного образования. М.: Еврошкола. 2003. [Sysoev, Pavel V. (2003) *Koncepciya yazykovogo polikul'turnogo obrazovaniya* (Concept of Multicultural Linguistic Education). Moscow: Evroshkola. (In Russian)].
- Сысоев П. В. Языковое поликультурное образование: Теория и практика. М.: Глосса-Пресс, 2008. [Sysoev, Pavel V. (2008) *Yazykovoe polikul'turnoe obrazovanie: Teoriya i praktika* (Multicultural Linguistic Education. Theory and Practice). Moscow: Glossa-Press. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово. 2000. С. 8–33. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. (Language and Intercultural Communication). Moscow: Slovo. (In Russian)].

- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Талисман. 1994. [Foucault, Michel. (1994) *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk*. (The Order of Things: an Archaeology of the Human Sciences). Moscow: Talisman. (In Russian)].
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. М.: Прогресс, 1987. [Yakobson, Roman O. (1987) *Lingvistika i poetika* (Linguistics and Poetics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Bachman, Lyle F. (1990). *Fundamental Considerations in Language Testing*. New York: Oxford University Press.
- Canale, Michael, Swain, Merrill. (1980) Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language teaching and Testing. *Applied Linguistics*, 1, 1–47.
- Caron, Jean. (1983) *Les regulations du discours. Psycholinguistique et pragmatique*. Paris: Presses universitaires de France. (In French).
- Cummins, Jim. (1980) The Cross-Lingual Dimensions of Language Proficiency: Implications for Bilingual Education and the Optimal Age Issue. *TESOL Quarterly*, 14, 175–187.
- Halliday, Michael. (1973) *Explorations in the Functions of Language*. London: Edward Arnold.
- Halliday, Michael, Hasan, Ruqaiya. (1991) *Language, Context and Text: Aspects of Language in Social-Semiotic Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Hatch, Evelyn. (1978) *Second Language Acquisition*. Rowley, Massachusetts: Newbury House.
- Hymes, Dell, Pride, J.B., Holmes, Janet. (1972) *On Communicative Competence. Sociolinguistics*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin.
- Maingueneau, Dominique. (1998) *Analyser les textes de communication*. Paris: Dunod. (In French).
- Peytard, Jean, Moirand, Sophie (1992) *Discours et enseignement du français*. Paris: Hachette. (In French).
- Savignon, Sandra J. (1983) *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. Reading*. Massachusetts: Addison-Wesley.
- Widdowson, Henry G. (1990) *Teaching Language as Communication*. New York: Oxford University Press.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-143-150

АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Рецензия на кн.: *Артемова А. Ф., Леонович О. А. Страноведение через идиоматику.* М.: ФЛИНТА: Наука, 2019. 128 с. ISBN 978-5-9765-1684-7.

Пятое издание рецензируемого учебного пособия с завидной регулярностью раскупается читающей публикой, что объясняется исключительной востребованностью данного пособия не только в студенческой, но и преподавательской среде.

Книга начинается с разъяснения столь важного понятия не только в лингвострановедении, но и в современной лингводидактике, как фоновые знания. Известно, что в человеческой коммуникации отнюдь не достаточно лишь владения общим языком. Чтобы обеспечить полноценное общение между людьми необходимо наличие определенных знаний, накопленных до акта общения. По Е. М. Верещагину (Верещагин, Костомаров 2005), если сама возможность общения зависит от языка, а языковая форма — от ситуации, то содержание беседы определяется общей социальной историей. Апеллируя к высказыванию Е. М. Верещагина, авторы книги делают упор на необходимость трех факторов для полноценного человеческого общения, как то: а) общность языка, б) определенная общность социальной истории, в) определенная речевая ситуация, т. е. конкретные условия данного коммуникативного акта.

Что касается общности социальной истории, то она находит свое выражение в так называемых фоновых знаниях, то есть в знаниях об окружающем мире. Как известно, термин «фоновые знания» представляет собой кальку с английского словосочетания *background knowledge* и его значение определяется как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» (Ахманова 1969).

В качестве одной из возможных классификаций в рецензируемой книге предлагается классификация фоновых знаний по сферам их распространения, а именно:

1) общечеловеческие знания (всем без исключения людям известно, что такое вода, луна, исчезновение и т. д.);

2) региональные знания (не все жители Африки, например, знают, что такое вечная мерзлота);

3) знания, которыми располагают только члены определенной этнической языковой общности (нации) (например, как украсить орнаментом эскимосские торбасы из оленьей шкуры);

4) знания, которыми располагают члены локально или социально замкнутой группы (например, местные географические названия: Издешково, Кругловка, Няндомы);

5) знания, которые складываются внутри данного микроколлектива.

Приведенная классификация, несомненно, носит условный характер и может служить базой для многократного и многоступенчатого расширения. Тем не менее круг знаний участников общения складывается из всех типов фоновых знаний, причем, имея отличающиеся индивидуальные знания, люди в процессе общения стремятся определить общий уровень знаний и придерживаться его. Вполне естественно, что мы часто говорим только необходимыми намеками, так как они вызывают в слушателе нужную нам мысль и цель общения достигается. И говорить иначе, по выражению А. Д. Поливанова, было бы безрассудной расточительностью (Поливанов 1968).

Не всякая классификация учитывает культурно-обусловленный характер фоновых знаний (например, классификация [Ван Дейк 2000]), тем не менее культурная обусловленность фоновых знаний является их важнейшей характеристикой. Поэтому особое внимание в книге уделяется фоновым знаниям третьего типа, т. е. знаниям, принадлежащим членам определенной этнической и языковой группы. Связано это с тем, что, несмотря на индивидуальный статус значений слов в сознании носителей языка и связанных с ними ассоциаций, основу фоновых знаний составляют знания общенационального характера, и их целесообразно рассматривать как форму закрепления, отчуждения и, следовательно, форму объективации познания, выходящего за пределы индивидуального и входящего в общественное сознание. Такие фоновые знания имеют выраженный дихотомический характер, являясь, с одной стороны, частью национальной культуры, с другой стороны, производным национальной культуры.

Национально-культурная семантика, репрезентирующая фоновые знания, пронизывает все уровни языка. Наиболее ярко она проявляется в

номинативных, субстантивированных единицах языка, которые называют предметы и явления окружающего нас мира. К числу таких «строевых» единиц языка авторы рецензируемого издания относят слова, фразеологизмы и языковые афоризмы.

Именно фразеологизмы представляются наиболее интересными с лингвокультурологической точки зрения. Напомним, что фразеологизмы, или фразеологические единицы есть многокомпонентные структурные образования, для которых характерно переосмысление компонентного состава специфически употребленных слов, семантическая целостность и воспроизводимость в готовом, заданном словаре виде, или, по классику отечественной фразеологии А. В. Кунину, «фразеологические единица — это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» (Кунин 1970: 210).

Фразеология — источник сведений о культуре народа (Воробьева 2006: 389), потому что ее творцом является сам народ. Фразеологические единицы возникают в различные исторические периоды развития национального государства, в разных слоях общества, создаются представителями различных родов деятельности. Это явление весьма характерно для современного английского языка, пополнение номинативной системы которого осуществляется в значительной степени за счет образования новых фразеологизмов, ввиду сокращения флективной системы данного языка и смены синтетического его характера на аналитический (Аракин 2005: 114). Каким бы невероятным это не показалось, свыше 30 % деловой терминологии современного английского языка составляют фразеологические единицы, то есть воспроизводимые словосочетания с признаками устойчивой трансформации семантики (Fedulenkova 2002: 247; Федуленкова 2020: 114–125), напр.: *blue fish, golden parachute, grandfather clause, milk round, sleeping beauty*, и многие другие.

Вне всякого сомнения, фразеология представляет собой наиболее специфичную и национально-самобытную область языка. Посредством изучения фразеологических единиц можно получить сведения о культуре страны, о носителе языка, об истории жизни нации (Fedulenkova 1997: 67). Фразеологические единицы аккумулируют и несут определенную совокупность сведений, которая может быть определена как культурно-исторический фон. Природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями говорящих, с практическим опытом человека, с культурно-историческими традициями говорящих на данном языке.

Авторы акцентируют внимание читателя на том, что в состав необходимой информации о той или иной фразеологической единице входит знание таких ее структурных компонентов, как топонимы, историзмы, на-

звания народов, названия социальных институтов или сословий, государственных учреждений, религиозных символов, праздников, многих других реалий, таких как монетная система, единицы мер, названия блюд, напитков, безэквивалентные лексические единицы, а также знание исторических фактов, национальных традиций, обычаев, литературных источников, породивших эти фразеологизмы, то есть всей экстралингвистической информации, связанной с фразеологической единицей и обусловившей национальное своеобразие семантики фразеологизма и его образности.

Обобщая свои наблюдения, авторский тандем рецензируемой книги приходит к выводу, что именно потому, что во фразеологизмах наиболее сильно и ярко отражены национально-культурные особенности народа, осуществить их перевод с одного языка на другой значительно труднее, чем перевод отдельных слов. Следовательно, заключают авторы, переводчику недостаточно знания лексики и грамматики иностранного языка (исходного языка), ему необходимо также обладать знаниями о том, что социологи называют массовой культурой, т. е. фоновыми знаниями, и ориентироваться на них в своей деятельности не только интуитивно, но и вполне сознательно.

А. Ф. Артемова и О. А. Леонович подчеркивают повышенную страноведческую ценность фразеологии, поскольку ФЕ, наряду с конкретными реалиями, отражают неповторимый национальный характер народа — носителя языка. Принимая во внимание тот факт, что носитель языка знает, как правило, около тысячи языковых афоризмов, авторы книги настаивают на необходимости обязательного включения идентичного объема фразеологии в учебный план будущего лингвиста или преподавателя иностранного языка. Причем эти фразеологические единицы «должны усваиваться в процессе изучения языка на тех же основаниях, на которых изучаются слова», как справедливо считают авторы.

Нельзя не заметить, что в своей работе А. Ф. Артемова и О. А. Леонович опирались на достижения Московской школы лингвокультурологического анализа фразеологизмов и на опыт создания этой школой фразеологического словаря русского языка с культурологическим комментарием (Телия 2006) — словаря нового типа (Поцелуева, Федуленкова, 2010: 239–243), авторы рецензируемого издания убеждаются в мысли о том, что фразеологические единицы следует считать лингвокультурологическими единицами, во внутренней форме которых отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного общества.

Что касается английской фразеологии, то, выражая сожаление по поводу отсутствия до настоящего времени специального словаря, в котором фразеологические единицы английского языка описывались бы с лингво-

страноведческой точки зрения, авторский тандем указывает на незначительное количество ФЕ в таком издании, как «Великобритания. Лингвострановедческий словарь», вышедшем в Москве в 1980 г., и отмечает затерянность среди основной массы ФЕ наиболее интересных в национально-культурном отношении фразеологизмов в «Англо-русском фразеологическом, словаре», составленном А. В. Куниным (1998).

Между тем, специальный лингвострановедческий словарь ФЕ послужил бы, по мнению авторов, хорошим пособием для студентов, изучающих английский язык и английское страноведение, принес бы несомненную пользу при лингвострановедческом и стилистическом анализе текстов. Предлагаемая работа авторского тандема и является попыткой создать такое пособие, в котором представлены ФЕ по рубрикам:

1. ФЕ, связанные с историей Великобритании (*Addled Parliament, the Black Prince, the King's beam*).

2. ФЕ, описывающие Великобританию как государство (*Bill of Attainder, the assumptive arms, Special Branch*).

3. ФЕ, связанные с традициями и обычаями английского народа, с английским фольклором (*channel fever, find the bean in the cake, at latter Lammas*).

4. ФЕ, созданные или популяризированные английскими писателями, поэтами, драматургами (*artful dodger, banbury man, drop the pilot*).

5. ФЕ, связанные с английским театром (*among the Gods, green room, tobbu collar*).

6. ФЕ, с компонентом «имя собственное» (*sham Abraham, astonish the Browns, Jack in the low cellar*).

7. ФЕ, связанные с историей и культурой США (*prairie schooner, black stock, rotten apple theory*).

В качестве инновационного авторского приема следует особо отметить детальную рубрикацию основных групп фразеологического поля современного английского языка, например, в таких разделах, как:

○ ФЕ, описывающие Великобританию как государство: 1) ФЕ, связанные с географическим положением страны, национальной символикой, эмблемами, геральдикой, некоторыми государственными учреждениями, законами (*the Orange Book, Golden Rover, Queen's bounty*); 2) ФЕ, связанные с английским судом и судопроизводством (*brazen bull, full bottom, put on the black cap*); 3) ФЕ, описывающие аксессуары и традиции парламента (*Treasury Bench, Blue Book, reach the wool-sack*); 4) ФЕ, связанные с названиями постов, занимаемых членами парламента (*Baby of the House, First Commoner, parliamentary agent*); 5) ФЕ, описывающие процедуры внесения, рассмотрения и принятия законопроектов, порядок работы парламента

(*kill the bill, enter the house, kangaroo closure*); 6) ФЕ, отражающие стиль языка, принятого в парламенте (*another place, my honourable friend, this house*); 7) ФЕ, связанные с использованием искаженных слов и выражений английского языка (*Baboo English, Krou English, sandal-wood English*); 8) ФЕ, связанные с религией, с церковью (*Broad Church, Good Friday, quaker's meeting*);

○ ФЕ, связанные с традициями и обычаями английского народа, с английским фольклором: 1) ФЕ, отражающие общенациональные традиции (*carry away the bell, beating of bounds, but and ben*); 2) ФЕ, связанные с обычаями, присущими отдельным группам населения (*ancient mariners, apple-pie bed, dolly shop*); 3) ФЕ, связанные с английским фольклором (*bell the cat, gnaw a file, rid the goat*);

○ ФЕ, с компонентом «имя собственное»: 1) ФЕ, в состав которых входят широко распространенные английские имена (*Brown, Jones and Robinson, John Trot, Tim Bobbin*); 2) ФЕ с элементами реальной антропониимии (*Mother Bunch, Iveagh Bequest, Rowton house*); 3) ФЕ, в состав которых входят имена литературных персонажей, герои фольклора (*Sister Anne, Jack Horner, Tom Thumb*); 4) ФЕ, в состав которых входят названия улиц и районов Лондона (*Fleet street marriage, Tyburn blossom, Grub-street hack*); 5) ФЕ, в состав которых входят названия английских городов, деревень, графств и т. д. (*it bangs Banagher, Bath chair, Bristol compliment*); 6) ФЕ, в состав которых входят прилагательные, образованные от географических имен (*Irish bull, Kentish fire, Scotch foot*).

Лингводидактическая валидность таких фразеологических единиц весьма высока, и связано это с тем, что, во-первых, большинство из этих ФЕ знакомо носителям языка с самых ранних лет и, во-вторых, эти фразеологические единицы обладают весьма высокой частотностью в различных видах современного дискурса.

Актуальность данного издания поддерживается инновационным подходом его авторов к изучению фразеологии английского языка, проведением критического анализа классификаций фоновых знаний наряду с представлением рекомендаций по их творческому расширению и совершенствованию, акцентуацией внимания читателя на фоновых знаниях, имеющих выраженный *дихотомический* характер (термин мой. — Т. Ф.), вниманием к детальной тематической рубрикации фразеологических единиц и, конечно, подбором широкого ряда новейших, исконно английских фразеологических единиц, которые еще не были зафиксированы в лексикографических и фразеографических источниках.

В заключение выражаю свою поддержку лингводидактическим идеям А. Ф. Артемовой и О. А. Леонович и твердую уверенность в том, что

национальная фразеология просто обязана быть предметом первой очередности для изучения не только на специальных языковых факультетах университетов, но и должна быть доступна для активного изучения учащимися обычной средней школы. Без фразеологии, как и без лексикона и грамматики английский язык, как, впрочем, и любой другой, освоить в совершенстве невозможно.

Список литературы / References

- Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. 3-е издание. М.: Физматлит. 2005. [Arakin, Vladimir D. (2005) *Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov: uchebnoe posobie* (Comparative Typology of English and Russian: Manual). Moscow: Fizmatlit. (In Russian)].
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. [Ahmanova, Olga S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russian)].
- Верещачин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик. 2005. [Vereshchagin, Evgeniy M., Kostomarov, Vitaliy G. (2005) *Yazyk i kul'tura* (Language and Culture). Moscow: Indrik. (In Russian)].
- Дейк Ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 2000. [Dejk, Van Ten A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya*. (Language. Knowledge. Communication.). Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene. (In Russian)].
- Воробьева Л. Б. Пословицы и поговорки как источник сведений о культуре народа // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Материалы Международ. науч.-практ. конф. 17–19 марта 2006 г. / ред. В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, М. А. Фокина. М.: Элпис. 2006. С. 389–393. [Vorob'eva, Ludmila B. (2006) *Posloviцы i pogovorki kak istochnik svedenij o kul'ture naroda* (Proverbs and Proverbs as a Source of Information about the Culture of the People) // *Problemy semantiki yazykovykh edinic v kontekste kul'tury: lingvisticheskij i lingvometodicheskij aspekty* (Problems of Semantics of Language Units in the Context of Culture: Linguistic and Linguometodic Aspects): Materialy Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. 17–19 marta 2006 g. / red. Valerij M. Mokienko, Alina M. Melerovich, Marina A. Fokina. Moscow: Elpis, 389–393. (In Russian)].
- Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. М.: ВШ, 1970. [Kunin, Alexander V. (1970) *Anglijskaya frazeologiya. Teoreticheskij kurs* (English Phraseology. Theoretical Course.). Moscow: VSh. (In Russian)].
- Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука. 1968. [Polivanov, Evgeniy D. (1968) *Stat'i po obshchemu yazykoznaniiyu* (Articles on General Linguistics). Moscow: Nauka. (in Russian)].
- Поцелуева Н. В., Федуленикова Т. Н. Фразеологический словарь нового типа // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвященной юбилею д-ра. филол. наук проф. В. Н. Телия. Т. 1. М.; Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 239–243. [Pocelueva, Natalia V., Fedulenkova, Tatiana N. (2010) *Frazeologicheskij slovar' novogo tipa* (Phraseological

- Dictionary of a New Type) // *Zhivodejstvuyushchaya svyaz' yazyka i kul'tury: Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoj yubileyu d-ra filol. nauk prof. V. N. Teliya. T.1.* (Living Connection of Language and Culture: Materials of International Scientific. Conf., Dedicated to the Anniversary of Dr. Ph.D. prof. Veronika. N. Telia. V. 1.). Moscow; Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo, 239–243. (In Russian)].
- Телия В. Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АКТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 6–14. [Teliya, Veronika N. (2006) *Predislovie* (Preface) // *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij* (Great Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Use. Cultural Commentary) / Otv. red. Veronika N. Teliya. Moscow: АКТ-PRESS KNIGA, 6–14. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Распространенные структурные модели деловой терминологии современного английского языка (по словарю Д. Паркинсона) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 114–125. [Fedulenkova, Tatiana N. (2020) *Rasprostranennye strukturnye modeli delovoj terminologii sovremennogo anglijskogo yazyka (po slovaryu D. Parkinsona)* (Common Structural Models of the Business Terminology of Modern English (according to the Dictionary of D. Parkinson)) // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Cherepovets State University), 3 (96), 114–125. (In Russian)].
- Fedulenkova, Tatiana (1997) *Idioms as an Effective Means in Intercultural Approach* // *Approaches to Teaching English in an Intercultural Context*. Meta Grosman (ed.). Ljubljana: University of Ljubljana, Faculty of Arts, 67–74.
- Fedulenkova, Tatiana (2002) *Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness* // *Domain-Specific English: textual practices across communities and classrooms*. Giuseppina Cortese & Philip Riley (ed.). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Mein; New York; Oxford; Wien: Lang, 247–269.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-151-155

ДА ВОЗДАСТЯ КАЖДОМУ ПО ТРУДАМ ЕГО

А. Д. Бакина¹, Т. Н. Федуленкова²

¹Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева,
Орел, Россия

²Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на кн.: **Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках:** в 2 т. / авт. сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. 288 с. Т. 1. 288 с., Т. 2. 308 с. ISBN 978-985-568-502-0 (Т. 1), ISBN 978-985-568-503-7 (Т. 2).

Представляя собой новейший научный результат и, несомненно, плод многолетней работы по сбору и обработке как языкового материала из библейских текстов на 19 языках, так и имеющихся словарей и справочников библейских крылатых слов и выражений с целью лингвистического описания в традициях лингвокультурного, культурно-исторического и аналитико-фразеологического подходов к изучению библейской афористики, рецензируемый словарь библейских фразеологизмов знаменует еще одну научно значимую веху в истории исследования собрания сакральных текстов и библеизмов в частности.

Библия как первотекст и праисточник универсальной житейской мудрости, как собрание текстов, обладающих исключительной культурно-языковой значимостью и прецедентностью, была и остается объектом подробного изучения в современной научной парадигме. Интерес к этому уникальному объекту не ослабевает, а скорее, каждый раз «подогревается» с новой силой с возникновением различных подходов и концепций к его трактовке в аспектах лингвокогнитивных, лингвокультурных или сугубо языковедческих исследований. Способный оказывать воздействие на мировую цивилизацию во всех ее культурно значимых проявлениях, этот уникальный с позиции внутренней и внешней языковой динамики текст бесчисленное количество раз возобновляется в речи самых разных носителей языка. Яркие библейские образы и символика библейских сказаний получает отражение в выражениях и цитатах, заимствованных из библейских текстов, которые оказываются необходимым инструментом для фор-

мулирования универсальных истин. Будучи прецедентным текстом самого высокого порядка, библейский текст, точнее его частицы (от слова до сверхфразового единства) воспроизводятся в самых разных контекстах, начиная от бытового дискурса и заканчивая политическим или юридическим), еще раз доказывая универсальность смыслов, заложенных в нем. Библейские изречения стали неотъемлемой частью русского языка. Однако во многих других европейских языках и культурах они весьма употребительны и актуальны, иногда немного изменяясь и удивительно приспосабливаясь к новым реалиям жизни. Библизмы не только специфическим образом адаптируются в каждом национальном языке и культуре, но и сами несут в себе древнейшие, универсально-типологические черты, элементы и смыслы из древнего фольклора, что делает задачу их идентификации и комплексного описания многослойной и многоаспектной (Балакова, Ковачова, Мокиенко 2013: 53–55). Обращение авторов в своей речи к библейским изречениям служит, главным образом, маркером начитанности, эрудированности: они делают нашу речь более экспрессивной и эмоционально-окрашенной, придают выражаемым взглядам весомость и достоверность. Тем не менее не исключены случаи не(-до)понимания собеседником того, что именно до него хотел донести человек, цитируя Священное Писание. В этом отношении становятся понятны задачи фразеологов по созданию словарей, словарей-справочников или энциклопедий, стремящихся представить наиболее исчерпывающую информацию о библизмах, об их происхождении, значении, предопределяющих использование этой единицы в том или ином контексте употребления, возможных аналогах в других языках и т. п.

Предназначенный для лингвистов и лингвокультурологов, изучающих Библию, и переводчиков, библистов, исследователей, занимающихся проблемами фразеологической компаративистики, и вообще всех «почитателей библейской мудрости», данный словарь ориентирован на логическую и объективную систематизацию имеющихся на данный момент библейских фразеологических единиц и их эквивалентов в других языках. Сбор и организация материала словаря несомненно потребовали скрупулезного труда, аккумуляции историко-лингвистического, фразеосемантического, лексикографического знания, а также глубокого проникновения в культурно-языковые глубины массового сознания и менталитета того или иного народа.

Обычно при создании такого рода словарей и справочников авторы ограничиваются сопровождением словарных единиц толкованием и / или указанием места и контекста их первоначального употребления. В настоящем издании мы имеем дело не только с дефинициями, но и с более чем 15

эквивалентами на других неблизкородственных языках, и «запараллеленными» контекстами.

Необходимость создания многоязычного словаря библейских выражений, по мнению авторов, обуславливается рядом успешно решаемых задач, продиктованных целями современных фразеологических и фразеографических, семантических и типологических исследований, а именно выявление наиболее употребительных библеизмов в живой актуальной речи, их многоаспектное лингвистическое описание с подробным толкованием их значений и историко-этимологическим комментарием, а также указанием стилистических особенностей их употребления и сопоставление с эквивалентами в языках славянского и неславянского происхождения. Кроме того, словарь снабжен указателями библейских источников и списками крылатых выражений и афоризмов на каждом языке. В словаре представлены библейские единицы как пословичного (коммуникативного фразеологического типа), так и непословичного типа.

Не ускользает от нашего внимания и то, что в словаре получает отражение проблема вариантности фразеологизмов библейской этимологии. Обсуждение этого вопроса многими отечественными и зарубежными лингвистами еще раз доказывает его важность и актуальность. Известно, что большинство библеизмов получают свое неуклонное развитие, изменяясь / варьируясь, а не оставаясь «застывшими» единицами (Федуленкова 2016: 53; Mieder 2018: 74–97). Ср., напр.: *рус.* возлюбѣ (любѣ) ближнего своего [как самого себя]; *англ.* for ever (forever) and ever; from this time forth, and even for evermore; till the end of time. Включение в словарь вариантов библейских фразеологизмов расширяет спектр поисковых и аналитических процедур, с одной стороны, с другой, позволяет выявить закономерности развития библейской фразеологии.

В работе над рецензируемым лексикографическим изданием приняли участие маститые лингвисты, десятилетиями занимающиеся проблемами фразеологии З. К. Адамия, А. С. Алешин, Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Д. Дракулич-Прийма, Э. Коморовска, Э. Кржишник, А. С. Макарова, А. Морпурго, Н. Прасолова-Милчовска, Н. Райнохова, М. Руис-Соррилья, А. Саркисян, Ж. Финк-Арсовски, протоиерей М. Чабашвили, Я. Шинделаржова во главе с фразеологом мирового уровня, председателем Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов профессором **В. М. Мокиенко** и членом Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов профессором **Е. Е. Ивановым**.

Немаловажным оказывается и тот факт, что результаты по созданию словаря получены в ходе реализации международного научного проекта

European Dictionary Biblicisms (2014–2015 гг.) по созданию «Русско-славянского словаря библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках», а также международного научного проекта «Воздействие языкового наследия Библии на фразеологические подсистемы русского и белорусского языков (историко-этимологический, структурный, функциональный, сопоставительный аспекты)» под руководством Е. Е. Иванова и В. М. Мокиенко. Кроме этого, работа в рамках международного проекта «Библия и христианство во фразеологии» (*Bible and Christianity in Phraseology*) внесла свою лепту в создание рецензируемого словарного издания с учетом материалов Краткого русско-словацко-немецкого словаря крылатых слов, составленного Д. Балаковой, В. Ковачовой, В. М. Мокиенко, Х. Вальтером (Балакова, Ковачова, Мокиенко 2013).

Вместе с авторами словаря мы искренне надеемся на то, что настолько комплексное лингвистическое описание, семантико-стилистическая характеристика фразеологических единиц библейского происхождения в сопоставлении с их аналогами в других языках повысит культурную грамотность современного носителя языка, поможет в осознании насущности и уместности употребления того или иного библеизма. Действительно, невозможно не обращать внимание на актуальную проблему сегодняшнего носителя, допустим, русского языка, который, несмотря на богатейшие религиозные, церковно-славянские традиции, поддерживаемые в современном обществе, не имеет достаточно знаний для употребления библеизмов, которые, однако, он часто использует в повседневной речи. Сопоставительное исследование фразеологизмов библейской этимологии позволяет акцентировать внимание на данном вопросе и решить проблему библейско-фразеологической безграмотности.

Вне всякого сомнения, авторы данного лексикографического труда преуспели в своем стремлении создать такой словарь, который способен показать связи, «преемственность и общие корни христианской культуры православной и неправославной Европы» (С. 5).

Словарь «Лепта библейской мудрости» предоставляет великолепную возможность более углубленного и детального изучения библейских крылатых слов и афоризмов, выявления их этимологии, изучения связей славянских библейских выражений с библейскими темами, образами, сюжетами, прототипами и их аналогами в неславянских языках, наконец, выявления модификаций, которые произошли с фразеологизмами библейского происхождения в процессе их функционирования в различных языках.

Практическая ценность словаря видится в возможности его использования в качестве настольной книги как для фразеолога-любителя, только

постигающего азы библейской фразеологии, так и преподавателя теории языка, лексикологии, теории межкультурной коммуникации и т. п., или узкого специалиста по сопоставительной фразеологии и фразеографии, исследующего развитие фразеологической науки посредством обсуждения актуальных проблем и поисков путей их решения, связанных со спецификой именно библейской фразеологии.

Список литературы / References

- Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В. М. Наследие Библии во фразеологии / ред. Х. Вальтер. Грайфсвальд: Ун-т Грайфсвальда. 2013. [Balakova, Dana, Kovachova, Vera, Mokienko, Valerij M. (2013) *Nasledie Biblii vo frazeologii* (The Legacy of the Bible in Phraseology). H. Val'ter (ed.). Grajfsval'd: U-ty in Greifswald. (In Russian)].
- Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова. 2019. [*Lepta biblejskoj mudrosti: rusko-slavyanskij slovar' biblejskih krylatyh vyrazhenij i aforizmov s sootvetstviyami v germanskih, romanskih, armyanskom i gruzinskom yazykah* (2019) (Biblical Wisdom: Russian-Slavic Dictionary of Biblical Winged Expressions and Aphorisms with Correspondences in Germanic, Romanesque, Armenian and Georgian): v 2 t. avt.-sost.: Z. K. Adamiya [i dr.]; pod obshch. red. E. E. Ivanova [i dr.] (in 2 volumes. Z. K. Adamiya and others (comp.), E. E. Ivanov (ed.)). Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения. М.: Изд. Дом Академии Естествознания. 2016. [Fedulenkova, Tatiana N. (2016) *Lekcii po anglijskoj frazeologii biblejskogo proiskhozhdeniya* (Lectures on English Phraseology of Biblical Origin). Moscow: Izd. Dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russian)].
- Mieder, Wolfgang. (2018) "It's a Small World": From Widespread Idioms to Widespread Proverbs. *Modern Phraseology Issues: Monograph in Memory of Elisabeth Piirainen*. Tatiana N. Fedulenkova (ed.). Arkhangelsk: Solti, 74–97.

ХРОНИКА

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ВШП НГЛУ

Пандемия коронавируса и вынужденный переход на общение преимущественно в режиме онлайн многое изменили в укладе жизни вузов, но не стали препятствием к продолжению исследовательской деятельности. Подтверждением этому является целая серия научных мероприятий, проведенных осенью 2020 года Высшей школой перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Они свидетельствуют о том, что онлайн-режим, помимо очевидных недостатков, имеет и несомненное преимущество, а именно: способствует интенсификации научного диалога ученых России и других стран, укреплению связей между ними. Выступая на конференции «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира», известный американский переводовед Дуглас Робинсон отметил, что общение в онлайн-режиме избавляет от необходимости совершать утомительные переезды из одной страны в другую. И это действительно так. Но, помимо этого, благодаря такому общению коллеги получили возможность познакомиться и обменяться мнениями с выдающимися учеными, встречи с которыми в других условиях пришлось бы ждать долго.

10–11 октября 2020 г. прошла научная онлайн-конференция **«Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние»**, организованная совместно НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Вологодским государственным университетом и Институтом интенсивного обучения иностранным языкам при Рурском университете (г. Бохум, ФРГ) при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проводившаяся ранее на базе ВоГУ, эта конференция, четвертая по счету, стала уже вполне традиционной. На этот раз нетрадиционным был разве что ее формат. В конференции приняли участие представители более тридцати российских университетов, а также ученые из Республики Беларусь, Греции, Южной Осетии и Афганистана. Участие афганских коллег было особенно заметным: пять исследователей из Университета Фарьяб, с которым ВШП НГЛУ сейчас активно развивает отношения сотрудничества, выступили с научными докладами, посвященными, в основном, использованию информационных технологий в переводческой деятельности, а ректор Университета Фарьяб Фироз Узбек Карими обратился к участникам с приветственным словом. Всего в конференции приняли участие 106 человек.

Научный уровень конференции был весьма высоким. Например, значительный интерес вызвал пленарный доклад д-ра филол. наук, профессо-

ра О. А. Леонтович на актуальную тему «Чувственный образ бесконечности: интерсемиотический перевод русской классики средствами зарубежной кинематографии». Особенностью конференции стало проведение круглого стола, в рамках которого ученые из НГЛУ им. Н. А. Добролюбова поделились предварительными результатами научного исследования «Основные принципы подготовки преподавателей перевода» (проект реализуется при финансовой поддержке РФФИ, № 20-013-00149). Не вызывает сомнений актуальность указанной проблемы: в условиях, когда подготовка профессиональных переводчиков стала массовой, когда в нее оказались вовлеченными большое количество вузовских преподавателей, целенаправленной подготовки преподавателей перевода нет ни в нашей стране, ни за рубежом, а требования к компетенциям преподавателей перевода и методические подходы к их формированию не определены. На секционных заседаниях конференции были рассмотрены проблемы переводческой практики, вопросы перевода художественного текста, проблемы подготовки переводчиков, особенности осуществления разных видов перевода и перевода текстов разных жанров, использования информационно-коммуникационных технологий в переводческой деятельности. И, разумеется, одной из фундаментальных проблем, оказавшихся в центре внимания участников конференции, стала проблема влияния фактора культуры на ход и результат переводческого процесса. По результатам конференции издан сборник тезисов выступлений участников, включенный в базу научного цитирования РИНЦ.

Октябрь закончился еще одним знаменательным событием, инициатором которого стала недавно созданная, но уже активно работающая Международная научно-исследовательская лаборатория «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» (руководитель — проф. О. В. Петрова). 27 октября был проведен вебинар доцента Воронежского государственного университета Е. А. Княжевой на тему «**Оценка качества перевода: теория и практика**». Елена Александровна известна в стране как один из ведущих специалистов в области теоретического рассмотрения проблемы оценки качества перевода, автор монографии «Оценка качества перевода: история, теория, практика» (Москва: Флинта: Наука, 2018). Интерес к выступлению Е. А. Княжевой был весьма велик: сто слушателей (их могло бы быть и больше, если бы позволила платформа вебинара) задали большое количество вопросов, активно участвовали в развернувшейся дискуссии. Обсуждение затронутых Е. А. Княжевой проблем продолжалось и по завершении вебинара, уже по электронной почте. В переписке с участниками вебинара участвовали и Е. А. Княжева, и руководитель лаборатории. Все авторы писем отмечали необходимость в таких на-

учных мероприятиях и благодарили за возможность познакомить студентов с содержанием вебинара, появившуюся в связи с тем, что видеозапись выступления Е. А. Княжевой и последовавшей за ним дискуссии была выложена на гугл-диске.

16–19 ноября Высшая школа перевода НГЛУ провела традиционную молодежную научно-практическую конференцию **«Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире»**. Эта конференция проводится ежегодно с 2007 года и уже давно стала знаковым и весьма ожидаемым событием в научной жизни страны. Каждый год десятки будущих переводчиков собираются на базе НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, чтобы обсудить результаты своих научных исследований, а также принять участие в переводческих состязаниях — конкурсах устного и письменного перевода. В этом году — вполне ожидаемо — в конференции приняли участие большее, чем обычно, количество студентов: число зарегистрировавшихся студентов и магистрантов составило более 330 человек. В этот раз они представляли около 40 вузов страны. Расширилось и международное участие: помимо студентов из Минского государственного лингвистического университета — нашего постоянного партнера, — к конференции присоединились студенты из Казахстана и Донецкой Народной Республики. Особенностью конференции стало участие студентов младших курсов и учащихся школ, в том числе из г. Коломны, объединившихся в отдельную секцию «История переводческой деятельности».

Онлайн-формат не помешал проведению ни конкурсов письменного перевода, ни даже конкурсов устного перевода. По заведенной традиции были организованы конкурсы перевода английского, немецкого, французского, испанского и китайского языков, а также конкурс художественного перевода английского языка. Единственное, чего не хватало, — это обычной на конкурсах устного перевода многочисленной аудитории слушателей: участники были вынуждены демонстрировать свои навыки перевода лишь взыскательному жюри, в которое входили преподаватели разных вузов и представители переводческого сообщества. Впрочем, и здесь на помощь пришло облачное хранилище, куда были выложены записи конкурсов. Таким образом, в отличие от обычной ситуации, когда возможность следить за выступлениями конкурсантов бывает ограничена вместимостью аудиторий, на этот раз если не поддержать своих коллег, то во всяком случае понаблюдать за их выступлением смогли не только студенты НГЛУ, но и студенты всех вузов, представители которых участвовали в конкурсе. В этой необычной ситуации особенно ярко проявили себя студенты НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Московского государственного лингвистического университета, Минского государственного лингвистического университе-

та, Воронежского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Севастопольского государственного университета, Челябинского государственного университета, Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Мурманского арктического государственного университета, Северного арктического федерального университета им. М. В. Ломоносова, Самарского государственного социально-педагогического университета.

Научная составляющая программы была, конечно же, не менее важной, чем профессиональные конкурсы. Анализ обсужденной проблематики свидетельствует о том, что в последнее время внимание исследователей, в том числе и молодых, все чаще обращается на проблемы использования информационных технологий в переводческой деятельности и на особенности осуществления аудиовизуального перевода, хотя при этом и достаточно традиционные проблемы переводоведения подвергаются активному изучению.

Одним из наиболее значимых и интересных событий в научной жизни не только НГЛУ, но и всего переводческого сообщества стала конференция **«Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира»**, проведенная Международной научно-исследовательской лабораторией «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» 5–6 декабря 2020 г. Как всегда бывает в таких случаях, круг обсужденных вопросов оказался значительно шире той темы, что была заявлена в названии конференции. Переводоведы и преподаватели перевода из 27 российских и 13 зарубежных вузов из 10 стран мира обсуждали самые разные переводоведческие проблемы, важнейшей из которых стала проблема подготовки профессиональных переводчиков. Участники конференции имели уникальную возможность услышать в одно время и в одном месте ученых с мировыми именами: в пленарных заседаниях приняли участие профессор Дуглас Робинсон, американский переводовед, переводчик, писатель, ассоциированный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор Энтони Пим, американский переводовед, заслуженный профессор нескольких университетов Европы, Азии и Африки, профессор Кристиана Норд, немецкий переводовед, заслуженный профессор нескольких университетов в разных странах Европы, Азии и Африки, ассоциированный сотрудник Лаборатории, доктор Татьяна Бодрова (Франция), директор ESIT (2011–2015 гг.), профессиональный переводчик-синхронист, ассоциированный сотрудник Лаборатории. Международное представительство не ограничилось участием «звезд»: в конференции также участвовали ученые из

Австралии, Афганистана, Болгарии, Республики Беларусь, Китая, Сербии, Южной Африки, Южной Осетии.

Программа конференция была чрезвычайно насыщенной. При этом участники секционных заседаний отмечали чрезвычайно высокий уровень не только самих докладов, но и разворачивавшихся вокруг них дискуссий. И если время таких дискуссий на пленарных заседаниях было ограничено, то заседания секций продолжались много дольше, чем это изначально планировалось организаторами конференции.

Конференция показала, что новый, хотя и становящийся уже привычным формат конференции онлайн, имеет целый ряд преимуществ. Он не только позволяет участвовать в конференции тем ученым, которые из-за напряженного графика повседневной работы не смогли бы приехать или прилететь издалека — скажем, из Австралии. Он, благодаря видеозаписи всех пленарных и секционных заседаний, дает возможность участникам послушать выступления коллег на разных секциях, даже если их заседания проходят параллельно. Более того, теперь записи докладов крупнейших ученых разных стран мира доступны широкой аудитории (в том числе и студенческой), что было бы невозможно при традиционной форме проведения конференции. Конечно, этот формат лишает нас того, что мы все особенно ценим в конференциях: личного общения, дискуссий в кулуарах, обмена мнениями во время так называемых кофе-брейков. Но если говорить о доступности всей программы конференции для каждого участника, то нельзя не признать преимуществ нового формата.

Все научные мероприятия ВШП НГЛУ проводятся под эгидой Союза переводчиков России и в тесном сотрудничестве с ним. Президент СПР Ольга Юрьевна Иванова и ректор НГЛУ, проф. Жанна Викторовна Никонова открывали все конференции и неизменно подчеркивали важность их проведения для развития науки о переводе, дальнейшего сплочения переводческого сообщества и вхождения российских вузов в международное научное сообщество.

О. В. Петрова, В. В. Сдобников

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Института иностранных языков Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева. E-mail: heart-anna@yandex.ru

Белошицкая Елена Алексеевна, преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Московского государственного лингвистического университета. E-mail: el.beloshitskaya@mail.ru

Дмитриева Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: eldmtrieva@yandex.ru

Иванова Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: olga-ivanova225@rambler.ru

Копоть Лилия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета. E-mail: kopot79@mail.ru

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, доцент, начальник научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: svetlakor0808@gmail.com

Кузьмина Маргарита Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: kuzmina-margarita.2015@yandex.ru

Оберемко Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: dolober@yandex.ru

Старостина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева. E-mail: juliatim@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и

Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАН. E-mail: fedulenkova@list.ru

Харьковская Антонина Александровна, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева. E-mail: aax2009@mail.ru

Цепков Илья Викторович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: eliyyah@mail.ru

Шнякина Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета. E-mail: zeral@list.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 4 (52)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
Ю. А. Белякова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 30.12.2020. Формат 60х90 1/16.

Печ. л. 10,1. Тираж 500 экз.

Цена договорная. Заказ 9853.

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а